ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2022, Том 2, №3

Подписано к публикации: 5.08.2022

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

Содержание

Андреев В.К., кандидат филологических наук, доцент,
Псковский государственный университет

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕННАДИЯ КОНОНОВА)

Аннотация: в статье анализируется динамика концепта «Родина» в произведениях псковского поэта Геннадия Кононова. Материалом для исследования послужили стихотворения, опубликованные в конце XX – начале XXI века. Цель исследования – доказать, что динамика поэтического концепта во многом обусловлена социокультурными условиями, в которых протекает творчество автора, и его личными морально-этическими установками. Излагается биография Г. Кононова, уроженца Псковщины, который более 20 лет работал учителем в школе провинциального городка Пыталово. Понятийный уровень концепта «Родина» в его поэтическом отображении представлен в статье аксиологемами, передающими основные оценочные аспекты восприятия и интерпретации Г. Коновым понятия малой родины и родной страны. Прежде всего, это традиционная для русской поэзии идея великой православной Руси, вера в божественное предопределение России, однако в 90-е г. XX века поэт видит разрушение устоев православной морали. Просторы русской земли – одна из основных тем образного компонента концепта «Россия», которая также передается в пессимистическом ключе, как и провинциальные городские пейзажи. В стихотворениях начала XXI века, что соответствует и настроениям в обществе, появляется надежда на обновление. Впечатляет образ молодой России, который иллюстрируется одним из наиболее лирических произведений поэта. Результаты филологического анализа поэтического текста, представленные в статье, могут быть использованы при разработке вузовских курсов литературоведческого и лингвокультурологического блоков.

Ключевые слова: филологический анализ текста, региональная поэзия, поэтический концепт, аксиологема, образ России, псковский поэт Геннадий Кононов

Поэтический концепт «Родина» воплощается на понятийном и образном уровне авторами из самых разных регионов России, произведения которых анализируются в проблемном поле литературоведения и лингвоконцептологии с акцентом на региональных и общерусских особенностях авторской позиции [1-4].

Мы обратимся к творчеству псковского поэта Геннадия Владимировича Кононова (1959-2004). Он родился в г. Пыталово Псковской области, в 1980 году окончил факультет русского языка и литературы Псковского государственного педагогического института. Более 20 лет работал учителем русского языка и литературы. Стихи начал писать еще будучи студентом. Период его поэтической зрелости следует отнести к концу 80-х – началу 90-х годов 20 века. Первые публикации появляются в конце 90-х годов. Печатался в газетах «Литературная Россия», «Литературная учеба», в журналах «Юность» и «Москва», в поэтических альманахах «Третье дыхание» [5], «Истоки» [6], «Приют неизвестных поэтов» [7], «Скобари» [8], которые и стали источниками материала для нашего исследования.

Одним из ключевых концептов в культуре каждого народа является концепт «Родина». Динамика его содержательной структуры напрямую связана с изменениями в обществе. Художественный текст того или

иного исторического периода является социокультурологически ценным материалом для реконструкции образа Родины в концептуальной картине мира россиянина – представителя той или иной социальной группы, к которой принадлежит автор текста или его герои.

Захолустный городок Пыталово, 90-е годы XX века – вот пространствено-временные координаты творчества псковского поэта Геннадия Кононова, который в своем произведении «Ars poetika» признается: «Я открыл ад в провинциальных переулках. Ад без Эвридики и других поэтических красот. И писал только о нем».

Литературный критик В. Курбатов называет поэзию Геннадия Кононова «ощетинившейся», оценивает ее как «горестное завоевание 80-х», где слова «делаются ненадежны, как маска, а воздух чтения встревожен…». Возможно, как отмечает далее В. Курбатов, такая поэзия недолговечна, однако она и не честолюбива и не ищет бессмертия, но это страница, которую опустить нельзя, иначе уже ничего невозможно понять в нынешнем дне и почувствовать, как слово, будто после долгой болезни, медленно вспоминает себя и возвращается из изгнания, а душа еще нерешительно, пока только по сумеркам, но уже выходит на старую русскую дорогу – доверия и любви к другому [9, с. 12].

Русь святая: этот образ культивировался русскими поэтами на протяжении веков. В этнокультурном пространстве текстов Г. Кононова, хотя и редко, мы также находим этот эпитет: *По святой Руси бродит летний дождь.// Как и я, ни в дом он, ни в храм не вхож…*(«В голом мире»). О духовных корнях России говорится и в стихотворении «Страны моей сыны пред долларом равны»: *Есть тело тишины, нет истине цены,//* ***и верой предков Русь крепка доныне…***

Сам поэт как истинно русский человек тоже верит в божественное предопределение России. Неслучайно, по-видимому, в стихотворении «Шаткая наша вера…» он называет и себя ***балалайкой*** *Бога*, используя безэквивалентное наименование традиционно русской реалии (*Я балалайка Бога с гением в три струны*). Однако, по ощущениям поэта, «древние святыни» не могут изменить существующего положения вещей, потому что русские люди перестали иметь Бога в душе: *Что тебе снится, горькая наша земля?// Отсвет пожаров, бессилье древних святынь,// вербы в тумане, заречные тополя?// Аминь.* («Плюет рассвет на свечу…»).

В стихотворении «Иллюзии иллюзиями» есть такие строки: *Немножко лучше там, где Он еси.// Здесь, что ни вечер, пляшут саломеи,// и, склизкие, на самом дне Руси// пути людей сплетаются, как змеи.* Образ Саломеи, по легенде, погубившей Иоанна Крестителя, последнего пророка, который предсказывал приход на Землю Христа, очень выразителен. Имя собственное автор трансформирует в нарицательное существительное, употребляя его в форме множественного числа, что в совокупности с конструкцией *что ни вечер* позволяет передать идею постоянного всенародного разрушения в себе Бога, а значит, и самих себя. Но если таковы люди, то и страна в целом воспринимается как безбожная: *Меж столбами погасших навек фонарей,// нехороших предчувствий полны,// мы проходим, листая страницы дверей,// по порогам* ***безбожной страны.*** («Меж столбами погасших навек фонарей…»).

Просторы русской земли – одна из основных тем образного компонента концепта «Россия». В творчестве Г. Кононова она раскрывается путем осложнения традиционно-поэтического взгляда на Русь. Так, ес-

ли в стихотворении «Пора» поэт восклицает: «Какие дали на ветру, как родина стара...», то в других его произведениях ключевыми словами темы становятся *пропасть*: *Русские пропасти дна не имеют* («Выпив вина, развалиться в постели») и *бездна*: *Уныло смердят злополучные русские бездны* («Не осмыслить простого»). Это пространство оказывается гибельным для человека. Итогом развития темы становится сравнение бесконечности родных просторов и смерти: *Есть проходы в развалинах, тропы – в замерзших болотах,// а слова тяжелы. И просторней, чем родина, смерть* («Небывалой весной, под наркозом…»).

Неустроенность, неуют, грязные улицы провинциального города – все это дает художнику повод воспринимать место своего проживания как нечто абсолютно не приспособленное для жизни: *Горят века, обряды и жилища. Пылает купиной неопалимой земля моя – огромное кладбище*... («Горят века, обряды и жилища…»).

Долгое отсутствие демократических свобод в России приводит к тому, что и в конце 90-х родина все еще воспринимается многими как тюрьма: *Отечество: казармы,// тюрьмы, наползающая тьма –// А маршрут, в отличие от кармы,// выверен и точен не весьма* («Жуткое Отечество: казармы…»). И если у Кононова-поэта, есть возможность более или менее свободно выражать свои мысли, то, как у учителя из провинциального городка, свобода передвижения и, в целом, жизни, ограничена у него теми минимальными средствами, которые скупо выдает государство: *Нищ, как церковная крыса,// все ж не дает он дуба:// что недоплатит отчизна,// щедро восполнит судьба* («Бюстгальтер»). Отсюда – восприятие жизни в России как принудительного существования: *Сияет тьма в моем краю.// Ночь. Свечи в храмах погасили,// и, коль ты свят, твой дом в раю –// не в принудительной России* («Сияет тьма в моем краю…»).

Россия безразлична по отношению к человеку – это одна из аксиологем /термин К.А.Жукова/ [10, с. 21] – идей оценочного характера, которые, как это ни печально сознавать, составляли в середине 90-х годов 20 века содержание концепта «Родина» в картине мира простого россиянина: *Позволим дням истечь.// Гремят в стаканах кости,// и окна в ледяном изысканном узоре...//* ***России все равно,*** *оставим ли мы кости// на кладбищах ее – иль увезем за море* («Позволим дням истечь…»).

Не удивительно, что и человек не воспринимает страну как свою, боится ее, равнодушен к ней: *Мы кормим больное// Отечество собственным страхом* («К полудню растает…»).

Специфический российский «выход из безысходности» (что не менее печально) – это пьянство. Тема пития на Руси получает у Г.Кононова развитие в двух направлениях. Алкоголь способен согреть человека, заставить его забыть жизненные невзгоды. Контексты подобного рода обычно стилизованы под фольклорные жанры: незатейливой песенки - *Меж твердым декабрем// и мартовской погодкой// Россия грела нас// любовью – или водкой* («Бедная весна»), или сказки: *Посадил дед репку,// вырастил, выпил,// закусил репкой.// Горько, крепко.* («Ода репке»). *Разливайте – пусть пена течет через край.// А о том, что накрылся отеческий рай,// позабудь, если сможешь – а лучше не знай* («Разливайте – пусть пена течет через край…»).

Однако, понимая пагубность пьянства, этого традиционно русского порока, поэт выстраивает и другие, агрессивные, раздражающие читателя контексты: *До полной победы прогресса,// слава Господу, нам не дожить// здесь, в отчизне,// предпочитающей коньяку – политуру,// и подыхающей сдуру*... («Поспешай направо…»).

Используя прецедентный текст советского периода, поэт показывает исторические причины бедственного состояния России: *Надолго Русь Господь обрек// хромать вперед,* ***заре навстречу…***(«Умолкли в душах голоса…»).

Как всякий истинно русский художник, Г.Кононов не может смириться с таким положением вещей. В стихотворении «За стеклом пустые, сонные края…» он вновь обращается к традиционно-поэтическому образу России - спящего былинного богатыря, накапливающего силы для возрождения: *За стеклом пустые,// сонные края.//* ***Это спит Россия,// родина моя.***

В стихотворениях начала XXI века, что соответствует и настроениям в обществе, появляется надежда на обновление: ***Очень скоро на Россию Небеса прольются силой*** («Ватной, сумеречной жизни я дочитываю драму…») Но поэт понимает необходимость сознательного стремления к позитивным переменам. Процесс «обустройства» новой России он сравнивает с хорошо знакомой ему работой по исправлению черновых набросков стихотворений: ***Россия – черновик. Что вычеркнем из списка?//*** *Октябрьский вечер гол, октябрьский ветер сер* («Где твой билет, душа…»).

Положительная динамика перемен в обществе активизирует динамические процессы в концептуальном представлении родины. И отражая основные тенденции в этой сфере, поэтический текст фиксирует становление в русской концептосфере образа молодой России, у которой все хорошее еще впереди, как у пляшущей девочки, в образе которой перед читателем и предстает родина в стихотворении «Купальский дождь» (2003):

Дождь дается как дар.
В нем любовно слились
и сиянье, и тьма.
Падай, словно Икар,
на скрещенья дорог,
на траву и дома.
В мокрой юбочке рощ
пляшет девочка-Русь
до холодной зари,
и в Купальскую ночь
под потоком воды
расцвели фонари.

В стихотворении «Не осмыслить простого» (2003) находим строки, как нельзя лучше отражающие тему молодой, готовой к обновлению России: *Эту землю хранит Божья Мать и Природа, поверьте.// Пусть кровава звезда.* ***Просто слишком земля молода***. А подводя итог всему сказанному выше, можно отметить, что результаты анализа поэтических текстов Геннадия Кононова подтверждают положение о социокультурной и социально-политической обусловленности динамики ключевых концептов русской лингвокультуры, отражаемых авторами, которым суждено «писать стихи в эпоху перемен» [11-13].

Литература

1. Андреюшкина Т.Н. "Крещеный великой рекой": Ставрополь на Волге в местной поэзии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 1 (34). С. 5 – 10.

2. Доржиева Г.С., Жигачева Е.С. Концепт *Байкал* в региональном поэтическом дискурсе // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-1. С. 88 – 94.

3. Сироткина Т.А. Концептуальное поле "Туапсе" в стихах местных поэтов // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: Сборник научных статей международной научной конференции. Витебск: Витебский государственный университет, 2016. С. 276 – 278.

4. Смышляев Е.А. Мифологизация Челябинска в поэзии Яниса Грантса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. Т. 22. № 2. С. 96 – 101.

5. Третье дыхание. Литературный альманах. Вып.3. М.: Интер-весы, 1997. 160 с.

6. Истоки. Литературный альманах. М.: РИФ «Рой», 1999. 40 с.

7. Приют неизвестных поэтов (Дикороссы). М.: ИД «Грааль», 2002. 352 с.

8. Скобари. Альманах псковских писателей. Вып. 5. Псков: Псковский литератор, 2004. 234 с.

9. Курбатов В.Я. К стихам Геннадия Кононова // Литературная учеба. 2000. № 1. С. 11 – 12

10. Жуков К.А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. 26 с.

11. Кучумова Г.В. Писать стихи в эпоху перемен: основные тенденции поэзии после 1989 года в России и Германии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. № 4. С. 154 – 160.

12. Борисова И.М., Забирова Ю.Р. Образы Отечества в сборнике Д. Кан "Звезды окликая" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11-2 (89). С. 241 – 244.

13. Колларова Э., Купина Н.А. Русская поэтическая речь сегодня // Филологический класс. 2018. № 3 (53). С. 14 – 21.

References

1. Andrejushkina T.N. "Kreshhenyj velikoj rekoj": Stavropol' na Volge v mestnoj pojezii. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. 2021. T. 1. № 1 (34). S. 5 – 10.

2. Dorzhieva G.S., Zhigacheva E.S. Koncept Bajkal v regional'nom pojeticheskom diskurse. Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 10-1. S. 88 – 94.

3. Sirotkina T.A. Konceptual'noe pole "Tuapse" v stihah mestnyh pojetov. Regional'naja onomastika: problemy i perspektivy issledovanija: Sbornik nauchnyh statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet, 2016. S. 276 – 278.

4. Smyshljaev E.A. Mifologizacija Cheljabinska v pojezii Janisa Grantsa. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2022. T. 22. № 2. S. 96 – 101.

5. Tret'e dyhanie. Literaturnyj al'manah. Vyp.3. M.: Inter-vesy, 1997. 160 s.

6. Istoki. Literaturnyj al'manah. M.: RIF «Roj», 1999. 40 s.

7. Prijut neizvestnyh pojetov (Dikorossy). M.: ID «Graal'», 2002. 352 s.

8. Skobari. Al'manah pskovskih pisatelej. Vyp. 5. Pskov: Pskovskij literator, 2004. 234 s.

9. Kurbatov V.Ja. K stiham Gennadija Kononova. Literaturnaja ucheba. 2000. № 1. S. 11 – 12

10. Zhukov K.A. Jazykovoe voploshhenie koncepta «Trud» v poslovichnoj kartine mira: avtoref. dis. ... kand. filolog. Nauk. Novgorod. gos. un-t im. Jaroslava Mudrogo. Velikij Novgorod, 2004. 26 s.

11. Kuchumova G.V. Pisat' stihi v jepohu peremen: osnovnye tendencii pojezii posle 1989 goda v Rossii i Germanii. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2017. T. 9. № 4. S. 154 – 160.

12. Borisova I.M., Zabirova Ju.R. Obrazy Otechestva v sbornike D. Kan "Zvezdy oklikaja". Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 11-2 (89). S. 241 – 244.

13. Kollarova Je., Kupina N.A. Russkaja pojeticheskaja rech' segodnja. Filologicheskij klass. 2018. № 3 (53). S. 14 – 21.

Andreev V.K., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pskov State University

THE CONCEPT OF "HOMELAND" IN REGIONAL POETRY (BASED ON THE WORKS OF GENNADY KONONOV)

Abstract: the article analyzes the dynamics of the concept of "Homeland" in the works of the Pskov poet Gennady Kononov. The material for the study was poems published in the late XX – early XXI century. The purpose of the study is to prove that the dynamics of the poetic concept is largely determined by the socio–cultural conditions in which the author's work proceeds, and his personal moral and ethical attitudes. The biography of G. Kononov, a native of Pskov region, who worked as a teacher at a school in the provincial town of Pytalovo for more than 20 years, is presented. The conceptual level of the concept "Homeland" in its poetic representation is presented in the article by axiologems that convey the main evaluative aspects of G. Konov's perception and interpretation of the concept of a small homeland and native country. First of all, this is the traditional idea of great Orthodox Russia, faith in the divine predestination of Russia, but in the 90s of the twentieth century, the poet sees the destruction of the foundations of Orthodox morality. The expanses of the Russian land are one of the main themes of the figurative component of the concept "Russia", which is also conveyed in a pessimistic way. This is also typical for provincial urban landscapes. In the poems of the beginning of the XXI century, which corresponds to the mood in society, there is hope for renewal. The image of young Russia is impressive. It is illustrated by one of the most lyrical works of the poet. The results of the philological analysis of the poetic text presented in the article can be used in the development of university courses of literary and linguocultural blocks.

Keywords: philological analysis of the text, regional poetry, poetic concept, axiologeme, image of Russia, Pskov poet Gennady Kononov

Билиенкова И.А., учитель,
Невонская школа № 1 им. Родькина Н.Д.

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ИОСИФА БРОДСКОГО В АСПЕКТЕ ОБРАЗНОГО АНАЛИЗА

Аннотация: в статье раскрывается возможность постижения особенностей художественного мира поэта на уроках литературы через анализ художественных образов, использованных И. Бродским в программных стихотворениях. Автор указывает на важность поступательного образного анализа как ключевого приема в постижении художественной идеи текста и – шире – всего творчества И. Бродского. Предпринимается попытка выстроить представление об особенностях художественного мира поэта на результатах образного анализа стихотворений И. Бродского. Особенность подхода в планировании системы уроков – выделение ключевого образа каждого важной для автора темы – позволяет открыть особенности идейного своеобразия и художественной манеры поэта. Ключевой образ, предложенный для каждого урока, толкуется, вызывается цепь ассоциаций, которые позволяют учащимся тоньше понять особенности решения автором конкретной темы и способствуют осознанию своеобразия поэтики Бродского. Автором статьи предложены способы работы с поэтическими текстами, позволяющие активизировать фантазию, умение вдумываться в текст, делать философские выводы на основе эмоционального личностного сопереживания и эстетического анализа художественного текста. Материал статьи позволяет варьировать проведение уроков по творчеству поэта, выбирая темы, представляющие ценность, по мнению педагога. Кроме того, подобный подход позволяет учителю расширять текстовое поле урока, вводя в него иные поэтические тексты, а также фрагменты философских статей И. Бродского.

Ключевые слова: образ, идея, анализ, лирика

Преподавание литературы сегодня – занятие непростое. Учитель-словесник сталкивается с массой вызовов: с падающим интересом к чтению вообще и постижению непростых литературных произведений в частности, с вытеснением литературы как вида искусства с центра духовных запросов современного человека, с частичной утратой растущего поколения вкуса к языку и умения испытывать эстетическое наслаждение от чтения качественных текстов. О путях исправления этой ситуации спорят ученые, методисты, учителя, родители, ведь литература всегда была духовным средоточием ценностей русского мира, и утрата ее влияния на души будущих россиян пугает. Не умаляя значимости общегосударственных стратегических шагов для исправления ситуации, все же смею утверждать, что ключевая роль в успешности этих начинаний будет принадлежать учителю. Современный педагог должен обладать умением выбрать для разговора с учениками самые яркие и, может быть, парадоксальные приемы работы с художественным текстом, чтобы не оттолкнуть их от произведения, а вовлечь в непростой путь его постижения. На мой взгляд, нашим главным помощником на сложном пути постижения великого русского художественного слова должен стать художественный образ. Особенно важно это при обращении к лирике, роду литературы с ослабленным сюжетом, густой образностью и обращению к чувству – работа с образом поможет постичь идею через чувство.

В работе с лирическими текстами нам кажется интересным подход, основанный на последовательном постижении поэтической идеи через проникновение в образ, образный ряд, образную идею. Выявив ключевой образ текста (мы называем его ключ-образ), мы получаем ряды ассоциаций, которые направляют наши дальнейшие рассуждения. Размышляя над ключевой фразой (ключ-фразой, как правило, она стоит в начале текста, его сильном месте), мы стараемся найти противоречие, которое и будет являться движущей силой любого художественного текста, заставит его развиваться, а образы работать, объединяясь в группы или противореча друг другу. Если образ и противоречие определены верно, работа по анализу всего поэтического текста (ключ-текст) интересна, несложна и способна выявить неожиданные повороты лирического сюжета. Именно этот ход размышлений позволяет нам прикоснуться к последнему ключу – ключевой идее, основной поэтической мысли произведения.

Сегодня хотелось бы поразмышлять над возможностями такого подхода в системе уроков по изучению творчества Иосифа Бродского. Я испытываю особый трепет, прикасаясь к страницам этого великого лирика, поскольку чувствую вину перед ним за страну, которая оттолкнула своего гениального сына, за некоторых моих коллег, сетующих на сложность этой темы.

Образ, который начинает наш разговор, – прозвище поэта в эмиграции – БРОДЯЧИЙ РУССКИЙ. Он рождает мотив бродяжничества, скитаний, изгнания. Он усиливается словом «русский», выявляя чуждость этого человека миру, в котором он очутился. Что это за поэт? (Дети могут не догадаться, о ком идет речь. Чтобы закрепить образ, середина надписи закрывается так, чтобы осталась только фамилия – Бродский). Я не говорю на этом этапе о биографии поэта, моя цель – погружение в его художественный мир, поэтому мы обращаемся к тексту. Скиталец, бродяга, идущий к неизвестной цели, выбирающий только свою дорогу – кто это, как не пилигрим?

Мимо ристалищ, капищ,
Мимо храмов и баров,
Мимо печальных кладбищ,
Мимо больших базаров,
Мира и горя мимо,
Мимо Мекки и Рима,
Синим солнцем палимы,
Идут по земле пилигримы…

Захваченные напряженным ритмом, мы понимаем, что центральный образ этого текста – образ бесконечного движения к идеалу, знак вечной дороги. Мир распахнут для пилигримов от базаров до звезд, бесконечно и время – смена закатов и рассветов, соседство древнего и вечного (Рим, Мекка) и сегодняшнего и сиюминутного (бары, базары). Все истины в мире относительны, это проявляется в рифме «лживый – постижимый», поэтому самое важное в жизни – неуспокоенность («И значит, остались только иллюзия и дорога»). Путь лирического героя – «одобрить землю» (сделать добрее, признать верным). Это дорога человека, который имеет мужество жить и идти вперед, несмотря на несовершенство мира.

Дорога самого Иосифа Бродского – драматический путь потерь. Он мог свернуть с него, но, наверное, тогда не родился бы великий поэт. Что чувствовал он на этом горестном пути, понимал ли цену утрат? Какой стала его поэзия? Задуматься над этим нам помогает одно из стихотворений цикла «Романсеро».

Тема текста очень близка детям и понятна: это ощущения лирического героя после утраты любимой. Он словно живет в двух мирах – настоящем, где он один, и прошлым, где они были вдвоем. Две строки в скобках в каждом катрене – границы этих миров. Подлинная жизнь осталась там, в прошлом, сегодняшнее состояние героя – неподвижное существование. Какие же образы помогают увидеть это?

Ключ-образ – сад, символ жизни и красоты. Но его положительную заряженность снимает глагол «громоздит», развиваясь в образах зноя, духоты. Ключ-фраза – выражение борьбы сил, убивающих любовь и пытающихся ее сохранить, и это заявлено второй частью катрена: пока героиня была рядом, лирический герой жил полной жизнью.

Ключ-текст. Герой смотрит на площадь (ширь, пустота) и фонтан. Вроде бы появляется вода – символ жизни. Но это искусственное сооружение, иллюзия жизни, кроме того, движение воды в фонтане – падение. Мотив утраты главного в жизни получает развитие и в образах «рябой нимфы» (оксюморонное сочетание, снижение образа) и «скатах кровель» (вновь падение). Говоря о прошлом, герой вспоминает: «покуда я был с тобою, я видел все вещи в профиль». Когда героиня была рядом, мир казался ему светлым и солнечным настолько, что он не замечал сложностей и темных сторон жизни, словно видел ее лишь с одной стороны. Антитезные образы ада и рая («райские кущи с адом голосов за спиною») говорят нам о мире, где живет герой сегодня: это внешние благополучие, богатство, беззаботность, которые скрывают одиночество, неприкаянность, фальшь. С любимой герой не замечал этой оборотной стороны мира. Отчаяние героя подкрепляется образами ночи, багровой луны (тоска, одиночество, рана). Сравнение «как сургуч на конверте» придает этой картине ощущение необратимости. Жизнь бессмысленна без любимой, это не жизнь: «пока ты была со мною, я не боялся смерти». Это и есть идея произведения. Такое погружение в мир поэтических образов позволяет детям живо откликнуться на историю самого поэта. Историю его жизни уже узнают они самостоятельно, и это узнавание окрашено обаянием образного мира Бродского.

Развивая идею верности собственному пути и обреченности на утраты, мы раздвигаем границы личного круга поэта. Ключ-фраза этого разговора – строка «Есть города, в которые нет возврата». Сближение «есть» и «нет» рождает ощущение неразрешимого противоречия: город есть, но приехать туда нельзя. Эта недостижимость может объясняться по-разному: физически – город очень далеко, герой считается там преступником. Но эта фраза может быть понята иначе: нельзя вернуть былое. Возвращение не вернет того города, что остался в памяти. Утрата родины, любимого Ленинграда, горделивого и полупризрачного, воздушного и сдержанного, пережившего трагедии и несломленного была одновременно кровоточащей раной для Бродского и источником строк бесконечной поэтической силы. «Стансы городу» (Да не будет дано/ умереть мне вдали от тебя…), «Стансы» (Ни страны, ни погоста/ не хочу выбирать…), стихи из цикла «Часть речи» (Я родился и вырос в балтийских болотах…) наполнены «ленинградскими» деталями, пронизаны мучительной любовью к городу, прощание с которым равносильно смерти («приду умирать», «из непрожитых лет», «пусть меня отпоет хор воды и небес»). В них слышатся звуки городского быта, чувствует-

ся горечь обиды («к равнодушной отчизне», «подле цинковых волн»). Но все же в этих краях «скрыться негде и видно дальше»: распахнутость, широта пространства – знак широты души, которая всегда здесь находила отклик. Тоска по нему преодолевает чувство обиды, потому что именно Ленинград сделал Бродского поэтом.

Последний разговор – заключительный, развивает и завершает открытую нами тему трагедии утрат в творчестве поэта. В чем черпать силы после потери близкого человека, утраты любимого города, родины? Мы отталкиваемся от образа, предложенного Бродским: ЧЕЛОВЕК В КВАДРАТЕ. Возможны различные толкования. Например, это образ, обозначающий одинокого или несвободного человека. Квадрат – клетка, не дающая возможность соединиться с другими. Но возможен и другой путь рассуждений: квадрат – это степень, умножение на себя. «Человек в квадрате» – тот, в ком человеческое усилено, умножено.

А теперь открываем ключ-фразу: «Одиночество есть человек в квадрате» (стихотворение «Урания»). Одиночество – это чувство героя Бродского, человека, пережившего череду потерь, это клетка, из которой невозможно вырваться. В такой ситуации возрастает ценность человеческой личности, ему нужно умножить в себе человеческое. Что же осталось, чем он способен удержать себя? Варианты одного ответа рассыпаны по текстам Бродского: «Там толпа говорит, осаждая вагонный угол, на языке человека, который убыл». Или «От всего человека вам остается часть/ речи…». Человек потерял все, и домом и миром для него стал язык, поэтическое слово. Именно это помогло ему не озлобиться, не потеряться в чужом мире.

Сияние русского ямба
упорней – и жарче огня,
Как самая лучшая лампа
В ночи освещает меня…
…От смерти подобье свечи
Собой закрываю упрямо,
Как самой последней стеной.
И это великое пламя
Колеблется вместе со мной.

Слово и творчество позволило Бродскому не просто выжить, но выстроить свой мир – богатый и пронзительный. Язык и поэзия оказались важнее государства, изгнавшего своего сына, а значит, главная родина поэта была с ним.

Достоинства подобного пути работы с лирическими текстами и изучением творчества поэта, на мой взгляд, очевидны. Он позволяет сделать стихи источником выводов о художественном мире поэта, помогает приблизиться к пониманию сложных философских выводов. Я вновь обращусь к Бродскому. В своей Нобелевской лекции он сказал: «Существует три метода познания: аналитический, интуитивный и метод библейских пророков – откровение. Отличие поэзии в том, что она пользуется сразу всеми тремя, ибо все три даны в языке; и порой с помощью одного слова, одной рифмы (добавлю – образа) поэту удается оказаться там, где до него никто не бывал»… Научиться чувствовать этот образ – это уже ощутимый шаг к тому, чтобы стать настоящим ценителем того чуда, что оставила нам великая русская лирика.

Литература

1. Бродский И. Письма римскому другу. СПб.: «Азбука-классика», 2003.
2. Бродский И. Остановка в пустыне. СПб.: «Азбука-классика», 2005.
3. Бродский И. Зачем российские поэты?... // Звезда. 1997. № 4. С. 4 – 5.
4. Гаспаров М. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001.
5. Плеханова И.И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2001.
6. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 200.

References

1. Brodskij I. Pis'ma rimskomu drugu. SPb.: «Azbuka-klassika», 2003.
2. Brodskij I. Ostanovka v pustyne. SPb.: «Azbuka-klassika», 2005.
3. Brodskij I. Zachem rossijskie pojety?... Zvezda. 1997. № 4. S. 4 – 5.
4. Gasparov M. O russkoj pojezii: Analizy, interpretacii, harakteristiki. SPb.: Azbuka, 2001.
5. Plehanova I.I. Metafizicheskaja misterija Iosifa Brodskogo. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001.
6. Uspenskij B.A. Pojetika kompozicii. SPb.: Azbuka, 200.

Bilienkova I.A., Teacher,

Nevonskaya School No. 1 named after N.D. Rodkin

THE STUDY OF JOSEPH BRODSKY’S WORKS IN THE ASPECT OF FIGURATIVE ANALYSIS

Abstract: the article reveals the possibility of comprehending the features of the poet’s artistic world in literature lessons through the analysis of artistic images used by I. Brodsky in program poems. The author points out the importance of progressive figurative analysis as a key technique in comprehending the artistic idea of the text and, more broadly, the entire work of I. Brodsky. An attempt is made to build an idea of the features of the poet’s artistic world based on the results of the figurative analysis of I. Brodsky’s poems. The peculiarity of the approach in the planning of the system of lessons – the allocation of the key image of each important topic for the author – allows you to discover the peculiarities of the ideological originality and artistic manner of the poet. The key image proposed for each lesson is interpreted, a chain of associations is evoked, which allow students to better understand the features of the author’s solution of a specific topic and contribute to the awareness of the uniqueness of Brodsky's poetics. The author of the article suggests ways of working with poetic texts that allow you to activate imagination, the ability to think about the text, make philosophical conclusions based on emotional personal empathy and aesthetic analysis of a literary text. The material of the article allows you to vary the lessons on the poet’s work, choosing topics of value, according to the teacher. In addition, this approach allows the teacher to expand the text field of the lesson by introducing other poetic texts into it, as well as fragments of philosophical articles by I. Brodsky.

Keywords: image, idea, analysis, lyrics

Оринина Л.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Таджикский национальный университет, Республика Таджикистан

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА В ЛИРИКЕ И. АННЕНСКОГО И А. БЛОКА

Аннотация: статья посвящена феноменологическому идейно-художественному анализу лирики И. Анненского и А. Блока в русле идей русского символизма. Целью данной статьи мы считаем подтверждение гипотезы о том, действительно ли основные тенденции и признаки символизма нашли отражение в творчестве обоих авторов и на примере каких конкретных поэтических текстов можно это увидеть. Задачи данной статьи заключаются: в систематизации и характеристик основных признаков символизма; определении философских, эстетических, культурологических и литературных особенностей символизма как основного течения Серебряного века; обобщении информации, взятой из литературоведческих источников относительно периодизации и содержательных характеристик творчества И. Анненского и А. Блока, в проведении анализа поэтических текстов двух авторов.

Ключевые слова: русский символизм, лирика И. Анненского, лирика А. Блока, сравнительно-сопоставительный анализ

Лирика И. Анненского и А. Блока принадлежит к течению русского символизма. Характерным признаком ранних поэтических текстов обоих авторов является наличие в них образов-символов, образов, характерных не только для раннего и позднего символизма, но и во многом идентичных с точки зрения идейно-художественного восприятия мира обоими авторами.

Обращает на себя внимание характер идентичности философских мотивов лирики Анненского и Блока. Каждый из авторов в равной степени уделял внимание проблеме бренности человеческого бытия, проблеме безысходности и невосполнимой утраты молодости, в которой была и любовь, и страсть, и светлое начало. Однако лирические герои обоих авторов понимают, что трансформация жизненного пути неизбежна: она наступает так же, как на смену дню приходит ночь или на смену весне и лету – осень и зима. Именно о такой динамике чувств лирических героев написаны их стихотворения: стихотворение И. Анненского «Сиреневая мгла» и А. Блока «В день холодный, в день осенний». Сделав сравнительно-сопоставительный анализ, проанализируем, как мотивы философской лирики Анненского и Блока находят отражение в конкретных поэтических текстах и какие характеристики в качестве схожих и дифференциальных можно выделить в этих текстах. Обращает на себя внимание идентичное начало обоих стихотворений, когда мотивы тоски, грусти и одиночества охватывают целиком и полностью душу лирических героев. Так, у Анненского стихотворение начинается со строк:

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла.

С одной стороны, этот мотив грусти сразу вводит нас в какой-то мир неизведанного, в мир загадки, в мир тайны. С другой стороны, он погружает читателя в некую интригу относительно того, что будет дальше. Созвучно выглядят и первые строки стихотворения А. Блока:

В день холодный, в день осенний

Я вернусь туда опять

Вспомнить этот вздох весенний,

Прошлый образ увидать.

Если лирический герой Анненского находится в моменте здесь и сейчас, то лирический герой Блока противопоставляет пласт настоящего и прошлого, что можно увидеть в тексте на уровне контекстуальных антонимов: «осенний – весенний», «настоящий – прошлый», которые свидетельствуют о том, что лирический герой живет в пластах двух времен: мира настоящего и мира прошлого. Эта характерное для символистов противостояние мира настоящего как достаточно несовершенного бытия и мира прошлого, в котором и была настоящая жизнь лирического героя, наполненная, светлая, экспрессивная, не похожая ни на что другое и безнадежно им утраченная, – явление не только символизма, но и характерный признак именно блоковской поэзии [3, с. 34]. Если вспомнить его стихотворение «Незнакомка» или «О, я хочу безумно жить», то мы увидим, что этот мотив контрастного противопоставления двух времен является традиционным для поэзии Блока. В данном четверостишии также обращают на себя внимание эпитеты: «холодный», «осенний», «прошлый». Так же, как и в стихотворении Анненского, ключевым эпитетом становится эпитет «сиреневая» (мгла), который находится в структуре большой развернутой метафоры «По снегам бежит сиреневая мгла»: такое ощущение, что этот образ отпочковывается от всего сценария происходящего бытия, становится отдельным действующим лицом, как некий Черный человек, как некто или нечто, что преследует лирического героя, что, может быть, тоже напоминает ему о прошлом [1, с. 13]. И этот образ сиреневой мглы продолжает раскручиваться в двух последующих строках стихотворения Анненского:

Мимоходом только глянула в окно,

И я понял, что люблю ее давно.

Таким образом, мотив философского осмысления бытия осложняется и мотивом некого воспоминания, узнавания, осознания того, что эта «сиреневая мгла» – не просто абстрактный образ, но и, возможно, образ возлюбленной, коллективный образ либо образ вообще всей утраченной жизни. И обращает на себя характерный способ парной рифмовки стихотворений И. Анненского, который при всей сложности и разветвлённости образов делает его максимально легковесным, доступным для восприятия.

Следующей строфой в стихотворении Блока является четверостишие:

Я приду – и не заплачу,

Вспоминая, не сгорю.

Встречу песней наудачу

Новой осени зарю,

Здесь обращает на себя внимание характерный жизнеутверждающий, оптимистичный настрой лирического героя: несмотря на грусть и тоску, которые обуревают его сердце, он не намерен плакать, а намерен

воспринимать эту встречу с осенью как новую зарю своей жизни, о чем свидетельствует характерный эпитет «новой осени зарю», что говорит нам о том, что в его душе не все перегорело, не все испепелилось, что есть место для возрождения чего-то былого, для зарождения какой-то новой жизни.

Посмотрим, как мотивы грусти и одиночества эволюционируют в стихотворениях Анненского:

И я понял, что люблю ее давно.
Я молил ее, сиреневую мглу:
«Погости, побудь со мной в моем углу,
Не тоску мою древнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!»

Само стихотворение очень напоминает звучание красивой лирической песни, в которой все созвучно, все органично и напоминает характер старорусской лирической песни, когда возлюбленная грустит о своем соколе, возлюбленном, или хлопец, потерявший свою любимую, безнадежно тоскует об ее утрате [7, с. 56]. В данном случае характерными являются экспрессивно – окрашенные глаголы: «молил», «погости», «побудь», которые звучат не просто как просьба, но как некая мольба души: «развей», «поделись». Это все глаголы повелительного наклонения, которые резонируют с настроением лирического героя, настраивают его на этот внутренний диалог, и мы понимаем, что лирический герой нуждается в этом разговоре, осознаем, что его грусть, тотальную тоску и хаос его души может развеять только эта «сиреневая мгла», только в ней он видит достойного собеседника, который может переключить его, о чем свидетельствует эпитет «желанная», который используется в органичном единстве с риторическим восклицанием «Поделись со мной, желанная, своей!». В этом риторическом восклицании очень много мольбы и внутреннего желания не только не потерять эту «сиреневую мглу», которая навестила его как нежданный гость в этот зимний вечер, но и посредством общения с ней почувствовать струны своей собственной души, почувствовать, что он еще жив.

Следующая строфа в стихотворении А. Блока:

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, былые стоны
Не услышишь – я потух.

В данном случае мы также встречаем характерный для поэзии символистов мотив уныния, депрессивной усталости от жизни, о чем свидетельствует эмоционально-окрашенный глагол «потух», а также эпитеты «скорбный», «былые», экспрессивно-окрашенное существительное «вой» и эллипсис в последней строке: «Не услышишь – я потух». Все это свидетельствует о том, что сердце лирического героя переболело страданиями прошлых лет, и эти страдания нанесли его душе непоправимый урок, потому что в ней были и падения, и потери, и невыразимая тоска от этих потерь, превратившаяся их в вой одинокого сердца. Вместе с тем, лирический герой говорит о том, что все это уже в прошлом, что его сердце перегорело настолько, что в нем не осталось места даже страданию, даже грусти и одиночеству: из него ушло все: и хорошее, и плохое [4, с. 23].

В стихотворении И. Анненского мы видим продолжение диалога с образом «сиреневой мглы»:

Но лишь издали услышал я ее ответ:
«Если любишь, так и сам отыщешь след,
Где над омутом синеет тонкий лед,
Там часочек погощу я, кончив лет.

В данном случае перед нами раскрывается ответ этой «сиреневой мглы», которая является коллективным воплощением образа прекрасной девы, то есть такой же Прекрасной Дамы, которую мы встречаем в творчестве разных поэтов-символистов: не только А. Блока в его цикле «Стихов о Прекрасной даме», но и в творчестве Брюсова в цикле стихотворений «Северные цветы», в творчестве В. Иванова, ранних стихотворениях З. Гиппиус, Д. Мережковского. Это Дама, Мадонна, Муза, Фея, которая зачастую навещает своего возлюбленного, отчасти как тень прошлого, отчасти как напоминание о былом, отчасти как вдохновительница, отчасти как искусительница, отчасти как Муза, дарующая силу и энергию продолжать жить дальше, несмотря ни на что. И в ответ на эту мольбу лирического героя разделить с ним его вечернюю трапезу, его вечерние бдения, она чисто по-женски отвечает ему неким флиртом относительно того, что, если лирический герой хочет продолжить общение с ней, если он хочет найти птицу своего счастья, ничто не мешает сделать ему это, ведь все двери открыты, и если в нем живет желание получить вдохновение, то для него нет ничего невозможного. И здесь же продолжает свою реализацию мотив традиционной для русского народного творчества лирической песни, которая звучит практически отголоском девичьих запевов: «Где над омутом синеет тонкий лед, там часочек погощу я, кончив лет». Эта история очень напоминает историю о птице Феникс, на поиски которой не раз отправлялся герой русских народных сказок, и в погоне за этой птицей происходили разные события: где-то он терял себя, где-то его жизнь трагически обрывалась. Но вместе с тем характерными являются последние две строки, завершающие собой стихотворение:

А у печки-то никто нас не видал...
Только те мои, кто волен да удал.

И умолчание, используемое в структуре данной строки, свидетельствует о том, что эта история еще не завершена, что у нее будет продолжение. Эта история дает нам некую надежду на будущее, на то, что все-таки «обитель этой сиреневой мглы» сможет отыскать лирический герой в недалеком будущем, и тогда он обретет долгожданное счастье и раны его истерзанного сердца наконец-то будут залечены.

Стихотворение А. Блока заканчивается также характерным четверостишием:

Самый огнь – слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день – темнее ночи
Усыпленному душой.

Эти строки, конечно, звучат менее жизнеутверждающим образом, чем последние две строки И. Анненского, и как бы доводят до апофеоза этот мотив грусти и одиночества лирического героя. Именно поэтому «очи слепые», а «мечта былая», а «душа усыпленная», и мы наверняка не знаем, сможет ли эта душа проснуться, так же как мы не знаем и того, сможет ли этот самый огнь возгореться из искры и пробудить к жизни душу лирического героя, поскольку пока она похоронена под пластом темного прошлого. Именно об

этом свидетельствует также умолчание, употребленное в структуре первой и третьей строк данного четверостишия. Проблематика обоих поэтических текстов резонирует: с одной стороны, это проблема утраченного счастья, проблема одиночества, разрывающего сердце лирических героев, проблема невозможности возрождения к новому «я», к новой жизни, поскольку сама жизнь лирических героев здесь и сейчас поменялась, она уже не та, что была несколько лет назад, и след этих страданий остался в душе зияющей раной. Вместе с тем, мы видим, что эти стихотворения являются своего рода зеркальным отражением друг друга. Например, в блоковском тексте первые четыре строки звучат более жизнеутверждающим образом, а в стихотворении Анненского, наоборот, в то время как последние строки стихотворения Анненского, напротив, представляют собой некое движение к надежде, к вере лирического героя.

В целом, если более широко рассматривать философскую лирику Анненского и Блока, то стихотворения ранних лет обоих авторов очень похожи. В них лирический герой – это человек ищущий, борющийся, человек не стагнации, но динамики, человек, который, несмотря на свое утраченное, продолжает движение к чему-то новому. Помимо этих типологических характеристик, сближающих лирических героев двух авторов, общими являются и некоторые образы-символы, например, образ темного былого, который встречается и в ранней лирике Анненского, и в ранних текстах Блока. Кроме того, это образ, очень характерный для раннего символизма и для декаданса русской литературы рубежа веков и напрямую связанный с романтизацией смерти, с культом прошлого, который авторы наделяют неким мистическим, мифологическим, романтическим контекстом. Однако если у Блока это прошлое, к которому не хочется возвращаться, то у Анненского это прошлое, которое является жизнеутверждающим смыслом для лирического героя. Также в стихотворениях обоих авторах часто встречается и образ свечи как напоминание о прошлом, как образ иного мира, что позволяет нам выйти на идею двоемирия, тоже очень характерную для поэзии русского символизма. Эта идея всегда противопоставляет мир настоящего и мир прошлого, но здесь есть определенное отличие между воплощением этого образа в творчестве двух поэтов. Если образ свечи в стихотворениях Анненского является воплощением проявления этого мира как чего-то негласного, незримого для глаз:

Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто,

Тто у Блока это трагическое напоминание о прошлой неразделенной любви, это признак того, что жизнь лирического героя уже невозможно повернуть назад, что что-то ценное и важное ушло из нее безвозвратно. Также одним из общих типологических образов-символов, характерных для поэзии обоих авторов, является образ самой женщины, который наполнен динамикой происходящего: этот образ более динамичен, чем образ лирического героя, он всегда активный: например, это образ Прекрасной дамы, либо Мадонны, либо вдохновительницы, либо, как в предыдущем рассмотренном стихотворении Анненского, «сиреневой мглы» [8, с. 19]. Это коллективный образ, который воплощает все лучшие женские черты возлюбленной для лирического героя: она для него и вдохновительница, и муза, и пробуждающая к жизни фея, и нимфа, которая дарует ему вечный, нетленный нектар бытия, пробуждающий лирического героя к тому, чтобы жить и творить. И трагическое напоминание о прошлом, и лик Незнакомки, движение которой прослеживается в поэтическом тексте. Но этот образ несколько отвлеченный у обоих авторов. Это образ некого абстрактного

начала, к которому никогда лирический герой не приближается, все время оставаясь отстраненным от него, и граница, которая выстраивается между лирическим героем и его возлюбленной, очень заметна в поэтических текстах обоих авторов. Такое ощущение, что лирический герой – это больше человек земной, а Прекрасная дама – практически небожительница. Образ лирического героя более конкретный, образ Прекрасной дамы более абстрактный. Лирический герой более статичен, образ Прекрасной дамы – явление более динамическое. Лирический герой, как правило, находится в настоящем, Незнакомка – всегда из прошлого. Лирический герой испытывает чувство тоски, одиночества и эмоциональных страданий, а его возлюбленная, напротив, легка, и ее появление в жизни лирического героя окрашено жизнеутверждающими мотивами.

Завершая сравнительно-сопоставительный анализ поэтических текстов двух авторов, хочется отметить, что принадлежность поэтов к разным периодам русского символизма также наложила отпечаток на характер их поэтических текстов, поскольку именно поэтому в творчестве Иннокентия Анненского нашли проявления не только мотивы, характерные для раннего символизма, но и для русского декаданса с его мистикой и противостоянием жизни и смерти. В творчестве Блока больше жизнеутверждающих мотивов, поскольку младосимволизм явился новым этапом осмысления данного течения в русской литературе рубежа веков [11, с. 14]. Здесь появляется образ надежды на будущее, больше светлых нот, и лирический герой устремлен в это будущее с глубокой верой в то, что завтра будет лучше, чем вчера.

Литература

1. Арсибекова Т.В. Семантические особенности поэтических символов в лирике Иннокентия Анненского // Новые аспекты в области структуры семантики текста. Йошкар-Ола, 2007. 134 с.

2. Астахов О.Ю. Отражение принципов неклассической эстетики в творчестве И. Анненского // Неклассическая эстетика в культуре XX века. Кемерово, 2016. 224 с.

3. Астахов О.Ю. Эстетика импрессионизма в поэзии русских символистов (В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, И.Ф. Анненский). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 56 с.

4. Бабарыкова Э.В. Ключевое слово ТОСКА в поэзии И. Анненского // Русский язык в школе. 2007. № 8. С. 53 – 57; Бердникова Т.В. Подтекст как разновидность импликации в поэтическом тексте: (на материале лирики А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского) // Филологические этюды. Саратов, 2019. 224 с.

5. Минц З.Г. Блок и русский символизм // Минц З.Г. Избранные труды: в 3 кн. Книга 3: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство, 2004. 175 с.

6. Налегач Н.В. Идеал счастья в творчестве И. Анненского // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 24 – 27.

7. Налегач Н.В. Поэтика отражений: И. Анненский и русская поэзия XX века: учеб. пособие / Кемеровский государственный университет, кафедра журналистики и русской литературы XX века. Кемерово, 2018. 115 с.

8. Налегач Н.В. Поэтика отражений: И. Анненский и русская поэзия XX века: учеб. пособие / Кемеровский государственный университет, кафедра журналистики и русской литературы XX века. Кемерово, 2019. 236 с.

9. Некрасова Е.А. А. Фет, И. Анненский. Типологический аспект описания. М.: Наука, 2009. С. 40 – 116.

10. Орлов Вл. Перепутья. Из истории русской поэзии начала XX века. М.: "Худож. лит.", 2007. С. 51 – 62.

11. Федоров А.В. Творчество Иннокентия Анненского в свете наших дней // Анненский И. Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. А. Федорова. Л.: Худож. Лит., 2008. 76 с.

12. Федоров А.В. Иннокентий Анненский: личность и творчество. Л.: Художественная литература, 2004. С. 13 – 16.

13. Цыбин В. Судьба и поэзия Иннокентия Анненского // Анненский И.Ф. Стихотворения и переводы / Сост. и вступ. ст. В. Цыбина. М.: Современник, 1981. 92 с.

14. Юрина Н.Г. Лирическое и драматическое в критической прозе И.Ф. Анненского: (На материале статей о творчестве М.Ю. Лермонтова // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве. Казань, 2007. 113 с.

References

1. Arsibekova T.V. Semanticheskie osobennosti pojeticheskih simvolov v lirike Innokentija Annenskogo. Novye aspekty v oblasti struktury semantiki teksta. Joshkar-Ola, 2007. 134 s.

2. Astahov O.Ju. Otrazhenie principov neklassicheskoj jestetiki v tvorchestve I. Annenskogo. Neklassicheskaja jestetika v kul'ture HH veka. Kemerovo, 2016. 224 s.

3. Astahov O.Ju. Jestetika impressionizma v pojezii russkih simvolistov (V.Ja. Brjusov, K.D. Bal'mont, I.F. Annenskij). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014. 56 s.

4. Babarykova Je.V. Kljuchevoe slovo TOSKA v pojezii I. Annenskogo. Russkij jazyk v shkole. 2007. № 8. S. 53 – 57; Berdnikova T.V. Podtekst kak raznovidnost' implikacii v pojeticheskom tekste: (na materiale liriki A.A. Ahmatovoj i I.F. Annenskogo). Filologicheskie jetjudy. Saratov, 2019. 224 s.

5. Minc Z.G. Blok i russkij simvolizm. Minc Z.G. Izbrannye trudy: v 3 kn. Kniga 3: Pojetika russkogo simvolizma. SPb.: Iskusstvo, 2004. 175 s.

6. Nalegach N.V. Ideal schast'ja v tvorchestve I. Annenskogo. Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 3. S. 24 – 27.

7. Nalegach N.V. Pojetika otrazhenij: I. Annenskij i russkaja pojezija HH veka: ucheb. Posobie. Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, kafedra zhurnalistiki i russkoj literatury HH veka. Kemerovo, 2018. 115 s.

8. Nalegach N.V. Pojetika otrazhenij: I. Annenskij i russkaja pojezija HH veka: ucheb. Posobie. Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, kafedra zhurnalistiki i russkoj literatury HH veka. Kemerovo, 2019. 236 s.

9. Nekrasova E.A. A. Fet, I. Annenskij. Tipologicheskij aspekt opisanija. M.: Nauka, 2009. S. 40 – 116.

10. Orlov Vl. Pereput'ja. Iz istorii russkoj pojezii nachala HH veka. M.: "Hudozh. lit.", 2007. S. 51 – 62.

11. Fedorov A.V. Tvorchestvo Innokentija Annenskogo v svete nashih dnej. Annenskij I. Izbran-nye proizvedenija. Sost., vstup. st., komment. A. Fedorova. L.: Hudozh. Lit., 2008. 76 s.

12. Fedorov A.V. Innokentij Annenskij: lichnost' i tvorchestvo. L.: Hudozhestvennaja literatura, 2004. S. 13 – 16.

13. Cybin V. Sud'ba i pojezija Innokentija Annenskogo. Annenskij I.F. Stihotvorenija i perevody. Sost. i vstup. st. V. Cybina. M.: Sovremennik, 1981. 92 s.

14. Jurina N.G. Liricheskoe i dramaticheskoe v kriticheskoj proze I.F. Annenskogo: (Na materiale statej o tvorchestve M.Ju. Lermontova. Sintez dokumental'nogo i hudozhestvennogo v literature i iskusstve. Kazan', 2007. 113 s.

Orinina L.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tajik National University, Republic of Tajikistan

REFLECTION OF THE IDEAS OF SYMBOLISM IN THE LYRICS OF I. ANNENSKY AND A. BLOK

Abstract: the article is devoted to analysis of the lyrics by I. Annensky and A. Blok in line with the ideas of Russian symbolism. We consider the purpose of this article to confirm the hypothesis of whether the main trends and signs of symbolism are really reflected in the work of both authors and on the example of which specific poetic texts this can be seen. The objectives of this article are: to systematize and characterize the main features of symbolism; defining the philosophical, aesthetic, cultural and literary features of symbolism as the main current of the Silver Age; generalization of information taken from literary sources regarding the periodization and content characteristics of the works of I. Annensky and A. Blok, in conducting a analysis of the poetic texts of the two authors.

Keywords: Russian symbolism, lyrics by I. Annensky, lyrics by A. Blok, comparative analysis

Беданокова С.К., кандидат филологических наук, профессор,
Адыгейский государственный университет

МИФОЛОГЕМЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН «ЧЕТЫРЕ ПУТИ К ПРОЩЕНИЮ»

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблематика реализации мифологем жизни и смерти в творчестве известной американской писательницы У. Ле Гуин. В статье представлены результаты анализа сборника рассказов «Четыре пути к прощению» в его первой, не дополненной редакции. Цель исследования заключалась в выявлении стилистических особенностей реализации мифологем жизни и смерти в творчестве У. Ле Гуин на примере сборника рассказов «Четыре пути к прощению». Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя ряд общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования; историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический, метод описательной поэтики, методы структурного и концептуального анализа. По итогу проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: развитие мифологем жизни и смерти в творчестве У. Ле Гуин не ограничивается традиционной антагонистической дихотомией «жизнь – смерть», но представлено как непрерывный естественный цикл бытия. Для двух мифологем, отраженных в творчестве У. Ле Гуин, характерно влияние восточных медитативных практик и эзотерических течений.

Ключевые слова: мифологема, жизнь, смерть, современная американская литература, творчество Урсулы Ле Гуин

Введение

Актуальность темы исследования определяется значением творчества писательницы на только в американской, но и в мировой художественной литературы XX-XXI вв.

Американская писательница У. Ле Гуин (1929-2018) оставила большое творческое наследие: собрание ее сочинений включает 23 романа, 12 томов рассказов, 11 томов стихов, 13 детских книг, пять сборников эссе и четыре переводных работы. Широта тематики и жанровое многообразие произведений принесли писательнице шесть престижных премий «Nebula Awards», семь премий «Hugo» и звание «Великого мастера SFWA» [11, с. 78]. В 2014 году У. Ле Гуин была награждена медалью Национального книжного фонда за выдающийся вклад в американскую литературу, а в 2016 году вошла в список авторов мировых бестселлеров, опубликованном Библиотекой Конгресса США [11, с. 79]. Урсула Кребер родилась в 1929 году и выросла в Беркли, США, штат Калифорния. Ее родителями были антрополог А. Кребер и писательница Т. Кребер, автор книги «Иши» [11, с. 79]. У. Ле Гуин училась в Рэдклифф-колледже и работала в аспирантуре Колумбийского университета, в 1953 году вышла замуж за историка Ч. Ле Гуина в Париже, с которым прожила счастливую семейную жизнь. У них было трое детей и четверо внуков. У. Ле Гуин мирно скончалась в своем доме в январе 2018 года [15, с. 89].

Первая крупная научно-фантастическая работа У. Ле Гуин «Левая рука тьмы» считается новаторской благодаря радикальному исследованию гендерных ролей, моральной и литературной сложности. Ее романы «Обездоленные» и «Всегда возвращающийся домой» переопределяют масштабы и стиль утопической фантастики. Поэзия У. Ле Гуин вызывала растущий интерес критиков и читателей в поздний период ее жизни; ее последний сборник стихов «So Far So Good» был опубликован вскоре после ее смерти. Три книги У. Ле Гуин стали финалистами Американской книжной премии и Пулитцеровской премии.

Критический подход к работе определил готовность У. Ле Гуин идти на риск с новыми литературными формами, которые некоторые критики считают «выходящими за рамки художественной литературы» [15, с. 89]. За последние десять лет было опубликовано множество критических и академических исследований творчества У. Ле Гуин. В 2018 году вышел документальный фильм «Миры Урсулы К. Ле Гуин» режиссера А. Карри [15, с. 90]. Интерес к творчеству писательницы не угасает до сих пор. В силу всего сказанного выше, историография темы достаточно обширна и включает в себя работы как отечественных, так и зарубежных авторов.

В частности, исследованию творчества У. Ле Гуин в самых разных аспектах – от стилистических до лингвистических посвящены работы таких авторов, как Ю.А. Жаданов [1], И.В. Желтикова [2], О.В. Коркунова, Т.И. Бушуева [3], А.И. Кузнецова [4], О.С. Наумчик, К.В. Суркова [6], О.С. Наумчик, К.В. Суркова [7]. Мифологемам в творчестве Урсулу Ле Гуин посвящены работы В.С. Приходько [8], К.В. Сурковой [9].

В работах зарубежных исследователей в основном анализируются философские элементы жанры антиутопии, присутствующие в творчестве У. Ле Гуин. Таковы работы Э. Андерсона [10], Ч. Чифане, Л. Чифане [11], Д. Дэвисон-Веккионе, С. Сигер [12], Н. Гоф [13], П. Монтейро [14], Дж. Г. Сэйерс, Л.А. Мартин [15]. Тем не менее, несмотря на обширное поле исследований, до сих не проводилось анализа рассказов сборника Урсулы Ле Гуин «Четыре пути к прощению» [5], который в ряду всего остального творчества выделяется рассуждениями о жизни и смерти с помощью мифологем разного уровня.

Настоящая статья призвана частично восполнить этот историографический пробел. В статье представлены результаты эмпирического исследования текстов рассказов сборника «Четыре пути к прощению».

Методология исследования

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя ряд общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования; историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический, метод описательной поэтики, методы структурного и концептуального анализа. В качестве материалов исследования послужили рассказы сборника «Четыре пути к прощению» У. Ле Гуин.

Результаты исследования

«Четыре пути к прощению» – сборник из четырех рассказов и новелл американской писательницы У. Ле Гуин. Действие всех четырех историй происходит в будущем и связано с планетами Йеове и Верел, которые являются членами союза Экумены, группы планет, которую Ле Гуин использовала как часть фона для многих романов и рассказов в «Хайнишском цикле». Во всех четырех рассказах присутствуют мифологемы жизни и смерти. В научной литературе термин «мифологема» в самом широком смысле означает «мифологические сюжеты, сцены, образы, характеризующиеся глобальностью, универсальностью и имеющие широкое распространение в культурах народов мира» [4, с. 45]. Синонимом данного термина является «мифологический архетип» [13, с. 59]. Как полагают исследователи, мифологемы используются для создания сюжетного лейтмотива в художественном произведении, поскольку в основе таких архетипов лежат общечеловеческие ценности.

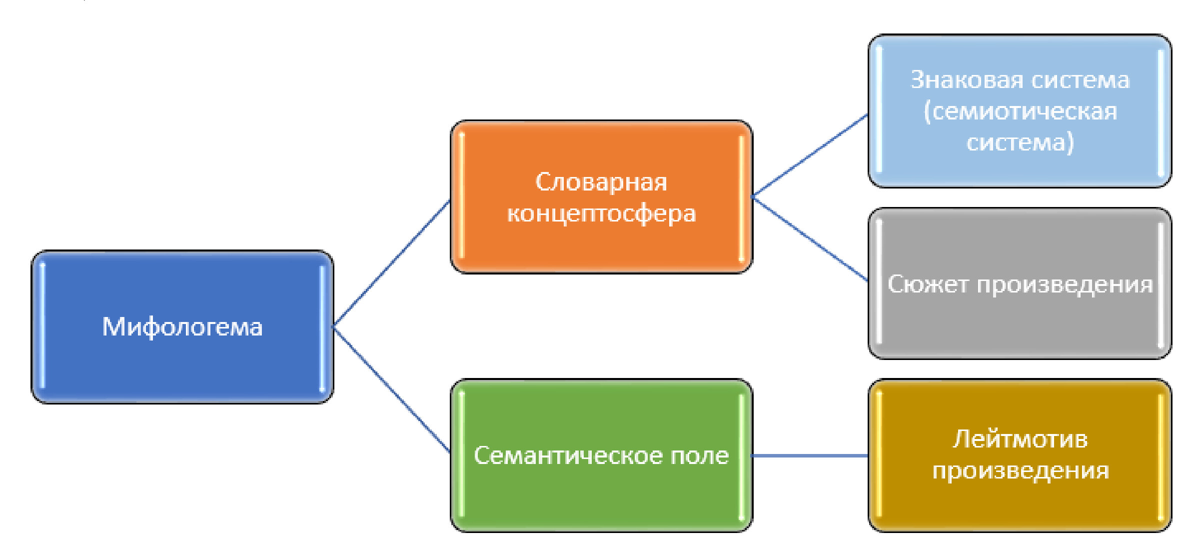

Рис. 1. Структура мифологемы в художественном произведении
(составлено автором на основе анализа научной литературы по теме исследования)

В рассказах сборника «Четыре пути к прощению» связь между произведениями осуществляется именно на основе двух мифологем – жизни и смерти, понятий, которые являются общечеловеческими и могут быть выражены большим набором литературных средств. В рассказах представлены четыре линии общественного развития.

Сборник «Четыре пути к прощению» содержит рассказы «Предательства», «День прощения», «Человек из народа» и «Освобождение женщины». Все четыре произведения связаны с соседними планетами Йеове и Верел. Связанные вместе системой символических нитей в мифологемах жизни и смерти, четыре рассказа освещают проблему рабства в широком смысле слова, культуру, социальную революцию, проблемы расовой дискриминации, гендерного неравенства и т.п.

В первом рассказе «Предательства», в дальнем конце вселенной, на планетах-близнецах Верел и Йове, все человечество разделено на «имущество» и «владельцев». При этом мифологема смерти выражена в противостоянии между сторонниками традиций и борцами за освобождение, которые находятся в перма-

нентном состоянии войны. Мифологема «жизнь» выражена в том, что само понятие «свобода» в конфликтном обществе принимает множество форм и трансформируется от личной до общественной значимости.

Необходимо отметить, что описываемое У. Ле Гуин общество такое же сложное и беспокойное, как и любое другое в нашем мире, населенное незабываемыми персонажами, которые борются за то, чтобы стать полноправными людьми. Для опального революционера Абберкама, неотесанного «космического отродья» Солли, надменного солдата Тейео, историка Экумены и хайнского изгнанника Хавживы свобода и долг начинаются в сердце, и успех, как и неудача, имеет свою цену. Рабовладельческая олигархия, представленная в рассказе, практически воплощает мифологему «смерть» в постоянном конфликте между рабами и их владельцами. В рассказе существует довольно очевидный намек на то, что любой раскол несет либо неизбежную смерть для общества, либо дает новый стимул к его развитию. Контакт с мудрой многопланетной космической цивилизацией Экумен дает толчок революциям в обоих мирах. Рабы Йеове вытесняют своих хозяев после жестокой семилетней борьбы; позже рабы Верела восстают, чтобы свергнуть своих владельцев. Однако, на Йеове женщины обнаруживают, что они свергли хозяев только для того, чтобы их угнетали собственные мужчины; и тогда начинается их медленная, но непримиримая борьба за равенство. Таким образом, угнетение, как часть символической смерти общества, присуще и мифологеме «жизнь» в качестве постоянного ее атрибута. Человеческий социум по природе своей иерархичен, и эту модель невозможно переломить: всегда кто-то подчиняется, всегда кто-тот руководит.

В рассказе «Предательства» опальный просвещенный революционер Абберкам находит искупление в своей растущей привязанности к учителю Йоссу. И в данном случае мифологема «жизнь» реализуется через смежный концепт «любовь» в самом широком смысле. В рассказе «День прощения» У. Ле Гуин рассказывает историю о Солли, посланнике Экумена Вереля, которая в начале восстания рабов была похищена и заключена в тюрьму вместе с педантичным, но благородным солдатом Тейо, ее телохранителем. Хавжива из Хайна, помощник Солли, является персонажем из рассказа «Человек из народа», который помогает женщинам Йове в их гендерной революции. «Человек из народа» — это история хайнского мальчика, который вырос в сельской местности, но после получения высшего образования переезжает за пределы планеты, чтобы, работая с местными жителями, проводить дипломатические изменения, напрямую влияющие на культуру этого общества. Однако, в процессе своей деятельности он находит людей, которые непосредственно влияют на него самого. С его историей диаметрально связана четвертая и последняя новелла сборника «Освобождение женщины». В этом рассказе Радоссе Ракам, родившаяся рабыней на Вереле, в конечном итоге становится главой гендерной революции на Йеове и находит возлюбленного Хавживу. В рассказе создается трогательная и выразительная история любви как часть мифологемы «жизнь», но при этом присутствует и недвусмысленная формулировка феминистского подтекста, который в большей степени отражает мифологему «смерть», поскольку часто приводит к полному отрицанию роли мужчины в обществе и тем самым – к краху всей традиционной системы продолжения человеческого рода. В обществе, описываемом У. Ле Гуин на планете Верел, существует определенный социальный порядок среди рабов, при котором женщины содержатся отдельно от мужчин, а отцовство является общим. На Йеове писательница создала такое общество, где внешне существует равенство, но все контролируют мужчины. Женщины факти-

чески лишены всех политических прав и не имеют возможности получать образование. «День прощения» – это история решительного посла Экумен Солли и ее первого задания на Йове. Оказавшись втянутой в непрекращающуюся гражданскую войну между аристократией и рабами, она поддерживает репрессии в отношении женщин, нося мужскую одежду и высказывая свое мнение, к большому огорчению ее спутников, назначенных к ней: одного в качестве атташе по культуре, а другого в качестве телохранителя. Но когда вспыхивает еще одна революция рабов, Солли вынуждена смириться с реальностью своего положения, выходящей за рамки внешнего вида.

Следует отметить, что стилистически все четыре рассказа выстроены в сказочном ключе, как псевдолегендарные события. Автор использует словарную концептосферу для обозначения составляющих мифологемы «жизнь» и усиливает семантический структурный компонент для реализации мифологемы «смерть». Каждый персонаж сборника испытывает угнетение в той или иной форме и соподчинен мифологеме «смерть» и борется за лучшую жизнь, но в конце концов приходит к тому, что жизнь и смерть есть один великий процесс, в основе которого лежит определенный природный цикл. При этом, именно на пути к прощению у героев меняется их первостепенное отношение к своей жизни. Ле Гуин подчеркивая идею взаимного уважения в каждом, когда человек обязан соблюдать тонкий баланс ответственности и свободы, обеспечивающий успешную реализацию жизни как процесса постоянного избегания смерти. Понимание жизни и смерти как единого циклического процесса – это ключ к познанию. Как пишет У. Ле Гуин в рассказе «День прощения», «ключ – это мелочь, по сравнению с дверью, которую он открывает. Однако, если вы потеряете ключ, дверь может никогда не открыться» [10, с. 187]. Вторя настроениям последних книг ее серии «Земноморье», а именно «Техану» и «Другой ветер», а также нескольких других рассказов и романов, сборник является важным подтверждением философской направленности позднего творчества У. Ле Гуин.

Выводы

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что «Четыре пути к прощению» — это сборник взаимосвязанных новелл, определяющих важность жизни и смерти как общественно-значимого циклического процесса трансформации от несвободы к равенству и обратно. Таким образом, хотя технически это сборник, из-за сильной взаимосвязи — идеологической и характерной — между историями, он больше похож на синтезированный роман с четырьмя гранями, его основной смысл выходит за рамки простоты поверхностных сюжетов и является интересным литературным форматом в области фэнтези.

Литература

1. Жаданов Ю.А. Особенности современной англоязычной антиутопии // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2013. № 7. С. 70 – 85.

2. Желтикова И.В. Место женской утопии в динамике жанра утопии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 90 – 98.

3. Коркунова О.В., Бушуева Т.И. Роль Тени как структурного компонента личности // Logos et Praxis. 2017. № 2. С. 24 – 34.

4. Кузнецова А.И. Фэнтези как способ осмысления реальности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2021. № 1. С. 44 – 49.

5. Ле Гуин У. Четыре пути к прощению. М.: Изд-во «Азбука», 2021. 832 с.

6. Наумчик О.С., Суркова К.В. Архетип культурного героя как основа образа Геда в цикле «Земноморье» Урсулы ле Гуин // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4. С. 334 – 336.

7. Наумчик О.С., Суркова К.В. Трансформация образной системы цикла «Волшебник Земноморья» Урсулы Ле Гуин в кинематографе // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3. С. 447 – 449.

8. Приходько В.С. Имена собственные и экзотизмы как элементы стилистического приема перевода с несуществующего языка в романе Урсулы К. Ле Гуин «Всегда возвращаясь домой» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. С. 143 – 149.

9. Суркова К.В. Преодоление границы как способ инициации героев цикла «легенды западного побережья» Урсулы Ле Гуин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. № 1. С. 104 – 110.

10. Anderson E. Ursula Le Guin and Theological Alterity. Literature and Theology. 2016. Vol. 30 (2). P. 182 – 197.

11. Chifane Ch., Chifane L.-A. Experiment and Failure in Ursula Le Guin’s Dystopian Worlds. The Contemporary English Novel. 2017. Vol. 6. P. 77 – 89.

12. Davison-Vecchione D., Seeger S. Ursula Le Guin’s Speculative Anthropology: Thick Description, Historicity and Science Fiction. Theory, Culture and Society. 2021. Vol. 7. P. 78 – 95.

13. Gough N. Remembering Ursula Le Guin: Three tributes to her speculative imagination. La Trobe University. 2018. Vol. 2. P. 55 – 69.

14. Monteiro P. Ursula Le Guin: literature and otherness. 2019. 122 p.

15. Sayers J.G., Martin L.A. ‘The King was Pregnant’: Organisational Studies and Speculative Fiction with Ursula K. Le Guin. Gender Work and Organization. 2020. Vol. 28 (7). P. 88 – 102.

References

1. Zhadanov Ju.A. Osobennosti sovremennoj anglojazychnoj antiutopii. Mirovaja literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij. 2013. № 7. S. 70 – 85.

2. Zheltikova I.V. Mesto zhenskoj utopii v dinamike zhanra utopii. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2019. № 2. S. 90 – 98.

3. Korkunova O.V., Bushueva T.I. Rol' Teni kak strukturnogo komponenta lichnosti. Logos et Praxis. 2017. № 2. S. 24 – 34.

4. Kuznecova A.I. Fjentezi kak sposob osmyslenija real'nosti. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2021. № 1. S. 44 – 49.

5. Le Guin U. Chetyre puti k proshheniju. M.: Izd-vo «Azbuka», 2021. 832 s.

6. Naumchik O.S., Surkova K.V. Arhetip kul'turnogo geroja kak osnova obraza Geda v cikle «Zemnomor'e» Ursuly le Guin. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2019. № 4. S. 334 – 336.

7. Naumchik O.S., Surkova K.V. Transformacija obraznoj sistemy cikla «Volshebnik Zemnomor'ja» Ursuly Le Guin v kinematografe. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2019. № 3. S. 447 – 449.

8. Prihod'ko V.S. Imena sobstvennye i jekzotizmy kak jelementy stilisticheskogo priema perevoda s nesushhestvujushhego jazyka v romane Ursuly K. Le Guin «Vsegda vozvrashhajas' domoj». Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 6. S. 143 – 149.

9. Surkova K.V. Preodolenie granicy kak sposob iniciacii geroev cikla «legendy zapadnogo poberezh'ja» Ursuly Le Guin. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 1. S. 104 – 110.

10. Anderson E. Ursula Le Guin and Theological Alterity. Literature and Theology. 2016. Vol. 30 (2). P. 182 – 197.

11. Chifane Ch., Chifane L.-A. Experiment and Failure in Ursula Le Guin's Dystopian Worlds. The Contemporary English Novel. 2017. Vol. 6. P. 77 – 89.

12. Davison-Vecchione D., Seeger S. Ursula Le Guin's Speculative Anthropology: Thick Description, Historicity and Science Fiction. Theory, Culture and Society. 2021. Vol. 7. P. 78 – 95.

13. Gough N. Remembering Ursula Le Guin: Three tributes to her speculative imagination. La Trobe University. 2018. Vol. 2. P. 55 – 69.

14. Monteiro P. Ursula Le Guin: literature and otherness. 2019. 122 p.

15. Sayers J.G., Martin L.A. 'The King was Pregnant': Organisational Studies and Speculative Fiction with Ursula K. Le Guin. Gender Work and Organization. 2020. Vol. 28 (7). P. 88 – 102.

Bedanokova S.K., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Professor,
Adygea State University

MYTHOLOGEMES OF LIFE AND DEATH IN URSULA LE GUIN'S SHORT STORY COLLECTION "FOUR WAYS TO FORGIVENESS"

Abstract: the article deals with the actual problems of the implementation of the mythologies of life and death in the work of the famous American writer Ursula Le Guin. The article presents the results of the analysis of the collection of stories «Four Ways to Forgiveness» in its first, not supplemented edition. The purpose of the study was to identify the stylistic features of the realization of the mythology of life and death in the work of Ursula Le Guin on the example of the collection of stories «Four Ways to Forgiveness». The research methodology is based on a systematic approach and includes a number of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic; historical-genetic, comparative-historical, typological, method of descriptive poetics, methods of structural and conceptual analysis. As a result of the study, the author of the article came to the following conclusions: the development of the mythologies of life and death in the work of Ursula Le Guin is not limited to the traditional antagonistic dichotomy «life – death», but is presented as a continuous natural-being cycle. The two mythologies reflected in the work of Ursula Le Guin are characterized by the influence of Eastern meditative practices and esoteric trends.

Keywords: mythologem, life, death, modern American literature, creativity of Ursula Le Guin

Нередкова С.С., кандидат филологических наук, доцент,
Луганский государственный университет им. Владимира Даля

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА СМЕРТИ В РОМАНАХ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА СЕРИИ «ПЛОСКИЙ МИР»

Аннотация: статья посвящена проблеме реализации образа смерти в соответствующем персонаже Т. Пратчетта в серии романов «Плоский мир». Данный персонаж не подвергается анализу в научной литературе и незаслуженно обойден вниманием исследователей. Статья призвана восполнить этот историографический пробел, в чем и заключается ее актуальность. Цель исследования состоит в выявлении специфики образа смерти в творчестве Т. Пратчетта как особой разновидности отрицания страха смерти. В ходе исследования были использованы следующие методы: комплексный анализ, системный анализ, структурный текстологический анализ, а также метод научного обобщения полученных результатов. Проведенное автором исследование позволило сформулировать следующие выводы: 1) образ смерти в романах Т. Пратчетта связан с отрицанием традиционной католической концепции образа смерти; 2) такое отрицание позволяет отрицать сам страх смерти, который свойственен человечеству на протяжении всего его существования. Автору статьи также удалось подтвердить тезис о том, что образ смерти в романах серии «Плоский мир» имеет не только и не столько символическое значение, но и выполняет функцию сюжетной связки для всех персонажей, населяющих «Плоский мир». Автор также пришел к выводу, что персонаж, представленный в романах Т. Пратчетта, является самой оригинальной трактовкой образа смерти в современной литературе.

Ключевые слова: литературоведение, серия «Плоский мир», литературные персонажи, символ, образ смерти

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современной англоязычной литературе существует множество трактовок образа смерти, которые связаны с печалью, горем и трагедией. Исключение составляет творчество Т. Пратчетта, а именно – его серия романов «Плоский мир», в которой Смерть – это не некая страшная сущность, но вполне конкретный персонаж мужского пола, имеющий семью, дочь, помощников в мире животных, свой дом и обожающий кошек. Такая странная на первый взгляд трактовка образа не имеет никакого развлекательного характера, напротив, в романе «Мрачный Жнец» Т. Пратчетт четко описывает качества персонажа, которые отнюдь не вызывают смех. При всей «приземленности» данного образа, писатель сумел придать ему величие и вечность. Вместе с тем, персонаж Т. Пратчетта не лишен довольно тонкого юмора:

«– Ха! «Я ждал тебя», – сказал он.

Прислонившись к стене, Смерть выпрямился.

– Ты счастливчик. Но можно было бы сделать гораздо больше... Да. Как всегда» [8, с. 89].

Юмор и сарказм присутствуют практически во всех сценах, в которых фигурирует персонаж Смерть. Такие диаметрально полярные характеристики не были прописаны ни одним писателем до Т. Пратчетта, а

также не были исследованы до сих пор в научной литературе с точки зрения выявления причин такой трактовки образа смерти. Произведения Т. Пратчетта часто называют пародийным фэнтези: они всегда полны иронии, иногда содержат едкий сарказм, иногда острую сатиру. Его книги не разоблачают шаблоны фантастики. «Плоский мир» скорее демонстрация того, как эти шаблоны могут работать на самом деле, если бы в канонические фэнтезийные ситуации попадали не сказочные персонажи, а нормальные живые люди. Получается смешно, но сохраняется философский подтекст. При этом Т. Пратчетт нисколько не идеализирует свой мир — человечество вообще сложно идеализировать. В столице Плоского мира, городе Анк-Морпорке здания «держатся на костылях и изоленте» [9, с.124], появление в жилом районе ночью равносильно самоубийству, а огромная река, обеспечивающая водой весь город, грязна до такой степени, что «можно просто перейти это, только очень быстро, иначе обувь растворится и химические ожоги будут вам гарантированы» [9, с. 124]. Творчество Т. Пратчетта довольно давно является предметом исследований как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении.

В частности, специфика стиля и метафорическая модель «Плоского мира» проанализирована в работах таких авторов, как И.А. Абакумова, Д.А. Расюк [1], Е.В. Авдеева [2], А.Г. Бакиев [3], Е.В. Крюкова [4,5]. Особенности философских рассуждений Терри Пратчетта рассмотрены в исследовании А.И. Кузнецовой [6], которой удалось систематизировать основные архетипы, используемые писателем в романах цикла «Плоский мир». Жанровое своеобразие творчества Терри Пратчетта рассмотрено в работах таких зарубежных авторов, как Г. Хаберкорн [12], Дж. Мусса [13], Э. Озбай [14], С. Пандей [15].

В нашей статье рассматриваются тексты пяти романов цикла «Плоский мир»: «Безумная звезда» [7], «Мор, ученик Смерти» [8], «Стража, стража!» [9], «Творцы заклинаний» [10], «Цвет волшебства» [11], в которых присутствует персонаж по имени «Смерть». Восприятие смертности вообще, как неизбежного факта и завершения бытия, представлено в творчестве Терри Пратчетта наиболее оригинальным способом, который требует отдельного рассмотрения в сфере литературоведения.

Методы

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя следующие методы: контент-анализ научной литературы, описательный метод, комплексный анализ, системный анализ, структурный текстологический анализ, а также метод научного обобщения полученных результатов.

Материалами исследования являются тексты пяти романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир»: «Безумная звезда» [7], «Мор, ученик Смерти» [8], «Стража, стража!» [9], «Творцы заклинаний» [10], «Цвет волшебства» [11].

Результаты

Смерть – вымышленный персонаж из серии книг Терри Пратчетта «Плоский мир». Смерть «Плоского мира» представляет собой пародию на несколько других олицетворений смерти. Внешние атрибуты персонажа вполне классические: как и большинство Мрачных Жнецов, он представляет собой скелет в черной мантии, несущий косу и, как королевская особа, носит меч. Однако, в отличие от других Мрачных Жнецов, персонаж Т. Пратчетта имеет не только внешние атрибуты, но и личность, цельное и самодостаточное «я». С точки зрения системного анализа, данный персонаж является антропоморфным олицетворением есте-

ственного процесса. Но с позиций функционального подхода персонаж является также и индикатором новых сюжетных поворотов в романах. Более того, данный персонаж имеет семью, во всяком случае у него есть дочь и внучка, а также целый ряд помощников и смежных по функциям персонажей. Пародия на канонический образ также затрагивает и средство передвижения персонажа: его конь – большой бледный конь по имени Бинки, который «почти все еще жив» (в романе «Мор, ученик Смерти» отмечается, что «Он пробовал ездить на огненном коне и на скелете коня, но первый постоянно поджигал конюшню, а второй вообще не понимал, куда едет, и потому пришлось от обоих избавиться» [8, с. 127].

Его глухой своеобразный голос представлен в книгах без кавычек, печатными буквами мелким шрифтом. Такая репрезентация речи персонажа связана с тем, что он скелет, у него нет голосовых связок, и поэтому его голос звучит прямо в голове у «клиента». В «Цвете волшебства», первом романе серии «Плоский мир» и в «Безумной звезде» все прямые письменные ссылки на Смерть являются именами собственными, поэтому, например, «он» пишется как «Он». Такой формат также применялся писателем для пантеона богов «Плоского мира». Еще одно отличие от канонических образов заключается в том, что мужской персонаж Смерть у Т. Пратчетта не невидим. Большинство людей просто отказываются признать его таким, какой он есть, если только он не настаивает. При нормальных обстоятельствах его могут видеть или позволяют себе видеть только те, кто обладает магическими способностями (например, ведьмы и волшебники), дети и кошки. Также видеть его могут те, что сознательно ожидает смерти. Смерть у Т. Пратчетта, конечно, может игнорировать стены или магические заклинания, которые стоят между ним и его «объектом», но это связано не с его невидимостью, а с тем, что персонаж намного «реальнее», чем все преграды. Замок может стоять веками, но Смерть существует миллиарды лет: для него стены замка менее прочны, чем паутина. Однако он может идти только туда, где люди верят в смерть, как показано в романе «Мор, ученик Смерти» [8, с. 104], и может видеть только людей, которые должны умереть, как показано в романе «Стража, стража!» [9, с. 98].

В «Цвете волшебства» также упоминается, что волшебники, ведьмы и значимые фигуры (например, императоры, короли, визири, великие пророки и т.д.) имеют «привилегию» быть собранными самим Мрачным Жнецом, а не его помощниками [11, с. 137].

Действительно, населяющие «Плоский мир» волшебники и ведьмы заранее знают время своей смерти и ожидают, что Смерть будет придерживаться определенного графика. Большинство других смертей собирают другие функциональные персонажи, в том числе Морт и Сьюзан (оба действуют как «уполномоченные» Смерти). При этом, сам персонаж Смерть должен собрать несколько душ, чтобы сохранить «импульс смерти», выработанный системой, описанной как «узлы». Эти узлы, по-видимому, представляют собой большинство персонажей, которые умирают в ходе романов, поскольку Смерть почти всегда появляется всякий раз, когда умирает какой-либо персонаж. Для отрицательных персонажей используется Смерть Крыс, который в образе маленькой крысы в мантии и с косой забирает животных и плохих людей. Этот персонаж, строго говоря, не является самостоятельным олицетворением образа смерти, а скорее является одной из ее ипостасей, ведущих независимое существование. Его функция заключается в том, чтобы забирать души мертвых грызунов и «крысоподобных» людей. Внешне Смерть Крыс напоминает скелет грызуна

на задних лапах, одетый в черную мантию и несущий крошечную косу. Помимо волшебников и королей, персонаж появлялся для забора душ многих простых людей, а также, по крайней мере, для двух собак, лебедя и однажды для трубчатого червя (он использовал на нем косу длиной в один дюйм) [9, с.93]. Смерть Крыс, как и основной персонаж Смерть, говорит маленькими заглавными буквами, но имеет словарный запас, состоящий из одного слова – «писк» (с отсылкой по аналогии с иронично истолкованной идиомой «последний писк»). Такое разделение функций между смертью для людей и для животных также является новшеством, изобретенным Т. Пратчеттом для репрезентации образа смерти.

Основной персонаж Смерть присутствовал в начале и в конце Времени в романе «Цвет волшебства». Он также появлялся в ситуациях, когда персонажи потенциально могли умереть. Эти события обычно важны в повествовании, поэтому появление Смерти можно рассматривать как функциональный сюжетный ход. Смерть упоминается в романе «Стража, стража!» в контексте того, что он лично собирает души простых людей. Это говорит о том, что представление Смерти о важном человеке не обязательно совпадает с его социальным статусом при жизни. Возможно, он способен судить о «значительных» смертях, основываясь на понимании широкого размаха истории и теории хаоса. Интересно, что половая принадлежность в течение цикла «Плоский мир» изменилась: в первых книгах образ был представлен как небиологическая, магическая сущность и вполне логично описан как «оно». Однако в романе «Мор, ученик Смерти» персонаж однозначно идентифицируется как мужчина. Отметим, что в русском переводе серии «Плоский мир» персонаж Смерть мужского рода (несмотря на существительное «смерть» женского рода в русском языке и русскую традицию изображать смерть в виде старухи), причем пол персонажа прямо указывается уже при его первом появлении в романе «Цвет волшебства».

Интересным также является воплощение образа смерти в романе «Мрачный Жнец», когда появляется Новая смерть. Этот персонаж приходит забрать старую Смерть, теперь известную как «Билл Дор». Новая Смерть исходит из человеческой веры, но сильно отличается от оригинала. Хотя у него обычная черная мантия, он крупнее Билла Дора, и под мантией у него только дым, а не кости. Его лошадь – классический конь-скелет, в отличие от бледного коня Бинки. Вместо лица или черепа новая Смерть носит корону, она горда, драматична и жестока, буквально воплощая страх человечества перед смертью. Новый персонаж решает прибывать за душами ровно в полночь и появляется во вспышке молнии исключительно для драматического эффекта, что старый персонаж Смерть считает чрезмерно драматичным. Новый персонаж загоняет Билла Дора в угол, издевается над ним и бьет его вместо того, чтобы закончить свою работу. Персонаж Новая Смерть исчезает, когда мисс Рената Флитворт приходит на помощь Биллу Дору, отдавая ему часть своей жизни, чтобы он мог ненадолго избежать «смерти». Затем Билл Дор убивает новую Смерть косой для сбора урожая, которую он использовал на ферме. Билл Дор был в ужасе и испытал отвращение от того, что Новая Смерть решила носить корону, и его победа – это триумф «сострадательного» Жнеца над тираном, который не заботится об «урожае».

Таблица 1

Системные характеристики персонажа Смерть в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир» (составлено автором на основе анализа романов серии «Плоский мир»)

Ипостаси и заместители	Внешние и бытовые атрибуты	Личностные и социальные характеристики
Смерть Крыс (самостоятельное воплощение), Морт (ученик), Сьюзан (внучка).	Дом, конь, мантия, сельскохозяйственная коса, кошки, ферма, огород, библиотека.	Мужской пол, конкретные взгляды на мир, чувство юмора, разумность, терпение, сострадание, ответственность, наличие семьи.

Очевидно, что Т. Пратчетт в своей репрезентации образа смерти делает акцент не на традиционной атрибутивности, а на личностных характеристиках персонажа. Такое «очеловечивание» смерти призвано нивелировать страх перед ней не только у читателя, но, судя по всему, у самого писателя.

При этом, в трактовке Т. Пратчеттом образа смерти появляется интересное звено – функция смерти не есть жестокость, она является необходимостью и не должна сопровождаться излишней драматизацией, вызывающей ужас и дополнительные страдания.

Поскольку Смерть профессионально участвует практически во всем, что происходит в «Плоском мире», то волшебники могут проводить Обряд, чтобы ему можно было задавать вопросы. Персонаж Смерть ненавидит эту практику, потому что его всегда вызывают в самый неподходящий момент, например, когда он на вечеринке. Этот аспект репрезентации персонажа также подтверждает тезис о том, что автор рассматривал смерть с точки зрения сугубо функциональной, отвергая чрезмерную драматизацию смерти, которая, по его мнению, только приводит к лишним страданиям. Вызов Смерти как некой информационной службы сразу же нивелирует экзистенциальный ужас, который испытывает человек перед образом смерти.

Выводы

Подводя итог можно сделать следующие выводы:

1) Образ смерти реализован в романах Т. Пратчетта с помощью персонажа мужского пола, который имеет набор личностных характеристик и рассматривается автором как функциональный персонаж, позволяющий резко изменить сюжетную линию.

2) Сам персонаж Смерть не бессмертен, что приводит читателя к выводу о пародийном его характере, о некоем функционере, выполняющем определенную работу в должные сроки. Антропоморфность персонажа призвана минимизировать ужас перед ним и экзистенциальный страх.

3) Имея все традиционные атрибуты (мантия, острая коса, скелет и т.п.), персонаж имеет вполне земные заботы и личностные характеристики, порой до такой степени утилитарные, что они вызывают улыбку. Смерть у Т. Пратчетта лишена драматизма, нагнетающего ужас перед и без того неизбежным концом. Более того, писатель высмеивает драматизацию образа смерти с помощью приема противопоставления старой и новой смерти в одном из романов серии «Плоский мир».

Литература

1. Абакумова И.А., Расюк Д.А. Игра слов как средство создания стилистического своеобразия романов Терри Пратчетта // Инновационная наука. 2015. № 4. С. 2 – 4.

2. Авдеева Е.В. К вопросу о роли жанра «фэнтези» в творчестве Терри Пратчетта // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 5 – 10.

3. Бакиев А.Г. Метафорическая модель «Жизнь – игра в шахматы» в художественном дискурсе Терри Пратчетта // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 6. С. 2 – 4.

4. Крюкова Е.В. Из истории концепции литературного палимпсеста: теория «белого знания» и «б-пространства» у Терри Пратчетта // Новый филологический вестник. 2020. № 2. С. 48 – 55.

5. Крюкова Е.В. Прием контаминации в реализации принципа палимпсеста (на материале произведений Т. Пратчетта) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 2. С. 95 – 102.

6. Кузнецова А.И. Фэнтези как способ осмысления реальности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2021. № 1. С. 44 – 50.

7. Пратчетт Т. Безумная звезда: пер. И. Кравцовой. М.: Издательство «Эксмо», 2022. 322 с.

8. Пратчетт Т. Мор, ученик Смерти: пер. С. Увбарх. М.: Издательство «Эксмо», 2022. 384 с.

9. Пратчетт Т. Стража, стража!: пер.. С. Увбарх, Б.М. Жужунава. М.: Издательство «Эксмо», 2022. 480 с.

10. Пратчетт Т. Творцы заклинаний: пер. И. Кравцовой. М.: Издательство «Эксмо», 2022. 320 с.

11. Пратчетт Т. Цвет волшебства: пер. И. Кравцовой. М.: Издательство «Эксмо», 2022. 320 с.

12. Haberkorn G. Seriously Relevant: Parody, Pastiche and Satire in Terry Pratchett's Discworld Novels. In book: Terry Pratchett's Narrative Worlds. 2018. P. 137 – 157.

13. Mussa J. «The Mirror Crack'd»: Representation of Characters in Terry Pratchett's Witches Abroad. 2019. Vol. 1. P. 13 – 20.

14. Özbay E. Terry Pratchett's interesting times as an example of political satire. Uluslararası Sosyal Bilimler Akademi Dergisi. 2022. Vol. 4 (9). P. 418 – 436.

15. Pandey S. Emplacing Tasks of Magic: Hand, Land, and the Generation of Fantasy Taskscape in Terry Pratchett's Tiffany Aching Series. GeoHumanities. 2020. Vol. 6 (1). P. 1 – 12.

References

1. Abakumova I.A., Rasjuk D.A. Igra slov kak sredstvo sozdanija stilisticheskogo svoeobrazija romanov Terri Pratchetta. Innovacionnaja nauka. 2015. № 4. S. 2 – 4.

2. Avdeeva E.V. K voprosu o roli zhanra «fjentezi» v tvorchestve Terri Pratchetta. Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 2018. № 26. S. 5 – 10.

3. Bakiev A.G. Metaforicheskaja model' «Zhizn' – igra v shahmaty» v hudozhestvennom diskurse Terri Pratchetta. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2014. № 6. S. 2 – 4.

4. Krjukova E.V. Iz istorii koncepcii literaturnogo palimpsesta: teorija «belogo znanija» i «b-prostranstva» u Terri Pratchetta. Novyj filologicheskij vestnik. 2020. № 2. S. 48 – 55.

5. Krjukova E.V. Priem kontaminacii v realizacii principa palimpsesta (na materiale proizvedenij T. Pratchetta). Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2020. № 2. S. 95 – 102.

6. Kuznecova A.I. Fjentezi kak sposob osmyslenija real'nosti. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2021. № 1. S. 44 – 50.

7. Pratchett T. Bezumnaja zvezda: per. I. Kravcovoj. M.: Izdatel'stvo «Jeksmo», 2022. 322 s.

8. Pratchett T. Mor, uchenik Smerti: per. S. Uvbarh. M.: Izdatel'stvo «Jeksmo», 2022. 384 s.

9. Pratchett T. Strazha, strazha!: per.. S. Uvbarh, B.M. Zhuzhunava. M.: Izdatel'stvo «Jeksmo», 2022. 480 s.

10. Pratchett T. Tvorcy zaklinanij: per. I. Kravcovoj. M.: Izdatel'stvo «Jeksmo», 2022. 320 s.

11. Pratchett T. Cvet volshebstva: per. I. Kravcovoj. M.: Izdatel'stvo «Jeksmo», 2022. 320 s.

12. Haberkorn G. Seriously Relevant: Parody, Pastiche and Satire in Terry Pratchett's Discworld Novels. In book: Terry Pratchett's Narrative Worlds. 2018. P. 137 – 157.

13. Mussa J. «The Mirror Crack'd»: Representation of Characters in Terry Pratchett's Witches Abroad. 2019. Vol. 1. P. 13 – 20.

14. Özbay E. Terry Pratchett's interesting times as an example of political satire. Uluslararası Sosyal Bilimler Akademi Dergisi. 2022. Vol. 4 (9). P. 418 – 436.

15. Pandey S. Emplacing Tasks of Magic: Hand, Land, and the Generation of Fantasy Taskscape in Terry Pratchett's Tiffany Aching Series. GeoHumanities. 2020. Vol. 6 (1). P. 1 – 12.

Neredkova S.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lugansk State University named after Vladimir Dahl

THE SPECIFICITY OF THE IMAGE OF DEATH IN TERRY PRATCHETT'S NOVEL OF «THE DISCWORLD» SERIES

Abstract: the article is devoted to the problem of realization of the image of death in the corresponding character of T. Pratchett in the series of novels «The Discworld». This character is not analyzed in the scientific literature and is undeservedly ignored by researchers. The article is intended to fill this historiographical gap, which is its relevance. The purpose of the study is to identify the specifics of the image of death in the works of T. Pratchett as a special kind of denial of the fear of death. In the course of the study, the following methods were used: complex analysis, system analysis, structural textual analysis, as well as the method of scientific generalization of the results obtained. The research conducted by the author made it possible to formulate the following conclusions: 1) the image of death in T. Pratchett's novels is associated with the denial of the traditional Catholic concept of the image of death; 2) such a denial makes it possible to deny the very fear of death, which is characteristic of mankind throughout its existence. The author of the article also managed to confirm the thesis that the image of death in the novels of the Discworld series has not only and not so much symbolic meaning, but also functions as a plot link for all the characters inhabiting the Discworld. The author also came to the conclusion that the character presented in the novels of T. Pratchett is the most original interpretation of the image of death in modern literature.

Keywords: literary criticism, the Flat World series, literary characters, symbol, image of death

Карданова Б.Б., кандидат искусствоведения, доцент,
КЧООО «Союз композиторов России»

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА НОГАЙЦЕВ (ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Аннотация: особо актуальными в век агрессивной глобализации являются методы изучения этнической идентичности малочисленных народов, к которым относятся ногайцы – тюркоязычная народность, дисперсно проживающая в разных регионах России (Северном Кавказе, Астраханской области, Крымском полуострове и т.д.). Отсутствие у народа единой территории обусловили противоречие межу их эндоэтнонимом (ногаи, ногайцы) и экзоэтнонимом (юртовские татары, крымские татары, сибирские татары и т.д.). Понимание народом своих исторических корней (этногенеза, расогенеза, факторов, формировавших эволюцию мировоззрения, менталитета) и многое другое, позволят лучше понять свою этническую, этнокультурную и этноконфессиональную идентичность. Хранилищем таких ценностей может быть аутентичный фольклор, ценная информация хранится и в публикациях просветителей, филологов, языковедов, писателей и фольклористов, относящихся к разным историческим периодам. Недостаточная изученность многих аспектов обозначенной темой исследования проблемы актуализирует данное исследование. Автором статьи ставится цель – рассмотреть мифологическую и религиозную картины мира ногайцев, нашедших отражение в фольклорных и литературных источниках. Задачи исследования: 1) обозначить причинно-следственные связи мифологической и религиозной картины мира народа с их верованиями и уровнем коллективного и индивидального сознания; 2) рассмотреть основные концепты мифологического мышления как составляющей концептосферы ногайской национальной картины мира; 3) выделить особенности двух типов мышлений, формирующих национальные картины мира. Отмечается, что мифологическое и религиозное представление об окружающем их мире у ногайцев формировалось на протяжении длительного исторического периода. Мифологическая картина мира формировалась на основе древних (ранних) верований и отражала существовавший у них тогда родоплеменной уровень сознания, в основанное которого лежит политеизм, анимизм, вымысел и т.д. Религиозная картина мира, сформировавшаяся на основе мифологической, отражала эволюционный путь развития мировоззрения народа от политеистического к монотеистическому, в основе которого лежит вера в единого Бога, пророков, в предопределение, судный день и т.д. Оба мировоззрения выполняли важные социальные функции, но в первую очередь помогали членам социума понять устройство мира.

Ключевые слова: картина мира, мифы, религиозное мышление, концепты

Знания о мифологических и религиозных воззрениях средневековых предков ногайцев – кочевников доисламского периода (до XIII в., если говорить о Золотой Орде), накапливались веками. Немало сведений по данным вопросам содержится в публикациях авторов разных исторических периодов, хранящихся в библиотеках и архивных фондах. Так, к авторам XVI-XVIII вв. относятся: Э. Дженкинсон, А. Олеарий, Эвлия

Челеби, С.Г. Гмелин, И.И. Георги и др. К авторам XIX в. относятся: М.Э. Османов, М.Н. Алейников, В.А. Мошков и др. В их публикациях дана краткая информация о верованиях ногайцев, описаны любопытные мифические предания и религиозные тексты, бытовавшие в разных регионах проживания народа и др. Ногайская демонология и отдельные аспекты бытования ислама в отдельных регионах рассматриваются в исследованиях ученых последней четверти XX – начала XXI вв.: А.И.-М. Сикалиева, Р.Х. Керейтова, М.Б. Гимбатовой, А.В. Сызранова, А.А. Ярлыкапова, З.М. Зульпукаровой, Р.И. Сефербекова, Ф.Д. Шамановой и др. Огромная работа по собиранию ногайских мифов, легенд и преданий проведена фольклористом Т.А. Акманбетовым, значительная часть записей которого вошла в мифологический словарь современного ногайского писателя И.С. Капаева, являющийся на сегодняшний день единственным собранием мифологии народа.

Сведения о распространении у ногайцев религиозных верований сохранены не только в многочисленных авторских публикациях, но и в их устном фольклоре. Однако до настоящего времени крайне мало серьезных фундаментальных трудов, освещающих вопросы мифологических и религиозных представлений народа в историческом, региональном и целостном освещениях. Перечисленные обстоятельства актуализируют тематику нашего исследования.

В изучении обозначенных аспектов большую роль играет устное народное творчество (повествовательный фольклор), к которому относятся произведения с сюжетным развитием прозаических текстов. Большинство фольклорно-повествовательных жанров ногайцев основаны на мифологии – исторически более ранней форме мышления людей, своеобразном способе восприятия (конципировании) окружающей действительности и человеческой сущности. Многие мифологические сюжеты, созданные предками ногайцев (протоногайцами), легли в основу фольклорно-эпических жанров – ранних (архаических, преимущественно тенгрианских) мифов. С принятием ислама зародились т.н. мусульманские мифы, которые многие столетия сосуществовали с раннефольклорными жанрами.

Мифы рассматриваются нами в синтагмическом плане, в значении древних и более поздних словесно-повествовательных текстов, при помощи которых формулировались и транслировались представления людей об окружающей их картине мира. Совокупность мифов представляет собой мифологию, системообразующим фактором которой являются этнические, языковые и временны́е признаки. В группу ногайских мифов нами включены народные рассказы, сюжеты и представления, связанные с политеистическими и монотеистическими верованиями народа – преимущественно с тенгрианской, эпизодично индоевропейской, иранской мифологией и мусульманскими кораническими сюжетами.

Знания о религиозных верованиях и особенностях мировоззрения далеких предков современных ногайцев основываются на многочисленных мифах, посредством которых многие поколения пытались объяснить различные явления природы, причины появления и заселения земли людьми-первопредками, их взаимосвязь и взаимозависимость с природой и т.д. Все перечисленное позволяет выявить космогонические и космологические представления предков ногайцев, реставрировать исторические формы религии, выявив их атрибутику, бытовой и функциональный аспекты, эволюционные изменения и многое другое.

Согласно фольклорным и литературным источникам, в мифопонимании средневековых предков ногайцев Вселенная представляет собой упорядоченную структуру, в которой присутствуют боги, природа, люди и культурный мир. Важными для понимания мифологической модели Мира ногайцев являются наиболее древние слои мифологии, в которых затрагиваются космогонические и антропологические представления, и прежде всего те, которые имеют отношение к ее истокам – ее «ядерной» части. Основополагающим космогоническим концептом Мироздания было представление о первичных элементах (стихиях, материальном фундаменте) Мира – огне (*от*), воде (*сув*), земле (*ер*) и воздухе (*ава*), которым в ногайской мифологии соответствуют разные природные явления и стихии – Огонь (*Отаджам*), Молния (*Айындырык*), Дождь (*Ямгыр*), Ураган (*Давыл*), Радуга (*Курткашык*), Ветер (*Ел*) и др.

Другими космогоническими координатами в мифологическом сознании кочевников были пространство и время. Последнее, в свою очередь, делится на мифическое (или начальное) и профанное (или эмпирическое). Началом мифического времени считалось собственно само время творения Мира, которому предшествовал Хаос, Небытие, Мрак, мировая Вода. В ранней мифологии средневековых предков ногайцев сохранились разные версии сотворения Вселенной и Земли: из Мирового яйца, ила, песка небесным богом *Тангри* и его спутницей *Умай*.

Для описания структуры Мира предки ногайцев использовали дихотомическую систему (бинарных, дуальных, двоичных) оппозиций, включающих противоположные признаки. Данная система членения основана на наиболее древнем – дуалистическом мировоззрении родоплеменного общества. Эти оппозиции описывали структуры пространства и времени, а также мир стихий и космических объектов. «В дуальной организации первобытный человек нашел готовый трафарет, которым он пользовался при классификации внешнего мира» [3, с. 291]. Так, в мифологии кипчаков содержатся почти все, характерные для данного типа сознания, бинарные оппозиции (сопоставления): цветовые – белое – черное (Белая лебедь – Черная утка); гендерные – мужское – женское (*Тангри – Умай*); пространственные – верх – низ (утка то ныряла в глубь воды, то плавала по ее поверхности); вода – суша (утка плавала в воде, потом сотворила землю); хаос–порядок (Тангри из хаоса создал порядок и закон); земля – небо (Тангри разделил мир на небо и землю; закрепил землю небесной осью, посохом – Полярной звездой – *Темир казык*); день – ночь, свет – тьма (чтобы не было вечной тьмы, Тангри сотворил Солнце и Луну) и т.д. На основе дуалистического мировоззрения строился пространственный образ Мира, образ Вселенной, в который включаются такие понятия, как центр, середина, ось и т.д. Дихотомическое деление мира (видимого и невидимого) сменяется трихотомическим расчленением пространства на три уровня: «На самом высоком невидимом месте Верхнего мира находился дух неба Тангри, невидимыми были обиталища божеств и демонов. На Среднем – видимом месте находились земля, воды, звезды и светила, облака, появлялась радуга <…>. Нижний мир весь был невидимым, а обиталища *Эрлик-хана* и *Ольгена* считались и вовсе недоступными» [5, с. 31].

Наиболее распространенным символом Вселенной считалась ее растительная модель в образе Мирового дерева *Байтерек,* ствол которого представлялся Мировой осью (осью Вселенной) и объединял все три Мира. Помимо этого Байтерек символизировал генеалогическое древо человечества: его корни уходили в Нижний (Подземный) мир, где обитали души умерших людей; в Среднем мире обитали живые люди; в

Верхний (Небесный) мир уходили ветки Мирового дерева, на которых жили души еще не родившихся людей, а на их листьях были написаны судьбы живых людей. С помощью Мирового древа различаются не только основные пространственные зоны Вселенной, но и подвергаются членению другие сферы, и прежде всего в трехчленных вариантах: обозначается временна́я сфера (прошлое – настоящее – будущее), этиологическая сфера (благоприятное – нейтральное – неблагоприятное). Так, к сфере прошлого относится Подземный мир, место нахождения душ предков, т.е. живших в прошлом людей; сфера настоящего – Средний мир, место нахождения нынешнего поколения; сфера будущего – Верхний мир, место, где формируются судьбы людей, их будущее. Этиологические сферы показаны, как в вертикальной, так и горизонтальной моделях. В вертикальной модели сферой благоприятного предстает само Мировое дерево Байтерек, которое является символом жизни и залогом благополучия человечества [9, с. 83] – стекающая с ветвей, от росы и вечных дождей, живительная влага несет жизнь на землю.

В горизонтальной модели благоприятной в давние времена у кочевников считалась восточная сторона, неблагоприятной – западная, называемая *Керуьв бети* (Обратная сторона), *Сырт бети* (Задняя сторона) или *Тун бети* (Ночная сторона). Предполагалось, что с этой стороны распространяется ночь, она опасна, и туда запрещается ходить [5, с. 32, 33], она ассоциировалась с миром мертвых. При ориентации на восток северная сторона оказывается левой, а юг, соответственно, правой (правильной) стороной. *Нейтральная сфера* располагалась в Нижнем мире, который находился в царстве подземного бога *Эрлика,* но которым правило божество *Ольген.* «Это божество было равнодушно и к злу, и к добру. Управлял *Ольген* скучным царством, холодным и темным. У мертвецов не было ни радости, ни скорби, они были безразличны ко всему. В стране *Ольгена* все делалось зеркально противоположно реальному миру. Это место не было интересно ни демонам, ни божествам» [5, с. 33, 34]. Эквивалентом Мирового древа Байтерека в ранней мифологии является *Мировая гора Аскар-тау* (*Эльбрус – Б.К.*), имевшая у предков ногайцев несколько названий: «У мифического мироздания был свой центр, который находился в месте соединения земли и неба. В этом месте располагалась мировая гора Аскар-тау. В некоторых регионах проживания ногайцев мировую гору называли *Сары-Арка* (Желтый хребет), *Сары-тобе* (Желтый курган) или *Кок-тобе* (Небесный курган) [5, с. 31]. Еще одним вариантом космической модели мира считается *Мировая река Тоймадык* (Ненасытная): «По представлениям ногайцев, исток воды находился в Верхнем мире, а устье в Нижнем. Поэтому вода, дарящая жизнь, одновременно символизировала смерть» [5, с. 31]. К сакрализации Мирового дерева, Мировой горы и Мировой реки, видимо, восходит одно из ранних верований народа – анимизм, а также практика поклонения Святым деревьям, Святым горам и Святым источникам.

На основе трихотомической (трехчастной) модели космической вертикали позже появляются более сложные модели – четырехчастная (горизонтальная) и семичастная (семислойная) – *ети кат*. Четырехчастная модель космической горизонтали статически более устойчивая, по сравнению с трехчастной, и укладывается в схему Среднего мира (средней части Мирового древа), которая представляет собой квадратную плоскость, каждая сторона (угол) которой указывает определенную сторону света: «Срединный мир имел четыре угла: восточный, западный, северный и южный. Все части света обозначались цветом: Восток – синим, Запад – белым, Север – черным, Юг – красным» [5, с. 32].

Важной космогонической концепцией Мироздания в ногайской мифологии являлась идея цикличности (циклической модели времени) – регулярных мировых катастроф, как наказание людей небесным богом Тангри за их грехи, и вновь возрождающегося Мира. Гибель человечества в ногайской мифологии в основном связывается с одноглазым великаном-циклопом *Топекозем*. Циклическая модель времени связана и с представлениями ногайцев об умирающих и воскрешающих божествах, циклическом возрождении природы, которые нашли свое воплощение в календарных и земледельческих праздниках, обрядах и соответствующих мифах.

Религиозная картина мира. Представление народа о картине мира исторически менялось, на основе ранних религий, с их мифологическими представлениями о мироздании, складывалась монотеистическая религия, а после того как в XIII в. был принят ислам, сформировалась новая модель мира, с идеей создания Вселенной, Земли и человека единым Богом – Аллахом (*Кудаем*). К универсальному религиозному концепту относятся *божественное происхождение мира и человека.* Так, согласно исламу, как и более ранним верованиям, вначале не существовало ничего, кроме одного Творца – Аллаха, который является трансцендентным Первоначалом всего Сущего. Согласно религиозным представлениям верующих ногайцев, Аллах сотворил за шесть дней мир и человека: семь небес и небесные светила, землю, весь животный и растительный мир, ангелов и первых людей.

Важным космогоническим концептом Мироздания в исламе, отличным от мифологического, является представление о сотворении *первичных элементов*. «По одной из версий, он (Аллах. – *Б.К.*) первоначально сотворил «свет» пророка Мухаммада (*Пайхамбардынъ нуры*). <…> По другой версии, Аллах изначально сотворил два элемента – *воду и огонь.* Первая вода называется *Кара сув* (Черная вода) и олицетворяет собой мировой океан [1, с. 63; 10, с. 45, 46]. По представлениям верующих ногайцев, «вода находилась под огнем, от чего она сильно кипела. Когда же пена, происшедшая от кипения, образовала весьма толстый слой, с неровною поверхностью, то Господь уничтожил огонь и из пены сотворил землю со всеми находящимися минералами; от вздутостей же пены образовались горы с предгорьями, ущельями и долинами» [2, с. 2]. По другой версии, от кипения воды образовалась сметана, из которой была сотворена земля [1, с. 63]. «Земля покоится на огромной рыбе, оставшейся под пеной в воде; вода – на камне, а камень опять на воде. <…> Земля стоит неподвижно на одном месте, а все небесные светила – солнце, луна и звезды – вращаются вокруг нее» [2, с. 2, 5]. Согласно Корану, «Аллах из огня сотворил видимый нами свет и все светила небесные; из света же создал бесчисленное множество ангелов, обязанностью которых – беспрекословно исполнять волю Творца; из воды сотворил животных, из глины – человека, вселив в его тело свой всесильный дух [2, с. 3], который ногайцы называли *кут (рух*). Данное понятие особой жизненной субстанции является универсальной категорией, перешедшей из мифологического концепта в религиозный.

Ногайцы считали, что у каждого человека есть своя звезда; когда человек умирает, его звезда падает [8, с. 24]. В описании картины сотворения всего живого на земле отражена дуальная организация в природе – Аллах, во благо человеку, создал каждого животного по паре.

Модель мира в исламе базируется на сформированной еще в мифологическом представлении, космической вертикали (вертикальной структуре мира): небо состоит из семи этажей, которые расположены друг

над другом в виде твердых сводов; солнце и луна поставлены на нижнем небе (своде). Сохранено в исламе дихотомическое деление мира: «на небо и землю, которые были отделены друг от друга по воле Творца. Семислойное небо покрывает, как крыша, семислойную землю [7, с. 52]. Это очень древнее представление, основанное на дуалистическом мировоззрении. Оно является идеологическим отражением архаической дуальной (фратриальной) организации общества» [10, с. 47]. В *трихотомическом* варианте происходит деление мира на этиологические зоны. К благоприятному или Божественному миру относятся Рай – *еннет/джаннат*, размещенный на седьмом небе, и зона, расположенная выше седьмого неба – зоне пребывания Аллаха. Неблагоприятный мир или Мир зла (Ад, *яханем/джаханам)* размещен ниже первого неба. К нейтральному или Природному миру относятся Земля (человек и зона его обитания). Между благоприятным и неблагоприятным мирами (между добром и злом) происходит вечная борьба за нейтральный мир (за человека), при этом религиозное сознание мусульманина направлено на преодоление влияния неблагоприятного мира (мира зла).

С пространственным делением мира в исламе соотносится концепт видимого и невидимого миров. «С поверхности земли виден только самый нижний уровень неба, его ногайцы называют *Коьк асман* («голубое небо»). <…> Небо, видимо, отождествлялось также с верховным божеством вечного синего неба – *Тангри*. <…> В его воле все, что находится на земле, он – источник всех благ и наказаний [8, с. 71; 4, с. 175]. У древних тюрок верховное божество *Тенгри* распоряжалось всем в мире, в том числе и судьбами людей [6, с. 537]. Такая широта функций Тангри способствовала отождествлению его с единым и единственным Богом мусульман; в настоящее время у ногайцев слово «Тангри» является одним из названий Аллаха. Небо, связанное с верхом, верхним миром, будучи местом пребывания Аллаха – Тангри, особо почиталось ногайцами» [10, с. 47, 48].

Своеобразно ногайцы объясняли происхождение небесных светил: «Солнце и месяц были созданы совершенно одинаковыми, так что их нельзя было различить одно от другого, а потому Бог послал Ангела и велел ему соскоблить часть света от месяца и прибавить к солнцу» [8, с. 24].

С мифологическим концептом древа жизни – Мировым деревом – перекликается образ Небесного дерева, растущего у престола Аллаха, на листьях которого записаны имена живущих на земле людей. Согласно Корану, приближение смерти человека предвещает упавший с дерева листок с его именем. В представлениях ногайцев о структуре земли этнографы прошлого отмечали смешение мусульманских и более ранних религиозных воззрений.

Важным концептом религиозной картины мира ногайцев является эсхатологическое представление о конце света: Согласно Корану, Аллах распоряжается миром и направляет его к судному дню, которому будет предшествовать конец света (*ахырзаман*) и воскресение умерших людей (*кийама*). Согласно мусульманским представлениям, в судный день (*кыямет куьни)* будет решаться окончательная судьба людей.

Религиозная эсхатология, в отличие от мифологической, отвергает идею цикличности в природе. Принимая и продолжая обозначенную в ранних верованиях идею конца света и наступления судного дня, в исламе утверждается тезис второго пришествия мессии – пророка Исы, который, по убеждению верующих мусульман, установит на земле царство справедливости.

Таким образом, у предков современных ногайцев на протяжении длительного исторического периода создавалось и эволюционировало представление об окружающем их мире. Мифологическая картина мира формировалась на основе древних (ранних) верований и отражала существовавший у них тогда родоплеменной уровень сознания, в основанное которого лежит политеизм, анимизм, вымысел и т.д. Религиозная картина мира, сформировавшаяся на основе мифологической, отражала эволюционный путь развития мировоззрения народа от политеистического к монотеистическому, в основе которого лежит вера в единого Бога, пророков, в предопределение, судный день и т.д. Оба мировоззрения выполняли важные социальные функции, но в первую очередь помогали членам социума понять устройство окружающего их мира.

Литература

1. Ай, Айданак: народные колыбельные и детские песни. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 104 с.

2. Алейников М.Н. Поверья ногайцев Мансуровского селения Баталпашинского отдела Кубанской области // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. XVII, отд. 2. С. 1 – 14.

3. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Изд. «НАУКА», 1964. 328 с.

4. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1988. 230 с.

5. Капаев И.С. Ногайские мифы, легенды и поверья: Опыт мифологического словаря. М.: Голос-Пресс, 2012. 422 с.

6. Кляшторный С.Г. Тюркоязычных народов мифология (Древних (орхонских) тюрок мифология) // МНМ. М., 1988. Т. 2. С. 536 – 537.

7. Маьнели соьз малдан артык (айтувлар эм так паклар) / Сост. Т.А. Акманбетов. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 91 с. [На ногайском языке] (Мудрое слово дороже богатства. Ногайские народные пословицы и поговорки).

8. Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // Известия общества археологии, этнографии и истории. Казань: типолит. Имп. Ун-та, 1894-1901. 67 с.

9. Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.

10. Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев. М.: ИЭА РАН, 2008. 266 с.

References

1. Aj, Ajdanak: narodnye kolybel'nye i detskie pesni. Mahachkala: Daguchpedgiz, 1990. 104 s.

2. Alejnikov M.N. Pover'ja nogajcev Mansurovskogo selenija Batalpashinskogo otdela Kubanskoj oblasti. SMOMPK. Tiflis, 1893. Vyp. HVII, otd. 2. S. 1 – 14.

3. Zolotarev A.M. Rodovoj stroj i pervobytnaja mifologija. M.: Izd. «NAUKA», 1964. 328 s.

4. Kalmykov I.H., Kerejtov R.H., Sikaliev A.I.-M. Nogajcy: Istoriko-jetnograficheskij ocherk. Cherkessk: Stavropol'skoe kn. izd-vo, 1988. 230 s.

5. Kapaev I.S. Nogajskie mify, legendy i pover'ja: Opyt mifologicheskogo slovarja. M.: Golos-Press, 2012. 422 s.

6. Kljashtornyj S.G. Tjurkojazychnyh narodov mifologija (Drevnih (orhonskih) tjurok mifologija). MNM. M., 1988. T. 2. S. 536 – 537.

7. Ma'neli so'z maldan artyk (ajtuvlar jem tak paklar). Sost. T.A. Akmanbetov. Mahachkala: Daguchpedgiz, 1991. 91 s. [Na nogajskom jazyke] (Mudroe slovo dorozhe bogatstva. Nogajskie narodnye poslovicy i pogovorki).

8. Moshkov V.A. Materialy dlja harakteristiki muzykal'nogo tvorchestva inorodcev Volzhsko-Kamskogo kraja. Izvestija obshhestva apxeologii, jetnografii i istorii. Kazan': tipolit. Imp. Un-ta, 1894-1901. 67 s.

9. Tursunov E.D. Drevnetjurkskij fol'klor: istoki i stanovlenie. Almaty: Dajk-Press, 2001. 172 s.

10. Jarlykapov A.A. Islam u stepnyh nogajcev. M.: IJeA RAN, 2008. 266 s.

Kardanova B.B., Candidate of Art Criticism (Ph.D.), Associate Professor,
KCHOOO "Union of Composers of Russia"

RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL PICTURE OF THE NOGAI WORLD (ACCORDING TO FOLKLORE AND LITERARY SOURCES)

Abstract: especially relevant in the age of aggressive globalization are the methods of studying the ethnic identity of small peoples, which include the Nogais – a Turkic-speaking nation, dispersed living in different regions of Russia (North Caucasus, Astrakhan region, Crimean Peninsula, etc.). The lack of a single territory among the people caused a contradiction between their endoethnonym (Nogai, Nogais) and exoethnonym (Yurt Tatars, Crimean Tatars, Siberian Tatars, etc.). People's understanding of their historical roots (ethnogenesis, racial genesis, factors that shaped the evolution of worldview, mentality) and much more will allow them to better understand their ethnic, ethno-cultural and ethno-confessional identity. The repository of such values can be authentic folklore, valuable information is also stored in the publications of educators, philologists, linguists, writers and folklorists belonging to different historical periods. Insufficient knowledge of many aspects of the problem identified by the research topic actualizes this study. The author of the article aims to examine the mythological and religious worldview of the Nogais, reflected in folklore and literary sources. Research objectives: 1) to identify the cause-and-effect relationships of the mythological and religious worldview of the people with their beliefs and the level of collective and individual consciousness; 2) to consider the main concepts of mythological thinking as a component of the conceptual sphere of the Nogai national worldview; 3) to highlight the features of two types of thinking that form the national worldview. It is noted that the mythological and religious idea of the world around them among the Nogais was formed over a long historical period. The mythological picture of the world was formed on the basis of ancient (early) beliefs and reflected the tribal level of consciousness that existed among them at that time, which is based on polytheism, animism, fiction, etc. The religious picture of the world, formed on the basis of the mythological one, reflected the evolutionary path of the development of the worldview of the people from polytheistic to monotheistic, which is based on faith in one God, prophets, predestination, judgment day, etc. Both worldviews performed important social functions, but first of all they helped members of society to understand the structure of the world.

Keywords: worldview, myths, religious thinking, concepts

Плиева З.Б., ассистент,
Ингушский государственный университет

ГОДИЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ (РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ИНГУШСКОГО): ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация: цель статьи состоит в представлении и исследовании календаря генетически неродственных языков (русского, английского и ингушского) с семантической и функциональной точек зрения. В связи с этим актуальность данного исследования приобретает сравнительно-сопоставительный подход, позволяющий глубже раскрыть семантику и функциональное своеобразие лексем, представляющих наименования месяцев и сезонов. В каждом из сопоставляемых языков интерес также представляет использование наименования слова «месяц», которое совпадает во всех трёх заявленных языках и связано с непосредственной функцией «Луны» (рус. месяц; анг. month, инг. бутт). Отсюда следует, что основополагающую функцию, как ориентир для измерения и определения времени (по лунному календарю), выполняла Луна, а точнее лунные фазы. **Научная новизна** темы, представленной в статье посредством комплекса методов (лексико-семантический, структурно-содержательный) исследования номинаций трёх календарей, видится в дальнейшей попытке воссоздать хронологию становления календаря с точки зрения его представления как логически завершённого системного явления в трёх различных этнокультурах. В результате исследования структуры календаря и его «составляющих» (наименования месяцев и сезонов) в номинативных языках (русском, английском) и в эргативном (ингушском языке), представляющих один из уровней вербализации концептов даёт возможность более глубокого анализа их специфики в соответствующей языковой картине мира. Изучение происхождения месяцев с дескриптивной стороны способствует установлению типичных национальных представлений и определению своеобразия рассматриваемых культур.

Ключевые слова: годичный календарь, сравнительное и синхронное языкознание, временная цикличность, генетически неродственные языки, номинативный, эргативный, когнитивное маркирование, пресуппозитивная категоризация, постулированность и приобретенность

Введение

Представление пласта номинаций годичного календаря в языках, относящихся к различным стратегиям, является одной из актуальных проблем типологического языкознания. Кроме того, важность избранной темы видится также и в том, что связанные непосредственно с историей и бытом народа традиционные календари различных этно-культур, представляющие разные календарные праздники, будни, обычаи, обряды, ритуалы и их исполнение, до сих пор остаются малоизученными и недостаточно представленными в контрастивной лингвистике.

Материалы и методы

Актуальность темы заключается и в различии степени изученности данной проблемы в избранных для исследования языках.

Теоретическая значимость работы состоит в описании семантики и структуры лексем, обозначающих наименования месяцев и сезонов в генетически неродственных языках на основании комплекса методов (семантический, лингвоэтнографический, лингвокультуроведческий). Материалы и результаты исследования дают также возможность реконструировать календарную модель, хронологически первую, чтобы более подробно представить становление структуры и системы исконного календаря трех неродственных языков.

Научная литература, исследованная для раскрытия темы исследования, представляет собой пласт источников, в которых рассматривается календарь как специфическая система исчисления и распределения времени. В русоведении вопрос семантического представления лексем-наименований месяцев рассматривался: М.Н. Лалошем («Сравнительный календарь древних и новых народов», 1869); Б.А. Рыбаковым («Язычество древних славян», 1988); В.Е. Гусевым («Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы», 2012).

Проблемой календарного представления годичного цикла в ингушеведении занимались: Е.И. Крупнов («Средневековая Ингушетия», 1971); М.Р. Ужахов («Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья»,1979); Х.А. Акиев («Клеточный орнамент в системе языческого мировоззрения вайнахов», 1989); А.Ц. Тутаев («Выписки из Галгаевского календаря», 1999).

В англоязычной литературе, основополагающей в данной области, представлены научные труды и работы, в которых интерпретируются проблемы наименований годичного календаря и его дат: Г.К. Роулинсон («Memorandum on the publication of the cuneiform inscriptions», 1855); А.Г. Сейс («The Astronomy and Astrology of the Babylonians» 1874; «The races of the Old Testament», 1891); Э.И. Бикерман («Chronology of the ancient world», 1980), Э.С. Кеннэди («Al-Battānī's Astrological Historyof the Prophet and the Early Caliphate, 2009-2010).

Важным фактором, определившим современный подход к категории времени, стал переход лингвистики на антропологическую парадигму. В языкознании были поставлены проблемы языковой личности, влияния человека на язык, проблемы концептуальных и языковых картин мира и другие. Отталкиваясь от идей В. фон Гумбольдта, согласно которым рассматривать язык необходимо не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа, а также гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира и Е. Кеннеди, учёные сегодня пытаются создать единую теорию языка и человека [9, 19].

В. Фон Гумбольдт отмечал, что именно такой подход к языку и есть «основа подлинного языкового исследования, от которого любое другое изучение языка, как бы основательно оно ни было, в сущности своей только уводит. Такое исследование языка самого по себе уподобляет его любому другому природному объекту. Оно должно объять все различия, поскольку каждое из них принадлежит к понятийному целому» [3, с. 377].

С лингвистической точки зрения проблема времени как онтологическая, а отчасти и лингвокультурологическая, рассматривается в монографиях М.В. Всеволодовой, Е.С. Яковлевой, Г.В. Звездовой и отдельных статьях (Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Цивьян, А.Д. Шмелев и другие).

Одним из первых к анализу темпоральной лексики в отечественном языкознании обратился М.М. Покровский (1998) – основатель лингвистической семантики, а в ингушском (эргативном) языке этому посвя-

щен ряд научных работ Л.У. Тариевой, среди которых выделяется монография «Наречие в ингушском языке (2012)». Особое внимание изучению календарных единиц и обоснованию англо-язычной темпоральной лексики посвятил Э. И. Бикерман, в своей этнографо-лингвистической работе «Chronology of the ancient world (1969). Дальнейшее развитие эта тенденция в славянском народном календаре получила в работах таких отечественных исследователей, как А.И. Моисеева, А.Б. Мордвинова и многих других. Однако, вопрос календаря, остается открытым и малоизученным по сей день не только в трех заявленных этнокультурах, но и в традиционной культуре народов мира.

Результаты и обсуждение

Календари различных народов мира основываются на чувстве ритма времени, его осознании и отражении в языке, в словарях, прежде всего.

Согласно концепции, М.Г. Цароевой, «древние календари отражали ритмы внутреннего, символического, космоса, соответствовавшие естественным циклам и временам года внешнего мира, движению небесных тел», т.е. «они связывали их с земными объектами, с явлениями в обществе людей и животного мира», кроме того, представители древнего мира отслеживали движение небесных тел [17, с. 217]. Исходя из этой точки зрения, для нас интерес представляет тот факт, что номинация помесячного годового цикла в грамматически неоднородных языках основана на неоднозначных признаках, лежащих в основе разделения года на циклы, т.е. на отдельные сезоны, включающие различные месяцы.

Календарь (от лат. *calendae* – календы – первый день каждого месяца в Древнем Риме) – это определенная система упорядоченного счета продолжительных промежутков времени с подразделениями их на более короткие периоды (годы, месяцы, недели, сутки) [6, с. 11]. Типы календарей определяются основными продолжительными единицами счета времени, их соотношением и способом согласования. Главными типами календарей в истории человечества были *лунный, лунно-солнечный и солнечный,* которые применяются в разных странах и в настоящее время [6, с. 11; 20, p. 8].

Генеалогия годичного деления на месяцы во всех языках обусловлена различными признаками, положенными в основу любого календаря. Кроме того, степень изученности данной проблемы неодинаково представлена в избранных для анализа разноструктурных языках.

Английский язык, отличающийся тенденцией в сторону изолирующего строя, и русский флективный относятся к номинативным языкам. Ингушский язык – это эргативный язык нахско-дагестанской группы Северного Кавказа. Поэтому интерес представляет дифференциация лексических единиц языков различных стратегий, обозначающих номинацию месяцев года, неоднозначно интерпретированных учеными в различных языках. Месяц (русское обозначение: мес; от лат. *mēnsis*, анг. *month*, инг. *бутт*) – одна из внесистемных единиц измерения времени, в связи обращения Луны вокруг Земли, равной чаще всего 30-31 дням.

Почти все народы на земле пользовались фазами Луны для измерения времени: *luna menses* (Ovid., Fasti, III, 883) [1, с. 14].

Примечательно то, что греческое слово *'μήνας'*, и английское *'moon',* означающие "календарный месяц", связаны с названием Луны [8], равно как и в эргативном ингушском языке слово *'бутт'*. При этом однотипная связь наблюдается также и в семитских языках. Например, согласно исследованию Э. И. Бикермана

древнееврейское слово *yerah* значит и ‘Луна’, и ‘месяц’, а другое слово, также со значением ‘месяц’ *hodes* – обозначает буквально ‘молодой месяц’ [1, с. 14]. Однако, несмотря на это в английском языке, *moon* – обозначает ‘луну’, как небесное тело// небесное светило, в то время как слово *month* интерпретируется как ‘календарный месяц’ [1, с. 13-15].

Бутт ‘месяц’ в ингушском традиционном календаре принято считать древней единицей измерения времени, легко устанавливаемой при наблюдении за появлением молодой Луны, т.е. *‘керда бутт гучабалар’* [2, с. 36; 7, с. 21]. Многие исследователи календаря, в числе которых Л. Паям Б. Ханджани, считают, что, видимо, не случайно во многих языках слова «месяц», «мерить» и «Луна» имеют общий корень, например, в латинском: *«mensis»* (месяц) и *«mensura»* (мера), в греческом *«мэнэ»* (Луна) и *«мэн»* (месяц), английское *«moon»* (Луна) и *«month»* (месяц) [16, с. 18].

Примечательно также и то, что традиционно Луна *‘Бутт’* являясь для ингушей добрым божеством и братом Солнца *‘Малх’,* по словам Х.Т. Курбанова «начальное *“б”* в слове *Бутт* могло быть окаменелым классным показателем и с шумерского *Утт//Уту* трактовалось как *‘Бог Солнца’* [6, с. 161; 7, с. 21].

По словам известного американского историка-антиковеда Э. И. Бикермана: «Искусство чтения знаков, написанных на небе, т.е. знаков ночи, месяцев и лет – этот дар Прометея – в доимператорский период являлось одной из основ образования. Так же, как мы каждый день говорим о погоде, в Риме было принято говорить об утреннем восходе созвездия Лиры, а аспекты звезд составляли основу метеорологических прогнозов» [1, с. 46-51]. Отметим также, что ингушские жрецы (‘*ц1ув’*) для точного счета времени вели наблюдения за движением солнца и луны. За восходом и заходом солнца они наблюдали с возвышенного места: с *Маьт-Лоам* со ‘Столовой горы’, посредством «решетки, вроде обруча», разделенного шнуром на четыре сектора [13, с. 12].

Как уже стало ясно, наименование слова «месяц» совпадает во всех трех языках и связано с непосредственной функцией Луны, т.е. слово «месяц» было образовано благодаря лунному календарю.

В английской традиции формирование календаря было диахронически связано со словом *month,* которое происходит от слова *moon* (луна, месяц) [8].

Народный календарь и календарные даты, связанные с различного рода культами и ритуалами, простирались на жизнь природы с ее годовым циклом и на жизнь самих людей, связанных с природой. Исторически, календарь (слав. *каляды даръ//круголѣт*; инг. *ханорг// дийнорг*; анг. *calendar*) основывался на сезонных изменениях: разнообразие климата, флоры, фауны и все изменения в окружающей природной среде сыграли свою роль в исчислении времени. В связи с этим у многих народов, в частности у славян, ингушей и англичан год подразделялся не на отдельные месяцы (циклические отрезки времени), а на периоды, что позволило разделить год (слав. *‘год’*; инг. *‘шу’*; анг. *‘year’*) на несколько сезонов.

Таблица 1

Репрезентация наименований времён года в разносистемных языках

Наименование времен года в разносистемных языках			
№	*Славянский (древнерусский вариант)* [4, с. 101-102]	*Ингушский (вариант)*[2, с. 40; 10, сс. 10-12; 15, с. 269]	*Английский (вариант)*[18, p. 41, 52, 55, 57; 20, p. 6-7]
1. Зима	Podzim [Подзимь]	Ia [`a]	Winter [‘wɪntə]
2. Весна	Pomlad [Помлад]	БIаьсти [b`iasti]	Spring [sprɪŋ]
3. Лето	Poletje [Полетье]	Ахка [ahka]	Summer [‘sʌmə]
4. Осень	Jeseň/Jaro [Есень/ Яро]	Гуйре [guyrə]	Autumn [‘ɔːtəm]

Связь между представлением времён года в мозгу и языковым представлением о временной цикличности может быть только опосредованной. Путь лежит через понятия. Данные чувственного восприятия субъективны, в то время как понятия могут быть общими для всех. В связи с этим анализ лексем, обозначающих временную периодичность, т.е. времена года и изменения, происходящие в окружающей среде, независимо от человека, на основе их структурно-содержательных характеристик: с антропологической, функциональной, лексико-семантической, когнитивной, сопоставительной сторон представляется насущной задачей синхронного языкознания (табл. 1).

Изменения в погоде и временная цикличность одинаково воспринимаются человеком, однако, выражаются они по-разному, Отсюда следует, что для мировосприятия носителей, например, ингушского языка, временная цикличность прототипически определяется речедеятелем, а не создается им в прагматической ситуации*: со укхаза х1анз ‘я здесь сейчас’* [12, с. 39, 68, 341]. Поскольку воспринимаемые ощущения погодно-климатических изменений во всем мире могут концептуализироваться различными способами.

Языковые единицы, обозначающие времена года, согласно концепции Л.У. Тариевой, обладают понятийной категорией постулированности и приобретенности. Основными критериями функционирования лексем, обозначающие временную цикличность (т.е. времена года), является:

1) их когнитивное маркирование, в первую очередь [12, с. 89, 91];
2) их пресуппозитивная категоризация [12, с. 7, 343];

Времена года и их восприятие в неродственных языках, таким образом, относится к явлениям, данным человеку априори. Получается, что постулированный признак является интегрирующим в неродственных языках (русском, английском и ингушском) или же, другими словами, этот параметр говорит о том, что постулированность и приобретенность это связующее свойство в разносистемных языках [12, с. 341, 342].

Традиционный русский [4, с. 84-87] и ингушский [10, с. 10-12] календари сохранили свои народные названия месяцев. Семантика многих из них довольно прозрачна и связана с характером мотивирующей основы слова (рус. *январь – January* ‘перезимье’, инг. ‘аг1ой бутт’; *февраль– February* ‘бокогрей’, инг. Сaькур бутт; *март – March* ‘проталъник’, инг. Г1алг1ай-мархий бутт; *апрель – April* ‘снегогон, цветень’, инг. Тушоли бутт; *май – May* ‘травник’, инг. Бекарга бутт; *июнь – June* ‘хлебoрост’, инг. Мангала бутт; *июль –*

July ‘макушка лета’, инг. Тов//Тау-бутт; *август – August* ‘разносол’, инг. Оасара//Зязара бутт; *сентябрь – September* ‘хмурень’, инг. Михий бутт; *октябрь – October* ‘листопад, свадебник’, инг. Мaьт-ц1ели//К1и-марса бутт; *ноябрь – November* ‘полузимник’, инг. Лай-чилла бутт; *декабрь – December* ‘студень’, инг. Чантар бутт).

Некоторые наименования требуют особого пояснения, так как в них отразились традиционные для того времени, а сегодня практически забытые виды деятельности (апрель ‘березозол’// кIи-марса бутт ‘месяц жатвы’); либо это наименования, которые представляют собой древнерусские//древне-ингушские или диалектные слова, вышедшие из активного, повседневного употребления в современном русском//ингушском языках (май – серпенъ//бекарга бутт ‘месяц кукушки’; июнь – изок// мангала бутт ‘месяц косы’; июль – сенозарник, косень// маьтт-цIели бутт ‘месяц Бога Мят-Сели’; август – жнивень// тау/тов бутт ‘месяц второго покоса травы’; сентябрь – вересень, летопроводец, летопроводник (провожающий лето)// михий бутт ‘месяц ветров’ и другие).

Выводы

Основная цель статьи заключалась в исследовании особенностей семантики и структуры годичного календаря и его «составляющих» трёх разных этно-культур и разноструктурных языков, указывающие на своеобразие языковой картины мира в этой области знания.

В соответствии с поставленной целью в результате исследования были сделаны следующие заключения:

1) Календарь, как способ осмысления устройства мира, понимания его цикличности, а, следовательно, и отражение в нем не только памятных дат и событий, но и периодичности смены времён года, месяцев, дней недель и т.д. Для возникновения и развития многих календарей, безусловно, послужили исторические особенности жизни того или иного народа, географические условия проживания, и при этом хозяйственная деятельность, фенологические наблюдения и астрономические знания.

2) Времена года и их восприятие в генетически неродственных языках (русском, английском и ингушском) относятся к явлениям, данным человеку априори, в которых интегрируют постулированный и приобретённый признаки, являющиеся связующими звеньями (свойствами) в представленных разносистемных языках.

3) Связь между представлением времён года в мозгу у носителей номинативных и эргативного языков и их языковым представлением о периодичности времён года (сезонов) опосредована. При этом, лексемы, обозначающие временную цикличность, т.е. времена года и изменения, происходящие в окружающей среде, независимо от человека, на основе их структурно-содержательных характеристик: с антропологической, лексико-семантической, функциональной, когнитивной, сопоставительной сторон являются предметом изучения синхронного языкознания.

4) Наименование слова «месяц» совпадает во всех трех разносистемных языках и связано с непосредственной функцией Луны (рус. месяц; анг. month, инг. бутт). При этом почти все народы на земле пользовались изначально лунным календарём и основополагающую функцию, как ориентир для измерения и определения времени, выполняла Луна, а точнее лунные фазы.

5) Наименования месяцев в традиционном русском (славянском) и ингушском календарях имеют несколько вариаций и связаны с характером мотивирующей основы слова. Мотивационный признак (понятие) детерминирован самим человеком: вербализуется то, что является в сознании народа важным, значимым. Таким образом, словообразование, другими словами придание предмету (месяцу) имени является одним из средств языковой концептуализации картины мира самим носителем языка.

Литература

1. Бикерман Э.И. Хронология Древнего мира. М., 1976. 333 с.

2. Вопросы истории Ингушетии: исследования и материалы. Вып. 6. Магас, 2007. 146 с.

3. Гумбольдт В.Ф. Язык и философия культуры: пер. с немецкого языка / сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 451 с.

4. Гусев В.Е. Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы / ред.-сост. С.В. Кучепатова. СПб.: РИИИ, 2012. 248 с.

5. Барахоева Н.М., Барахоева Ж.М., Кодзоев Н.Д., Хайров Б.А. Ингушско-русский и русско-ингушский словарь терминов: более 8200 слов. Назрань: Кеп, 2016. 288 с.

6. Киприянова Н.В., Зварцев И.А. «Вспомогательные исторические дисциплины: метод. рекомендации для студентов гуманитарного института: в 2 ч. Ч. 2. // Хронология. Метрология / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. 76 с. URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/4029/1/01405.pdf (дата обращения: 01.09.2022 г.)

7. Курбанов Х.Т. Вайнахская религиозная терминология. М.: МАКС Пресс, 2004. 40 с.

8. Луна / Статьи / Newslab.Ru URL: https://newslab.ru/article/172997 (дата обращения: 01.09.2022 г.)

9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 655 с.

10. ЕРДАЛО (республиканская общенациональная газета) № 10 (12531), суббота, 3 февраля 2022 года. С. 10 – 12. URL: https://serdalo.ru/newspaper-subscribe/get-pdf/4650 (дата обращения: 01.09.2022 г.)

11. Словарь древнего сдавянского языка (составленный по Остромирову Евангелию) / Под ред. Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Бередникову и И.С. Кочетову. С.-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1899. 950 с.

12. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. Назрань: Кеп, 2017. 376 с.

13. Тутаев А. Ингушский календарь (Тетрадь «Календарь Галгай»). 1881г. // Фонды Инг. нац. Библиотеки им. Дж. Яндиева. С. 12.

14. Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья: учеб. пособие. Грозный: Чеч.-Инг. гос. ун-т, 1979. 92 с.

15. Хайров Б.А. ГІалгІай календарах лаьца // Ученые записки. Серия: «Фольклор и этнография». Вып. IV. Магас. 2012. С. 268 – 287.

16. Ханджани Лейла,. Бахрамиян Паям. Об истории названий месяцев в русском и персидском языках // Филология и лингвистика в современном мире: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, июль 2018 г.). М.: Буки-Веди, 2018. С. 17 – 24. URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/260/14420/ (дата обращения: 01.09.2022 г.)

17. Цароева М.Г. Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев. М.: Изд-во Триумф, 2016. 320 с.

18. Bickerman E.J. Chronology of the ancient world. (Aspects of greek and roman life) / General Editor: H.H. Scullard. Second Edition: New York: CORNELL UNIVERSITY PRESS ITHACA, 1980. 223 p. Перевод заглавия: Бикерман Е.Дж. «Хронология древнего мира». Англ.

19. Kennedy E.S. Al-Battānī's Astrological Historyof the Prophet and the Early Caliphate, Suhayl 9 (2009-2010). P. 13 – 148. Перевод заглавия: Кеннеди Е. С. «Астрологическая История Пророка и Раннего Халифата аль-Баттани». Англ.

20. Longstaff A. Calendars from around the world // National Maritime Museum 2005. URL: https://www.rmg.co.uk/sites/default/files/Calendars-from-around-the-world.pdf (дата обращения: 01.09.2022 г.)

21. Muller W.K New English-Russian, Russian-English Dictionary: About 150,000 words and phrases. Мюллер В.К. Новый англо-русский, русско-английский словарь: Около 150 000 слов и словосочетаний. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Фирма «Рест», при участии ООО «Персей», 2015. 816 с.

References

1. Bikerman Je.I. Hronologija Drevnego mira. M., 1976. 333 s.

2. Voprosy istorii Ingushetii: issledovanija i materialy. Vyp. 6. Magas, 2007. 146 s.

3. Gumbol'dt V.F. Jazyk i filosofija kul'tury: per. s nemeckogo jazyka. sost., obshh. red. i vstup. stat'i A.V. Gulysh, G.V. Ramishvili. M.: Progress, 1985. 451 s.

4. Gusev V.E. Ocherki slavjanskoj kul'tury: Pis'ma. Stat'i. Doklady. Polevye materialy. red.-sost. S.V. Kuchepa-tova. SPb.: RIII, 2012. 248 s.

5. Barahoeva N.M., Barahoeva Zh.M., Kodzoev N.D., Hajrov B.A. Ingushsko-russkij i russko-ingushskij slovar' terminov: bolee 8200 slov. Nazran': Kep, 2016. 288 s.

6. Kiprijanova N.V., Zvarcev I.A. «Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny: metod. rekomendacii dlja studen-tov gumanitarnogo instituta: v 2 ch. Ch. 2. Hronologija. Metrologija. Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovyh. Vladimir: Izd-vo VlGU, 2014. 76 s. URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/4029/1/01405.pdf (data obrashhenija: 01.09.2022 g.)

7. Kurbanov H.T. Vajnahskaja religioznaja terminologija. M.: MAKS Press, 2004. 40 s.

8. Luna. Stat'i. Newslab.Ru URL: https://newslab.ru/article/172997 (data obrashhenija: 01.09.2022 g.)

9. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. M.: Progress, 1993. 655 s.

10. SERDALO (respublikanskaja obshhenacional'naja gazeta) № 10 (12531), subbota, 3 fevralja 2022 goda. S. 10 – 12. URL: https://serdalo.ru/newspaper-subscribe/get-pdf/4650 (data obrashhenija: 01.09.2022 g.)

11. Slovar' drevnego sdavjanskogo jazyka (sostavlennyj po Ostromirovu Evangeliju). Pod red. F. Mikloshichu, A.X. Vostokovu, Ja.I. Berednikovu i I.S. Kochetovu. S.-Peterburg: Tipografija A.S. Suvorina, 1899. 950 s.

12. Tarieva L.U. Rechevye komponenty paradigmy lica v jazykah jergativnogo stroja. Nazran': Kep, 2017. 376 s.

13. Tutaev A. Ingushskij kalendar' (Tetrad' «Kalendar' Galgaj»). 1881g. Fondy Ing. nac. Biblioteki im. Dzh. Jandieva. S. 12.

14. Uzhahov M.R. Godichnye cikly hozjajstvennyh rabot chechencev i ingushej perioda srednevekov'ja: ucheb. posobie. Groznyj: Chech.-Ing. gos. un-t, 1979. 92 s.

15. Hajrov B.A. GIalgIaj kalendarah la'ca. Uchenye zapiski. Serija: «Fol'klor i jetnografija». Vyp. IV. Magas. 2012. S. 268 – 287.

16. Handzhani Lejla,. Bahramijan Pajam. Ob istorii nazvanij mesjacev v russkom i persidskom jazykah. Filologija i lingvistika v sovremennom mire: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, ijul' 2018 g.). M.: Buki-Vedi, 2018. S. 17 – 24. URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/260/14420/ (data obrashhenija: 01.09.2022 g.)

17. Caroeva M.G. Sledy drevnih civilizacij v jazykah i kul'ture ingushej i chechencev. M.: Izd-vo Triumf, 2016. 320 s.

18. Bickerman E.J. Chronology of the ancient world. (Aspects of greek and roman life). General Editor: H.H. Scullard. Second Edition: New York: CORNELL UNIVERSITY PRESS ITHACA, 1980. 223 p. Perevod zaglavija: Bikerman E.Dzh. «Hronologija drevnego mira». Angl.

19. Kennedy E.S. Al-Battānī's Astrological Historyof the Prophet and the Early Caliphate, Suhayl 9 (2009-2010). P. 13 – 148. Perevod zaglavija: Kennedi E.S. «Astrologicheskaja Istorija Proroka i Rannego Halifata al'-Battani». Angl.

20. Longstaff A. Calendars from around the world. National Maritime Museum 2005. URL: https://www.rmg.co.uk/sites/default/files/Calendars-from-around-the-world.pdf (data obrashhenija: 01.09.2022 g.)

21. Muller W.K New English-Russian, Russian-English Dictionary: About 150,000 words and phrases. Mjuller V.K. Novyj anglo-russkij, russko-anglijskij slovar': Okolo 150 000 slov i slovosochetanij. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Firma «Rest», pri uchastii OOO «Persej», 2015. 816 s.

Plieva Z.B., Assistant Professor,
Ingush State University

THE ANNUAL CALENDAR OF DIFFERENT-STRUCTURED LANGUAGES (RUSSIAN, ENGLISH AND INGUSH): REPRESENTATION AND RESEARCH

Abstract: the purpose of the article is to present and study the calendar of genetically unrelated languages (Russian, English and Ingush) from the semantic and functional points of view. In this regard, the relevance of this study acquires a comparative approach, which allows to reveal more deeply the semantics and functional originality of lexemes representing the month's names and seasons. In each of the compared languages, it is also of interest to use the name of the word "month", which is the same in all three declared languages and is associated with the direct function of the "Moon" (Rus. *Луна (Luna)*; Eng. month, Ing. Бутт (Butt)). It follows that the fundamental function, as a guideline for measuring and determining time (according to the lunar calendar), was performed by the Moon, or rather the lunar phases. The scientific novelty of the article through the study of three calendars using a set of methods (lexico-semantic, structural-content) lies in a further attempt to recreate the chronology of the formation of early traditional calendars in three different ethnic cultures. As a result of the study of the calendar's structure and its "components" (month's names and seasons) in nominative languages (Russian, English) and in ergative (Ingush language), which represent one of the levels of verbalization of concepts. Thus, it allows for a deeper analysis according to the linguistic world-picture of the native speakers. The study of the month's names origin from the descriptive side contributes to the establishment of typical national ideas and the identification of the cultures under consideration.

Keywords: the annual calendar, comparative and synchronous linguistics, temporary cycle, genetically unrelated languages, nominative, ergative, cognitive marking, presuppositive categorization, postulation and acquisition

Габибуллаева П.М., кандидат филологических наук,
Дагестанский государственный педагогический университет

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В ПРОЗЕ ДАРГИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация: художественные произведения даргинских писателей и их язык тесно связаны с историей даргинского народа, жизнь которого проходила в условиях взаимного контакта с различными народами. Влияние других языков на даргинский при таких обстоятельствах было совершенно неизбежно. Изучение языка даргинских писателей показало, что в нем представлено значительное количество заимствованных слов из восточных языков. Это говорит о том, что заимствованная лексика стала неотъемлемой частью общенародного даргинского языка. Она проникла во все области языка, в том числе и язык художественных произведений, органически срослась с исконной лексикой. Проникновение заимствований из восточных языков связан политическими, торговыми, культурными связями, а также с исламизацией народов Дагестана. Большая часть заимствований проникли письменным путем. Устного общения даргинцев с представителями восточных языков не было в силу многих причин. Фонетические, морфологические, семантические изменения, которым подверглись иноязычные слова вполне закономерны и неизбежны при приспособлении заимствованных слов к исконно даргинской лексике.

Ключевые слова: даргинский язык, заимствованная лексика, восточные языки, проза, язык писателей, арабизмы, тюркизмы, персизмы

В словарном составе современного даргинского языка обнаруживается довольно большое количество слов, заимствованных из разных языков. Проникновение такого количества иноязычных слов обусловлено политическими, торгово-экономическими, культурными контактами.

Даргинский язык испытал наибольшее влияние со стороны арабского, персидского и тюркских языков. Влияние арабского языка заключалось в том, что в даргинский язык проникло огромное количество слов, связанных с религиозной тематикой, а также наименования понятий общественно-политического характера.

Персидские слова связаны с торгово-экономическими и военными отношениями. Об этом свидетельствуют многочисленные походы иранских шахов на Дагестан.

Тюркские заимствования связаны с тесными контактами с тюркоязычными народами, азербайджанцами, кумыками, проживающих по соседству с даргинскими селами.

Все эти и другие причины послужили обогащению даргинского языка заимствованиями из восточных языков. Особенно большое количество таких заимствований наблюдается в даргинском языке периода доктябрьской революции, так как, начиная с советского периода часть из этих заимствований вытеснили заимствования из русского языка.

Очевидно, что в силу сложившихся обстоятельств язык даргинских художественных произведений впитал эти заимствования вместе с другими словами.

«Появление заимствований в даргинском языке под воздействием собственно языковых реалий. Внешними причинами могут быть торгово-экономические и культурные связи. Внутренним основанием может быть потребность самого даргинского языка, которая заключается в необходимости уточнения некоторых понятий, терминов, не представленных детально в даргинском языке, и в возникновении необходимости замены отдельных наименований, которые ранее могли передаваться описательным способом либо формулировались словосочетаниями» [3, с. 448].

Даргинские писатели и поэты включали заимствования в силу необходимости обозначения тех или иных понятий, действий, событий, происходящих в произведении.

В художественных произведениях Хабиб Алиева отмечаются значительное количество заимствованных слов из восточных языков. В большинстве своем это заимствования из арабского, тюркских и персидского языков.

Употребляются они писателем, как уже отмечалось, в силу необходимости для обозначения различных понятий.

Отметим, что такие заимствования, усвоенные даргинским языком, подвергались тем или иным фонетическим изменениям, поскольку непривычные для даргинского языка звуки указанных языков были заменены соответствующими, близкими по звучанию даргинскими. Например, в арабском слове *сабунун* «мыло» звуки «ç», «б» заменены на даргинские «с», «п» *сапун*.

В заимствованных словах наблюдаются также изменения, связанные с метатезой, оглушением, субституцией, ассимиляцией или диссимиляцией, наращиванием и выпадением звуков. Например, арабское *ḍарар* «вред» в даргинском *зарал,* арабское *лäнатун* «проклятие» в даргинском *няг1на* и др.

Фразовые примеры: *Гъаргала кьасиличибад сапун касили, Хангишини някъби дирциб.* «Взяв с полки во дворе мыло, Хангиши помыл руки» [1, с. 34].

Сунела кьисматли илдигъунти гьундурачи леркусра или, Маржан гьачамра пикрирухъунси ах1енри. «Никогда не думала Маржан, что судьба поведет ее такими путями» [4, с. 71].

Чисалра зарал х1ебиахъес или къайгънариркьусири нушала унра. «Наша соседка старалась никому не навредить» [2, с. 123].

«Иногда нельзя объяснить, почему тот или иной звук арабского языка заменяется другим звуком даргинского языка, хот подобные замены не вытекают из соответствий звуков арабского и даргинского языков» [5, с. 15].

Нехарактерная для дагестанских, в том числе и для даргинского, языков стечение согласных в заимствованных словах нарушается добавлением различных гласных звуков из арабского языка: арабское сабр – в даргинском сабур «терпение», араб. кьадр – дарг.кьадар «количество», араб. фикр – дарг.пикри «мысль», араб.накш – дарг. някьиш «узор» и т.д.

Для целого арабизмов характерно наличие звукосочетания –ат в конце слова, а также звукосочетаний *х1я, г1я* в корне слов: т1абиг1ят «природа, характер», г1ядат «обычай», х1яжат «нужда» и др.

Эти и другие слова занимают прочное место в словарном составе даргинского языка, и даргинские писатели их используют в своих произведениях довольно активно.

В тюркизмах отмечается определенная частота звуков *къ, гъ*, наличие которых свидетельствует об их иноязычном происхождении: къадагъа «запрет», къараул «сторож», къуллукъ «дело» и т.д.

Заимствования из тюркских языков в даргинском языке чаще всего отличаются с помощью характерных тюркских суффиксов –чи, -ди, а также звукосочетаний на конце слова –ихъ, -укъ, -ахъ: явлукъ «платочек», авлахъ «равнина», буйрукъ «приказ», къаралди «силуэт», бялихъчи «рыбак» и т.д.

Фонетические, морфологические, семантические изменения, которым подверглись иноязычные слова вполне закономерны и неизбежны при приспособлении заимствованных слов к исконно даргинской лексике.

Большое место в прозе даргинских писателей занимают антропонимы из восточных языков. Большую часть составляют имена арабского происхождения (Патимат, Ашура, Сакинат), многим из них характерно наличие окончаний –ат/-ят.

Из тюркских языков также заимствованы женские имена Кистаман, Кизбика, Кизхалун, мужские имена Батир, Тамерлан и др.

Из персидского языка заимствованы женские имена Зумруд, Зейнаб, мужские имена Мирза, Нариман, Залимхан и др.

Даргинские писатели активно употребляют заимствованные имена в своих произведениях. К примеру, Народный писатель Дагестана Ахмедхан Абу-Бакар в своей повести «Даргинские девушки» многократно использует такие имена, как Кистаман, Ашура, Сакинат, Насибат, Зумруд, Зейнаб, Патима. Идейно-композиционное содержание данной повести заключено на жизни и судьбе этих семи даргинских девушек.

Народный писатель Дагестана Магомед-Расул также широко использует заимствованные мужские и женские имена в своих повестях и романах. Это такие имена, как Маржан, Мадина, Амина и другие.

Известный даргинский писатель Хабиб Алиев также активно привлекает заимствованные мужские и женские имена: Аманулла, Абубакар, Мирза, Ханум, Жалил, Кади, Салам, Хазрат, Нафисат, Аминат, Мурад и др.

Заимствование персизмов происходило преимущественно устным путем, иногда через тюркские языки. Это слова, обозначающие различные понятия, связанные с военной терминологией, экономикой и торговлей.

М-С.М. Мусаев считает, что «в середине века персидский язык, на котором существовала богатая литература, был широко известен и пользовался большим авторитетом в ученых кругах Востока. Естественно, что при таких обстоятельствах этот язык не смог не оказать своего влияния на многие языки, носители которого находились в тех или иных отношениях с персами. Впоследствии влияние персидского языка на Востоке было ослаблено распространением ислама, когда арабский язык стал господствующим в духовной жизни народа» [5, с. 26].

Ряд заимствованных слов из восточных языков бытуют в даргинском языке, в том числе в языке художественных произведений только вместе с даргинскими вспомогательными глаголами: *Гьанналауб адам-*

тала гьалар х1ед далайрик1ахъес ***къадагъабирулра*** (из тюркских языков). «Отныне петь перед людьми тебе запрещаю» [2, с. 47].

Илгъуна кагъар бархьиб, амма итмадан ***пашманриуб.*** (из персидского яз.) «Отправила такое письмо, и сразу же пожалела» [1, с. 70].

Раисат ***пикрирухъун*** *ва илала гъайличи рирхаур.* (из арабского языка) «Раисат подумала и решила поверить его словам» [4, с. 101].

Даргинские писатели употребляют такие слова уже с даргинскими изменениями, происшедшими под влиянием законов орфографии даргинского языка.

Таким образом, изучение языка даргинских писателей показало, что в нем представлено значительное количество заимствованных слов из восточных языков. Это говорит о том, что заимствованная лексика стала неотъемлемой частью общенародного даргинского языка. Она проникла во все области языка, в том числе и язык художественных произведений, органически срослась с исконной лексикой. Поэтому многие заимствованные слова в даргинском языке находятся на равных правах с исконными словами и стали семантической базой для образования новых слов.

На современном этапе развития даргинского языка восточные языки не оказывают непосредственного воздействия на даргинский, но заимствования из восточных языков сохраняются в нем как живые свидетели исторического прошлого даргинского народа.

Литература

1. Алиев Х.М. Пора листопада. Москва: Советская Россия, 1989.

2. Ахмедхан Абу-Бакар. Избранное. Махачкала, 1991. Т. 1.

3. Гасанова У.У., Багандалиева Ф.Г. Методика преподавания в сельской школе заимствованной лексики даргинского языка // Педагогический журнал. М., 2016. № 6. С. 443 – 450.

4. Магомед-Расул. А судьи кто? Махачкала, 1990.

5. Мусаев М-С.М. Лексика даргинского языка. Махачкала, 1978.

References

1. Aliev H.M. Pora listopada. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1989.

2. Ahmedhan Abu-Bakar. Izbrannoe. Mahachkala, 1991. T. 1.

3. Gasanova U.U., Bagandalieva F.G. Metodika prepodavanija v sel'skoj shkole zaimstvovannoj leksiki darginskogo jazyka. Pedagogicheskij zhurnal. M., 2016. № 6. S. 443 – 450.

4. Magomed-Rasul. A sud'i kto? Mahachkala, 1990.

5. Musaev M-S.M. Leksika darginskogo jazyka. Mahachkala, 1978.

Gabibullayeva P.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Dagestan State Pedagogical University

BORROWINGS FROM ORIENTAL LANGUAGES IN THE PROSE OF DARGIN WRITERS

Abstract: the artistic works of Darginian writers and their language are closely connected with the history of the Darginian people, whose life took place in conditions of mutual contact with various peoples. The influence of other languages on Darginian under such circumstances was absolutely inevitable. The study of the language of Dargin writers showed that it contains a significant number of borrowed words from Eastern languages. This suggests that the borrowed vocabulary has become an integral part of the national Dargin language. It has penetrated into all areas of the language, including the language of works of art, organically fused with the original vocabulary. The penetration of borrowings from Eastern languages is connected with political, commercial, cultural ties, as well as with the Islamization of the peoples of Dagestan. Most of the borrowings penetrated by writing. There was no oral communication between Dargins and representatives of Oriental languages for many reasons. Phonetic, morphological, semantic changes that foreign words have undergone are quite natural and inevitable when adapting borrowed words to the native Darginian vocabulary.

Keywords: Dargin language, borrowed vocabulary, Oriental languages, prose, the language of writers, Arabisms, Turkisms, Persiisms

Никитина Т.Г., доктор филологических наук, профессор,
Псковский государственный университет

ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В СЛОВАРЯХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Аннотация: в статье рассматривается проблема терминологической дифференциации и соответствующей лексикографической квалификации пословиц и поговорок. Исследование выполнено на материале русских народных говоров, разработанных в диалектных словарях. Привлекаются и материалы записанные непосредственно автором и студентами Псковского государственного университета в ходе диалектологических экспедиций по Псковской области. Представлены результаты анализа диалектных словарей, свидетельствующие о непоследовательной квалификации языковых единиц как пословиц или поговорок. Спорные случаи иллюстрируются фрагментами словарных статей. Показаны причины такой непоследовательности: в лингвистике на данный момент нет единого терминологического определения пословиц и поговорок. В подтверждение приводятся основные точки зрения фразеологов по данному вопросу. В качестве основного критерия разграничения данных языковых единиц при описании их в словаре предлагается основываться на прагматической функции пословиц: они обладают назидательным смыслом и используются в речи с целью предупредить, предостеречь, посоветовать, потребовать что-л. или похвалить, выразить одобрение в чей-л. адрес. Приводятся записи диалектной речи, на основе которых делаются выводы о коммуникативно-прагматической направленности пословиц. Материалы исследования могут использоваться при разработке диалектных словарей, а также в практике преподавания диалектологии и фразеологии в вузе.

Ключевые слова: диалектология, фразеология, паремиология, пословица, поговорка, коммуникативно-прагматическая функция пословицы, диалектный словарь

Проблема разграничения пословиц и поговорок по-прежнему не решена однозначно в отечественной паремиологии и фразеологии, что отражается и в лексикографическом описании этого языкового материала: при формировании словника и терминологической параметризации устойчивых сочетаний. Особые сложности при этом возникают при лексикографировании диалектного материала в силу особенностей народной речи, записи которой иллюстрируют употребление пословиц и поговорок.

При широком понимании фразеологии проблема формирования словника решается просто: в качестве фразеологического материала рассматриваются все несвободные сочетания слов: неразложимые идиомы, лексически ограниченные и терминологические сочетания слов, пословицы и поговорки, как, например, в “Материалах для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья” К.Н. Прокошевой [1]. Поскольку автор не определяет критерии их разграничения, то и в словарных статьях они не всегда квалифицируются последовательно, например, глагольные обороты, характеризующие человека: *в лапотцы обувается, как пузырь надувается* /поговорка/ [1, с. 53] – *прошла все дорожки и лужка и крутые бережка* /пословица/ [1, с. 82]. Если отнесение первого выражения к поговоркам соответствует одной из точек зрения на этот разряд языковых единиц, то второй оборот не подходит ни одно под существующее определение пословицы. Также вызывает сомнения и отнесение к пословицам формул речевого этикета: *сто лет жить и двести*

не стареть /пожелание благополучия/ [1, с. 38]; фразеологизмов со структурой предложения: *твое (его, их) счастье под корень положено* /о несчастном человеке/ [1, с. 98]; фразеологизмов со структурой словосочетания: *моты мотать, дни коротать* /проводить время/ (ср. в контексте: *А чем мы занимаемся? Моты мотам, дни коротам* [1, с. 60].

Проблему терминологической параметризации фразеологического материала как пословиц или поговорок не удалось однозначно решить ни и А.И. Федорову [2], также неоднозначно квалифицирующему сходные по синтаксической структуре во “Фразеологическом словаре русских говоров Сибири”: *сова не родит сокола, а такого же черта, как сама* /поговорка/ [2, с. 185] – *свинья не принесет бобрёнка, а поросенка* /пословица/ [2, с. 174]; *чай пить – не дрова рубить* /поговорка/ [2, с. 137] – *сор ложить – не топором рубить* /пословица/ [2, с. 107]; *век прожить – не поле перепахать* /поговорка/ [2, с. 154] – *жизнь начать – не в поле въехать* /пословица/ [2, с. 120].

В “Словаре фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири” [3] многие пословицы и поговорки вообще остаются без паремиологической квалификации и получают лишь толкование или ситуативную характеристику: *Бог вымочил, Бог и высушит* – так говорят, промокнув на дожде [3, с. 26]. *Дальше положишь – ближе возьмешь* – рекомендация лучше прятать что-н., если приходится прятать [3, с. 59]. *Слово не стрела, да хуже стрелы* – словами можно сглазить [3, с. 171].

Не удивительно, что при отсутствии единства в понимании поговорки и принципов ее отграничения от пословицы в отечественной паремиологии наблюдаются расхождения в квалификации одних и тех же единиц авторами диалектных фразеологических словарей. Ср. у К.Н. Прокошевой: *ранняя птичка носок прочищат, а поздая крылышки расправлят* /пословица/ [1, с. 83] – у А.И. Федорова *ранняя птичка клювик дерёт, а поздняя – глазки* /поговорка/ [2, с. 158]. У К.Н. Прокошевой: *в копнах не сено, в долгах не деньги* /пословица/ [1, с. 90] – в “Словаре фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири”: *в копнах не сено, в долгах не деньги, в горстях не хлеб* /поговорка/ [3, с. 39].

Составители общих диалектных словарей (как полного типа, так и дифференциальных) не ставят своей задачей исчерпывающее описание паремий как особых языковых единиц. Во вступительных статьях к дифференциальным словарям, как правило, отсутствует упоминание о пословицах и поговорках как объекте описания, понимание авторами фразеологизма (узкое или широкое) также не раскрывается, но обусловливает отбор материала. В первом случае – при трактовке фразеологии в русле идиоматики – пословицы автоматически остаются за пределами словника. При широком понимании фразеологии пословицы и поговорки размещаются под графическими значками, закрепленными за фразеологизмами без всякой дополнительной паремиологической квалификации. В тех источниках, где все же используется помета *(посл.)*, ее употребление эпизодично и крайне непоследовательно, хотя в ряде случаев, где с паремиологической квалификацией материала уже справилось народное языковое сознание, записи диалектной речи восполняют параметрический пробел: ЛЕЖАТЬ 6. ... *Кому на ком жениться, тот в того родится - правильно лежит пословица.* Ворон. [4, с. 329].

Словари полного типа, отличающиеся более детализированной параметризацией и тщательностью разработки материала четко определяют свою позицию в вопросе о соотношении фразеологии и паремиоло-

гии. Так, в “Псковском областном словаре с историческими данными”, где последовательно реализуется лексикографическая и фразеологическая концепция Б.А. Ларина, пословицы и поговорки как отдельные словарные единицы не разрабатываются, но, используясь в качестве иллюстративных контекстов, сопровождаются паремиологической характеристикой *[Посл.]* или *[Поговорка]*, правда, далеко не всегда. Напр., без соответствующих помет остаются такие обороты, как *жизнь прожить – не мех сшить* в словарной статье *ЖИЗНЬ* [5, с. 235], *как волка не береги, а он все в лес глядит* (статья *ВОЛК*) [6, с. 110], *что деревня, то вера, что изба, то стряпня* (статья *ДЕРЕВНЯ*) [7, с. 36], *в лесу дрова рубят, домой щепки летят* (статья *ДРОВА*) [7, с. 210], *дружно не грузно, а врозь, так брось* (статья *ДРУЖНО*) [5, с. 18] и др. Квалификация паремии как пословицы или поговорки здесь тоже не всегда основывается на каких-то единых принципах, так, к пословицам здесь отнесены такие обороты, как *грузно, да на свое гузно* [8, с. 76], а к поговоркам – *бес беса и по лапе узнает* [9, с. 185].

В современном языкознании получили распространение две концепции разграничения пословиц и поговорок. По мнению В.М. Мокиенко, термин «поговорка» следует применять ко всем идиомам, т.е. фразеологическим единицам в узком смысле слова – относительно устойчивым, воспроизводимым, экспрессивным сочетаниям лексем, обладающим, как правило, целостным значением [10, с. 4]. Таким образом, противопоставление пословиц и поговорок сводится к противопоставлению пословиц и фразеологизмов (идиом).

При признании трехчленной оппозиции (*пословица – поговорка – фразеологизм*) в основе разграничения пословиц и поговорок лежат структурно-синтаксические и логико-семантические критерии. Если пословица однозначно определяется всеми как устойчивая неоднословная языковая единица со структурой и функцией предложения (*яйца курицу не учат)*, то поговоркой, вслед за В.И. Далем, считается словосочетание или *незамкнутое* предложение [11, с. 16]: (денег) *куры не клюют* (у кого). Однако большинством фразеологов такие обороты квалифицируются как фразеологизмы-идиомы, единицы не событийной, а элементной номинации (ср. *денег куры не клюют* – ‘много’). Наиболее часто в диалектной лексикографии реализуется именно эта точка зрения, а подобные единицы не сопровождаются пометами *посл.* или *погов*.

Некоторые паремиологи относят к поговоркам лишенные иносказательности выражения, представляющие собой самостоятельные предложения: *любовь слепа; хорошо то, что хорошо кончается* [12, с. 145].

В коммуникативно-прагматическом плане пословицы противопоставляются поговоркам по наличию у них поучительной функции – назидательного смысла, воспитательного значения. Пословицы, как справедливо отмечает З.К. Тарланов [13, с. 128] не столько несут конкретную информацию о конкретных ситуациях, событиях, явлениях жизни и природы, сколько напоминают о них исключительно с назидательной целью.

При таком подходе к поговоркам могут быть отнесены не “отягощенные” назиданием, прибаутки, присловия и другие паремии, которые в народной речи служат для выражения экспрессии, зачастую выполняя чисто смеховую функцию в определенной ситуации: *Валяй, кургузка: недалеко до Курска: семь верст проехали, семьсот осталось* [4, с. 116]; *медный ковш упал на дно - и обидно, и досадно, ну да ладно, всё равно.* Пск. (Запись 2005 г.). К разряду поговорок могут быть отнесены и шутливо-иронические формулы речевого этикета типа *пьяные будем – под крыльцом увидимся* /говорится при прощании/. Пск. (Запись 2002 г.), *ешь – потей, работай – мерзни* /говорится при угощении/. Пск. (Запись 2016 г.).

Следует разграничить также фразеологические единицы событийной номинации типа (*нашла коса на камень, лед тронулся*) и поговорки, близкие к ним по функции (отображение положения дел на определенном участке окружающей действительности и лишенные назидательности), но отличающиеся особой ритмической организацией, свойственной в большей степени паремиям, чем фразеологизмам: *Бабаш камлоха живет неплохо.* Пск. [9, с. 80], *не сегодня Илья, справлюсь и я.* Пск. (Запись 2017 г.).

В переходной зоне между пословицами и поговорками окажутся характеризующие суждения двух типов. К поговоркам близки выражения *орехи – девичьи потехи; блины (блинки) да кокоры (кокорки) – [всё] хлебу подпорки*. Пск. [14, с. 43] и т.п., то есть обороты, которые обобщают бытовые наблюдения человека, не ставя прагматических задач: предостеречь, дать совет, рекомендацию, что явно просматривается в единицах второго типа, которые, на наш взгляд, стоит отнести к пословицам именно в силу этой прагматической ориентации. Предупредить, предостеречь – цель таких выражений, как *болото не без беса*. Пск. [14, с. 89], *как волка не береги, а он все в лес глядит* [6, с. 110]*;* успокоить, обнадежить – *Бог дунет – и всё будет* [14, с. 60], *не поешь горького, не поешь и сладкого*. Пск. (Запись 2020 г.).

Еще более очевидна прагматическая направленность оборотов типа *под лежачий камень вода не течет*, пословичная принадлежность которых ни у кого не должна вызывать сомнений. Спектр прагматического диапазона таких выражений – от совета до приказа и запрета, которые, несмотря на отсутствие императивных глагольных форм и лексических показателей волеизъявления, легко читаются носителем русского этноязыкового сознания: *Долго спишь - долг наспишь*. Пск. (7, с. 128) – ‘не ленись, а работай’; *Чужое не греет.* Пск. (8, с. 18) – ‘не следует брать чужого’; *С лица не воду пить.* Пск. (Запись 2018 г.) – ‘не обращай внимание на внешность человека, не в красоте дело’.

О пословицах-императивах, образующих свод правил и инструкций почти на все случаи жизни, написано немало. Приведем лишь несколько таких единиц, записанных на Псковщине в ходе диалектологических экспедиций (2015-2020 г.) и затрагивающих наиболее важные для человека сферы его жизни: крестьянский труд, хозяйство – *сей в грязь, будешь князь*; *до святого Николы не сей гречки, не паси овечки*; *не гони коня кнутом, гони овсом;* выбор супруги – *гляди не богатую, а гляди тороватую*; отношения между людьми, поведение в коллективе, в обществе – *не подбивай клинки под чужие тынки; не копай другому яму – упадешь; по одежке протягивай ножки*.

Особую группу пословиц составляют обороты (фиксации этих же лет в Псковской области), отражающие взаимоотношения человека и природы. Они оставляют своеобразный “календарь земледельца”, дают рекомендации по всему годовому и дневному циклу сельскохозяйственных работ (*май – коню сено дай, сам на печь полезай*; *роса долой – коса – домой* или же просто передают прагматический взгляд на окружающий мир крестьянина-земледельца, чем и определяется их отнесение к разряду пословиц: *вода разольется – сено наберется*; *Ивановские дожди лучше золотой поры; снег глубок – год хорош*.

Так коммуникативно-прагматический анализ диалектного паремиологического материала позволяет дать его точную квалификацию, которая необходима для последующей разработки оптимальной системы словарной параметризации каждого из видов паремий.

Литература

1. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К.Н. Прокошева. Пермь: Пермский государственный педагогический институт, 1972. 114 с.

2. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Отв. ред. А.И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.

3. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Под ред. Ф.П. Филина. Новосибирск: Наука, 1972. 207 с.

4. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Т. XVI. Л.: Наука, 1980. 376 с.

5. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. X. СПб.: СПбГУ, 1994. 296 с.

6. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. IV. Л.: ЛГУ, 1979. 184 с.

7. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. IX. СПб.: СпбГУ, 1994. 216 с.

8. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. VIII. Л.: ЛГУ, 1990. 184 с.

9. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. I. Л.: ЛГУ, 1967. 200 с.

10. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. Л.: Наука, 1980. 286 с.

11. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 235 с.

12. Черданцева Т.З. Язык и его образы. М.: Междунар. Отн., 1977. 167 с.

13. Тарланов З.К. Очерки по синтаксису русских пословиц. Л.: ЛГУ, 1982. 134 с.

14. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. II. Л.: ЛГУ, 1973. 248 с.

References

1. Materialy dlja frazeologicheskogo slovarja govorov Severnogo Prikam'ja. Sost. K.N. Prokosheva. Perm': Permskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1972. 114 s.

2. Frazeologicheskij slovar' russkih govorov Sibiri. Otv. red. A.I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka, 1983. 232 с.

3. Slovar' frazeologizmov i inyh ustojchivyh slovosochetanij russkih govorov Sibiri. Sost. N.T. Buhareva, A.I. Fedorov. Pod red. F.P. Filina. Novosibirsk: Nauka, 1972. 207 с.

4. Slovar' russkih narodnyh govorov. Gl. red. F.P. Filin. T. XVI. L.: Nauka, 1980. 376 s.

5. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. X. SPb.: SPbGU, 1994. 296 s.

6. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. IV. L.: LGU, 1979. 184 s.

7. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. IX. SPb.: SpbGU, 1994. 216 s.

8. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. VIII. L.: LGU, 1990. 184 s.

9. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. I. L.: LGU, 1967. 200 s.

10. Mokienko V.M. Slavjanskaja frazeologija. L.: Nauka, 1980. 286 s.

11. Permjakov G.L. Osnovy strukturnoj paremiologii. M.: Nauka, 1988. 235 s.

12. Cherdanceva T.Z. Jazyk i ego obrazy. M.: Mezhdunar. Otn., 1977. 167 s.

13. Tarlanov Z.K. Ocherki po sintaksisu russkih poslovic. L.: LGU, 1982. 134 s.

14. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. II. L.: LGU, 1973. 248 s.

Nikitina T.G., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Pskov State University

PARAMETRIC DIFFERENTIATION PROVERBS AND SAYINGS IN DICTIONARIES OF FOLK DIALECTS

Abstract: the article deals with the problem of terminological differentiation and the corresponding lexicographic qualification of proverbs and sayings. The study was carried out on the material of Russian folk dialects developed in dialect dictionaries. Materials recorded directly by the author and students of Pskov State University during dialectological expeditions in the Pskov region are also involved. The results of the analysis of dialect dictionaries are presented, indicating the inconsistent qualification of language units as proverbs or sayings. Controversial cases are illustrated by fragments of dictionary entries. The reasons for this inconsistency are shown: there is currently no single terminological definition of proverbs and sayings in linguistics. In confirmation, the main points of view of phraseologists on this issue are given. As the main criterion for distinguishing these language units when describing them in the dictionary, it is proposed to be based on the pragmatic function of proverbs: they have an edifying meaning and are used in speech in order to warn, advise, demand something or to praise, to express approval to someone's address. Records of dialect speech are given, on the basis of which conclusions are drawn about the communicative and pragmatic orientation of proverbs. The research materials can be used in the development of dialect dictionaries, as well as in the practice of teaching dialectology and phraseology at the university.

Keywords: dialectology, phraseology, paremiology, proverb, saying, communicative and pragmatic function of the proverb, dialect dictionary

Ахметбекова А.М., PhD, ассоциированный профессор,
Торайгыров университет, Республика Казахстан,
Ныгметова Б.Д., кандидат филологических наук, ассоциированный профессор,
Оспанова Ж.З., преподаватель-эксперт,
Павлодарский педагогический университет, Республика Казахстан

«ВОЙНА» КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЗАЦИИ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация: в последние годы назрела необходимость взглянуть на язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека. Исследуя источники метеорологической метафоры на материале русского и немецкого языков, мы нашли подтверждение общепризнанному факту о том, что в современном языке журналистов/комментаторов большое значение имеют антагонистические источники метафор, прежде всего, военного характера. Сегодня в разных уголках мира в одно и то же время ведутся военные действия. Данный военный опыт находит свое отражение в метафорах, становясь достоверным средством познания окружающего мира.

Результаты проведенного исследования показывают, что частотность употребления милитарной метафоры в метеорологической лексике в русском и немецком языках почти одинаковая, но обусловлена определенными когнитивными особенностями использования в речи. Концептуальный анализ метеорологических метафор позволяет определить их важность как языкового явления. Метеорологический дискурс формирует для говорящего на данном языке картину мира. Авторы приходят к выводу о том, что лингвистические особенности метеорологической метафоры основаны на национально-специфических особенностях той или иной культуры, тем самым подтверждая их культурную ценность.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метеорологическая метафора, концепт, метафорическая модель

В когнитивной лингвистике внимание исследователей направлено на «выявление роли языка как условия и орудия познания» [1, с. 12]. Любой язык, служащий для обозначения предметов окружающего мира, формирует для говорящего на нем картину мира. Известно, что при получении новой информации человек сопоставляет ее с уже имеющейся в его сознании, при этом образуя новые смыслы. Следуя В.А. Масловой, «процессы, связанные со знанием и информацией, называются **когнитивными**, или **когниция** [1, с. 6]. Когниция охватывает знание и мышление, находящие свое отражение в языковых формах, следовательно, когниция напрямую связана с лингвистикой.

Средствами оперирования в когнитивной лингвистике являются оперативные единицы памяти, среди которых особое место занимают концепты, представляющие совокупность всех смыслов, схваченных словом [1, с. 10]. Отсюда следует, что когнитивная лингвистика направлена на моделирование картины мира как способа фиксации определенных представлений об окружающем мире.

Исходя из вышеизложенного, мы рассматриваем процесс метафоризации как способ познания и объяснения окружающего мира, связанный с процессом отражения и обозначения *новой* информации через *старую*.

Разные концепты одной концептуальной системы могут называться одним и тем же словесным выражением, что говорит о неоднозначности языкового выражения. Говорят, что *человек идет, идет дождь, идет снег; человек стоит, стоит погода, стоит жара.* Однако все языковые выражения соотносятся с определенными концептами.

На примере концептуальной метафоры *погода – это война*, мы покажем, что, говоря о погоде, мы структурируем ее в милитарных метафорах. При детальном исследовании метафорической модели *погода – это война* выделяются следующие фреймы:

1. Фрейм «Боевые действия».
2. Фрейм «Виды оружия».
3. Фрейм «Организация боевой службы».

1. Фрейм «Боевые действия».

Метафоры данной группы употребляются для описания погоды при интенсивно развивающихся метеорологических условиях. Например: *Северное Приморье устало от* ***снежных баталий*** *за прошедшую неделю (ТК НТВ, Новости, 27.02.2020).* В данном сообщении выражение «снежные баталии» указывают на напряженность метеорологической ситуации, где противостояние является ключевым моментом национального сознания.

Для обозначения специальных боевых действий часто используются следующие языковые единицы: *штурм, атака, захват, наступление, оборона, оккупация, позиция* и т.д. Например: *Снежные массы повели плановое* ***наступление*** *на юго-запад. Здесь в ближайшие дни ожидается обильное выпадение осадков (ТК НТВ, Прогноз погоды, 24.01.2020).*

Война – это страшное событие в жизни человека, в русском сознании мыслится как *горе, беда, несчастье,* ломающие привычный ход жизни: ***Нашествие*** *урагана «Феликс» разрушило привычный образ жизни местных жителей (ТК НТВ, Прогноз погоды, 6.09.2021).* Или: *На Никарагуа* ***обрушился*** *ураган «Феликс». Он несет с собой холодный циклон. Циклон* ***ломает*** *деревья,* ***обрывает*** *провода (ТК НТВ, Прогноз погоды, 6.09.2021).*

Во время боевых действий противники *сражаются, оккупируют, берут в плен, терпят поражение, капитулируют* и *сдаются.* Здесь примечательны следующие метафорические сдвиги: *Дождь* ***захватил*** *все регионы Казахстана (ТК Хабар, Прогноз погоды, 4.07.2021). В Заполярье* ***развернулись основные действия***, ***атакуется*** *застрявший здесь циклон (ТК НТВ, Прогноз погоды, 30.06.2020). Холодный циклон* ***оккупировал*** *северные районы Забайкалья (ТК РТР Планета, Прогноз погоды, 27.08.2020). Дождь* ***перешел в атаку*** *(ТК НТВ, Прогноз погоды, 22.08.2020). Холодные воздушные массы* ***решили поддержать атаку*** *снегопада на западе России (ТК НТВ, 26.01.2021). В западные регионы России интенсивно* ***вторгаются*** *массы холодного воздуха из Арктики (ТК НТВ, Прогноз погоды, 18.11.2020). Der Schneefall* ***kapitulierte*** *schon am zweiten Tag (ZDF, Tagesschau, 8.09.2021).* – Снегопад капитулировал уже на второй день. *В* ***снеж-***

ном плену *оказались все машины, движущиеся по направлению Павлодар – Караганда ТК Хабар, Новости, 25.01.2021). Und im Westen* ***kämpfen sich*** *kalte und warme Luftmassen gegen einander. Was wir daraus bekommen, sehen wir schon morgen (ZDF, Wetterbericht, 2.05.2020). – А на западе* ***идет борьба*** *между теплыми и холодными воздушными массами. Уже завтра мы можем видеть ее результаты.*

Стабильное состояние погоды в ближайшее время подтверждается использованием следующих милитарных метафор: *На севере страны сохраняется* ***военное положение****. Снегопад продолжает свое* ***командование*** *(ТК НТВ, 20.03.2021). Снегопад и метель* ***не сдают своих позиций*** *(ТК Ирбис, Прогноз погоды 1.03.2021). Дождь* ***укрепил*** *свои* ***позиции*** *(ТК Россия, Прогноз погоды, 14.05.2020).* В данных сообщениях слушающий информируется о продолжении установившейся ранее погоды.

2. Фрейм «Виды оружия».

Как известно, некоторые виды оружия могут выступать как наиболее типичные для того или иного этноса. В современном немецком языке содержится большое количество метафор, отражающих различные этапы развития военного дела в Германии в течении многих столетий.

До изобретения пороха и огнестрельного оружия в Европе, как и везде, было распространено колющее и рубящее оружие. Древнейшим его видом является меч (Schwert). Он символизировал у многих народов власть, справедливость и карающее правосудие. В то же время он является символом войны [2, с. 144]. Отсюда и частое отражение функций меча в метафорических наименованиях: *Gestern hat der Schneefall in Bayern das Schwert mit beiden Händen gefassen [ZDF, Tagesschau, 8.02.2021].* – Снегопад в Баварии вчера усилился.

Выражение «*das Schwert mit beiden Händen fassen»* означает «собираться с силами; решительно взяться за что-либо» с внутренней формой «взяться двумя руками за меч», которая напоминает нам о существовании двуручных мечей (поднимаемых двумя руками).

Der Schneefall im Süden Deutschlands ließ die Munizipalität zum Schwert greifen. Hunderte von extra ausgerüsteten Autos wurden eingesetzt. – Снегопад на юге Германии заставил муниципалитет взяться за меч. Сотни оборудованной спецтехники были брошены для очистки снежных заторов.

Клинок меча мог быть острым с двух концов, что послужило основой для метафорического переноса: *etwas ist ein zweischneidiges Schwert – меч о двух концах,* который постепенно приобрел значение: *что-либо имеет свои «за» и «против»*. Использование данной метафоры мы наблюдаем в следующем примере: *Regnerisches Wetter schon zweite Woche ist ein zweischneidiges Schwert. Guter Kohl, schlechtes Heu. (ZDF,3.06.2021) – Дождливая погода уже вторую неделю в центре Германии – это палка о двух концах. Для хорошего урожая капусты нужны дожди, но в то же время частые дожди пагубны для заготовки сена.*

Самым древним видом колющего оружия был кинжал (Dolch), из которого и развился в дальнейшем меч. Кинжал применялся с конца XIII века как боевое оружие и одновременно как коварное орудие убийства из-за угла, что отражается в следующих высказываниях: *jemandem einen Dolchstoß versetzen – поразить кого-либо в самое сердце, нанести коварный удар; или – er spricht Dolche – он мечет громы и молнии* [3].

В метеосообщениях мы встречаем их в следующем виде: *Das Wetter hat den Touristen in Alpen einen Dolschtoß versetzt. Infolge des Schneefalls ist das Bergsteigen verboten. (ZDF,25.11.2020) – Погода нанесла коварный удар туристам в Альпах. Из-за снегопада запрещено подниматься в горы.*

Schon dritten Tag spricht das mecklenburgische Wetter Dolche. Es gibt Schauer und starken Wind. – Уже третий день погода в Мекленбурге мечет громы и молнии. Идут ливни и не прекращается сильный ветер.

Порох был изобретен до появления огнестрельного оружия. Метафорический перенос с компонентом «порох» мы встретили в такой экспликации: *Wahrscheinlich hat der starke Zyklon im Norden sein Pulver verschossen. – Вероятно, сильный циклон на севере наконец-то исчерпал себя.* При этом *sein Pulver verschossen haben (букв. расстрелять свой порох)* имеет значение в современном немецком языке «истощить запас своих аргументов, истощить все свои аргументы» [3].

Война ассоциируется в русском сознании с *пулеметными залпами, выстрелами, ударами* орудий. Вот и в нижеприведенных метеосообщениях мы наблюдаем следующие метафорические переносы: *Во Франции* ***ударили*** *морозы (ТК ОРТ, Новости, 20.03.2020). Грозовые* ***залпы*** *будут слышны завтра на юго-востоке (ТК НТВ, Новости, 4.05.2020). Зима использует свои последние* ***патроны,*** *не желая уступать весне. (ТК НТВ, Новости,7.03.2021).*

3. Фрейм «Организация боевых действий».

Любая группа людей, занятая в совместной деятельности, обозначается в военной лексике как *армия, команда* и др. Семантический перенос мы наблюдаем в процессе метафоризации метеорологической лексики: *Снег и порывистый ветер, объединившись в* ***команду****, сформировали снежные метели (ТК НТВ, Прогноз погоды, 27.01.2021),* где слушающий информируется о причинах возникновения новой метеоситуации.

Любая организация должна иметь главный пункт, *штаб.* Например: *По-видимому, снежные метели решили обосновать свой* ***штаб*** *на западе страны (ТК НТВ, Прогноз погоды, 18.02.2021)*. Здесь слушающий предупреждается синоптиками о том, что неблагоприятные метеоусловия особенно интенсивно развиваютс в определенном регионе.

Война ведется на разных *фронтах*, которые *передвигаются, перемещаются.* Поэтому интерес представляют следующие метафорические сдвиги: *Холодный воздушный* ***фронт переместился*** *на север (ТК НТВ, Прогноз погоды, 18.04.2020).* Или: ***Фронт*** *пониженного атмосферного давления зафиксирован на юго-западе страны. (ТК Россия, Прогноз погоды, 4.05.2020).*

В любой войне существует ***тыл****,* где люди также переживают огромные лишения в ожидании вестей с фронта. В следующем метеосообщении мы наблюдаем метафорический перенос данного слова: *В Красноярске, в* ***тылу*** *холодного воздушного* ***фронта,*** *сегодня пасмурно (ТК Россия, Прогноз погоды, 5.05.2020).*

Каждый участник войны имеет свое предназначение – *оборонять, защищать, в запасе* и т.д. Например: *Пришедший в центр России циклон, просидев* ***в запасе,*** *теперь решил проявить себя. (ТК Россия, Прогноз погоды, 12.04.2021).* В данном сообщении слушающий информируется о дальнейших изменениях погодных условий.

Итак, война вызывает у русских и немецких народов разную гамму чувств, которая носит, скорее, отрицательный характер. Концепт войны связан со временем, полным неопределенности, навевающим тревогу.

Война ассоциируется со службой в армии, различными боевыми действиями. Вспоминают не только о фронте, но и о буднях тыловиков. Следовательно, разнообразные интерпретации войны подтверждают наше мнение о том, что «война» – важный концепт русской и немецкой культуры. Мы предполагаем прямую связь данного факта с полученным «по наследству» военным менталитетом, присущим ранее обществу советского периода: вторая мировая война стала всенародным потрясением как для русских, так и для немцев.

Из проведенного анализа следует, что частотность употребления милитарной метафоры в метеорологической лексике в русском и немецком языках почти одинаковая. Однако в немецком языке фрейм «Виды оружия» отражен более ярко, чем в русском.

Концептуальный анализ метеорологических метафор позволяет определить их релевантность как неизбежного явления мышления и языка. Мы подтверждаем результаты исследований о том, что метеорологическая метафора отражает культурные ценности, так как основана на национально-специфических особенностях той или иной культуры [5, 6].

Тем самым напрашивается вывод, что метафора предлагает говорящему на данном языке специфическое видение мира, где метафорические обозначения придают яркость концептуальной картине мира в соответствии с национально-культурными традициями.

Литература

1. Маслова В.М. Когнитивная лингвистика: учебное пособие 3 изд., перераб. и доп. Мн.: Тетра Системс, 2008. 272 с.

2. Duden K. Redewendungen und sprichwortliche Redensarten. Band 11. Leipzig, 1998.

3. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975.

4. Nygmetova B., Mullagayanova G., Alimova S. Cognitive peculiarities of meteorological metaphor in Russian and German languages (based on material of weather forecasts) // World Applied Sciences Journal. 2013. № 27 (13 A). P. 216 – 220 // Онлайн на: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56027358500

5. Ныгметова Б.Д. Метафора лингвистикалық құбылыс ретінде. Кокшетау // Вестник КГУ им. Ш. Уалиханова. 2018. № 3. С. 97 – 105.

References

1. Maslova V.M. Kognitivnaja lingvistika: uchebnoe posobie 3 izd., pererab. i dop. Mn.: Tetra Sistems, 2008. 272 s.

2. Duden K. Redewendungen und sprichwortliche Redensarten. Band 11. Leipzig, 1998.

3. Binovich L.Je., Grishin N.N. Nemecko-russkij frazeologicheskij slovar'. M., 1975.

4. Nygmetova B., Mullagayanova G., Alimova S. Cognitive peculiarities of meteorological metaphor in Russian and German languages (based on material of weather forecasts). World Applied Sciences Journal. 2013. № 27 (13 A). P. 216 – 220. Onlajn na: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56027358500

5. Nygmetova B.D. Metafora lingvistikalyқ құbylys retinde. Kokshetau. Vestnik KGU im. Sh. Ualihanova. 2018. № 3. S. 97 – 105.

Akhmetbekova A.M., Ph.D., Associate Professor,
Toraighyrov University, Republic of Kazakhstan,
Nygmetova B.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Ospanova Zh.Z., Lecturer-Expert,
Pavlodar Pedagogical University Republic of Kazakhstan,

«WAR» AS THE SOURCE OF A METAPHOR PROCESS IN THE METEOROLOGY GLOSSARY

Abstract: in recent years there has been a need to look at language from the point of view of its participation in human cognitive activity. Exploring the sources of the meteorological metaphor on the material of the Russian and German languages, we found confirmation of the generally recognized fact that antagonistic sources of metaphors, primarily of a military nature, are of great importance in the modern language of journalists/commentators. Today, in different parts of the world, military operations are being conducted at the same time. This military experience is reflected in metaphors, becoming a reliable means of understanding the surrounding world.

The results of the study show that the frequency of using military metaphor in meteorological vocabulary in Russian and German is almost the same, but have cognitive features of use in speech. The conceptual analysis of meteorological metaphors makes it possible to determine their importance as a linguistic phenomenon. Meteorological discourse forms a picture of the world for the speaker of this language. The authors come to the conclusion that the linguistic features of the meteorological metaphor are based on the national-specific features of a particular culture.

Keywords: cognitive linguistics, meteorological metaphor, concept, metaphorical model

Горшунов Ю.В., доктор филологических наук, профессор,
Бирский филиал Башкирского государственного университета

БЫТОВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ОДЕЖДЫ И АКСЕССУАРОВ

Аннотация: в статье ставится цель дать лингвистическое и социокультурное описание типичным бытовым сокращениям английского языка, относящихся к сектору «одежда и аксессуары». Данный сектор сокращений еще не входил в исследовательское поле специалистов-аббревиологов. В фокусе внимания находятся сокращенные названия одежды (включая названия обуви и сопутствующих аксессуаров и атрибутов), систематизированные и расклассифицированные по различным основаниям, и снабженные, по возможности, социокультурной и лингвистической характеристикой. Лингвистическая характеристика сводится к выяснению способа образования сокращения и классификации в соответствии с основными разрядами сокращений (усечения, суффигированные сокращения, сложносокращенные слова, аббревиатуры, включая акронимы) и описанию смежного явления псевдосокращения, когда буква употреблена в качестве символа, указывающего на сходство по форме. По способу образования анализируемые сокращения представлены главным образом усечениями и сокращенно-производными образованиями, оформленными суффиксом -ie, и в меньшей степени аббревиатурами. Наиболее многочисленна группа сокращений, называющих нижнее белье, причем более половины из них – предметы женской и детской одежды. Сокращения, обозначающие детское и женское белье, характерны для речи женщин. Примеры бытовых сокращений для анализа извлечены из словарей сокращений, словарей сленга и лингвострановедческих словарей и англоязычной художественной литературы

Ключевые слова: аббревиация, аббревиатура, акроним, усечение, бытовое сокращение, креолизованное сокращение, СМС-сокращение, псевдосокращение, суффигированное сокращение, одежда и аксессуары

В начале третьего десятилетия XXI века лингвисты, изучающие аббревиацию, и люди, не имеющие к ней отношения, отчетливо осознают непреходящую, если не растущую, значимость сокращений в нашей жизни, невольно отмечая активность аббревиации в новых сферах деятельности человека, прежде всего, компьютерной. Запрос в Интернете по современным популярным сокращениям английского языка выдает в большинстве случаев информацию о сокращениях, ставших популярными в Интернет-сленге – СМС-сокращениях, которые представляют собой редуцированные до инициалов фразы и предложения типа ***DIAFYO ← did I ask for your opinion; GMAB ← give me a break; BRB ← be right back*. *FYI ← for your information; lol ← laughing out loud; ROFL ← rolling on the floor laughing; IMHO ← in my humble opinion; CUL ← see you later.*** Стали модными так называемые креолизованные сокращения, представляющие собой гибридные графические комплексы, составленные из затейливого сочетания букв и цифр, предлогов, частиц и под.: ***G2G = got to go; BBL8R = be back later; CUL8R = see you later; b4u = before you; u1 = you won; YU? = why you?*** и др.

Использование подобных сокращений оправдано прежде всего значительной экономией времени, затрачиваемого на набор текста. Помимо сугубо утилитарных целей значима роль психологических факторов, которые дают коммуникантам возможность придать высказыванию налет игривости и шутки и тем самым снизить серьёзность послания.

Интерес, проявляемый к СМС-сокращениям и креолизованным сокращениям понятен и закономерен, но он принял, по нашему мнению, гиперболизированную форму, в результате чего на периферии исследовательских интересов оказались не менее важные для существования современного человека привычные бытовые сокращения типа хорошо известных ***bike* ← *bicycle***, ***fridge* ← *refrigerator***, ***telly* ← *television set***, ***hanky* ← *handkerchief, mac* ← *mackintosh***, ***nightie* ← *nightdress***, ***frank* ← *frankfurter***, ***Coke* ← *Coca-Cola***, ***marge* ← *margarine***, ***caff* ← *cafe, resto* ← *restaurant, gym* ← *gymnasium, Uni* ← *University*** и мн. др. Они играют существенную роль при неформальном общении и обсуждении бытовых тем, так как обозначают привычные человеку предметы быта и повседневного обихода. Для наглядности приведем несколько бытовых ситуаций, в которых персонажи не могут обойтись без бытовых сокращений:

‘I rode my ***bike*** down and I had to put ***Grandad’s mac*** over everything because it was raining’ [29, p. 16].

She took celery home from work and chewed that. Jimmy Sr banned the carrots and the celery when the ***telly*** was on, except during the ***ads*** [17, p. 14].

‘Can I go to bed now?’ Ernie asked sleepily.

‘Not until you’ve been to the ***lav***,’ she whispered back [15, p. 75].

All there was in the ***fridge*** was a chunk of cheddar cheese, a carton of orange juice, half a jar of mayonnaise and the remains of a bunch of spring onions. No milk, no ***Coke*** [26, p. 144-145].

The thought of going home, putting my ***nighty*** on and turning on the ***telly*** began to seem irresistibly attractive. [19, c. 99].

Подобные сокращения, несомненно, заслуживают внимания исследователей аббревиации. Обделены вниманием, в частности, сокращения названий одежды (включая названия головных уборов, обуви, чулочно-носочных изделий и сопутствующих атрибутов). Комфортная жизнь человека во многом зависит от правильно подобранной одежды, от того, как он одет и обут (по сезону, по погоде и по случаю), удобно ли ему или нет в повседневной и парадной одежде, модно или нет он выглядит. Одежда не только защищает тело человека от негативного влияния окружающей среды, но выполняет эстетические функции – создаёт образ человека, демонстрирует его социальный статус, являясь важной составляющей имиджа человека.

Не случаен поэтому наш выбор. В фокусе внимания автора статьи оказались сокращенные названия предметов одежды, которые целесообразно систематизировать и расклассифицировать, рассмотреть по функциональным и половозрастным признакам, представить социокультурную характеристику. Примеры извлечены из словарей сокращений, сленга и лингвострановедческих словарей [1, 8, 20, 24, 28, 2] и англоязычной художественной литературы. Автор продолжает развивать темы, затронутые в работах [4, 5, 6, 7.

По функциональным признакам различают нательное бельё (например, майка, трусы, панталоны и т. д.); корсетное изделие (бюстгальтер, грация, корсет, пояс для чулок); верхнюю одежду (надеваемую на корсетные изделия, нательное бельё и (или) изделия костюмно-платьевой группы: куртка, пальто, плащ, пуховик,

дубленка и т.д.); головной убор (шапка, кепка, шляпа, пилотка, капор, чепчик); чулочно-носочное изделие (носки, чулки, гетры, колготки); перчаточное изделие (варежки, рукавицы, перчатки); платочно-шарфовое изделие (платок, косынка, шарф); обувь (ботинки, туфли, сапоги, кроссовки, кеды и т.д.).

Сокращенные названия одежды рассмотрим с учетом приведенной выше классификации в пространственном порядке сверху вниз, т.е. с головы до ног.

В категорию «головные уборы» мы условно отнесли парик: ***wig* 🡐 *periwig*** – изделие из искусственных или настоящих волос, которое надевается на голову как шапка, создавая ту причёску, под которую он сделан. В некоторых случаях парик служит определенным атрибутом, например, в Великобритании судья и некоторые участники судебного процесса, а также члены Палаты лордов появляются в мантии и парике. Описывая голубя Квазимодо, Дж. Даррелл сравнивает хохолок перьев на его голове с париком судьи: <…> Quasimodo retained a sprig of yellow down on his head which gave him the appearance of a rather pompous judge wearing a wig several sizes too small [18, p. 52].

Далее на очереди сокращенные названия нательного белья: ***B.V.D.s^{TM}* = *beeveedees* –** нижнее белье (особ. мужское) от названия фирмы Bradley, Voorhies, and Day: He stood there in his ***B.V.D.s*** freezing [1, с. 70]; ***bra* 🡐 *brassiere* –** бюстгальтер: She pulled a black patterned pantyhose, stiletto heels, and a lacy ***bra*** [13, p. 378]; Karen Lancaster wore nothing but a nippleless ***bra*** and an amused smile [14, p. 252]; ***combie/combs* 🡐 *combinations*** - комбинация (нижнее бельё из майки и трусов типа купальника).

Наряду с сокращениями как таковыми представляют интерес так называемые «псевдосокращения» типа ***G-string, Y-front^{TM}*** и ***T-shirt***, в которых буква вряд ли является результатом аббревиации, а употреблена в качестве символа, указывающего на сходство по форме [3, с. 60-68].

G-string* = *gee-string - джи-стринг, трусики «танга», (минимальная) набедренная повязка: The girl with a dazzling smile had a sister who disdained clothes and wore only a native suntan, plenty of Indian beads, and a suede ***G-string*** [13, p. 371]; ***knicks* 🡐 *knickers*** - дамские панталоны, трусики; ***knickers* 🡐 = *knickerbockers*** - дамские панталоны, трусики; ***nightie* 🡐 *nightdress* –** ночнушка (женская или детская ночная рубашка): She might, just possibly, let him take off her ***nightie*** [29, p. 9]; ***jamas/jams/jimmies* 🡐 *pyjamas*** – пижама; ***PJs* 🡐 *pyjamas*** – пижама: By Wednesday, she's much better, and I no longer have to endure the sight of her pink-flannel-with two many rabbits ***PJs*** [22, p. 22]; ***longies* 🡐** long trousers/long johns длинные (тёплые) кальсоны; ***panties* 🡐 *pantaloons*** - трусики (детские или женские); детские штанишки; ***pants* 🡐 *pantaloons* –** кальсоны; подштанники; трусы (*BrE*); ***shreddies*** (*BrE*) **🡐 *shredded underwear*** – мужское нижнее белье (намек на изношенное, рвание и/или грязное состояние); ***swimmies* 🡐 *swimmers*** (*Aus*.) – купальный костюм; ***undies* 🡐 *underclothes*** или ***underwear*** - женское нижнее бельё: 'Gosh!' she exclaimed. 'What ***undies***, silk, look!' She held up a pair of pink camicknickers [32, p. 269]; ***woolies* 🡐 *(long) woollen underwear*** – теплое (шерстяное) нижнее бельё, термобелье: <…> Michaelmas was the time of bonfire smoke and purple flowers and getting one's ***woolies*** out again, and Easter was lilies and spring cleaning <…> [31, p. 48].

Y-front^{TM}* –** «Уай-франт» (фирменное название белья для мужчин и мальчиков производства компании «Лайл и Скотт» ("Lyle and Scott") [2, с. 461]: 'Fuck! He exploded, jumping off the bed, pulling tight Levis over French ***Y-fronts, and grabbing a shirt [14, p. 100].

Сокращения названий легкой одежды (изделия костюмно-платьевой группы) представлены такими примерами, как: ***Bannner™*** **←** ***Bannerman*** – фирменное название рубашек, пижам, а также женской и детской одежды компании «Генри Баннерман энд санз» (“Henry Bannerman and Sons”) [2, с. 47];

cardy/-ie **←** ***cardigan*** – кардиган, шерстяная кофта на пуговицах без воротника. Встречается написание ***cardi***: Patty (sprayed-on jeans and skimpy lilac ***cardi***) simply smirked, which Mel hadn’t found too complimentary [9, p. 25]; ***chaps*** **←** ***chaparajos*** ковбойские «наштанники», чапсы (кожаные чехлы, надеваемые поверх штанов; элемент рабочей одежды ковбоев; защищают ноги и колени); ***civvies*** **←** ***civilian clothes*** – гражданская одежда, штатское платье (как противоположность униформе. Первонач. военн.): I feel sort of funny in ***civvies***; ***cords*** **←** ***corduroy trousers, corduroys*** – брюки или бриджи из вельвета в рубчик: Hector dressed in casual country ***cords*** and brogues and went to his study at the end of the passage [30, p. 55]; ***pants*** **←** ***pantaloons*** – брюки, штаны (*AmE, coll.*); ***pinny*** **←** ***pinafore*** – передник, фартук (в *дет.* речи); ***T-shirt/tee-shirt*** **←** футболка; тенниска, майка (с короткими рукавами) (имеет форму буквы Т в разложенном виде); She was intelligently pretty, with spiked hair, sharp eyes, and pointed breasts, ***bra***-less beneath a loose ***T-shirt*** [13, p. 272]; ***trackie*** **←** ***tracksuit*** спортивный (тренировочный) костюм; ***tux*** **←** ***tuxedo*** – смокинг: The only thing better would be seeing Shaw in a ***tux*** [10, p. 207]; ***gym slip = gym tunic*** платье-сарафан в складку (для школьниц; на кокетке, с поясом, обыкн. темно-синее) [2, с. 197]; ***gym shorts = gymnastics shorts*** спортивные шорты: In the throes of some nightmare she kicked off the sheet and lay there in a long-sleeved ***T-shirt*** and baggy ***gym shorts***, perspiration rising through her pores and moistening her clothes [10, p. 257].

Рассмотрим сокращения названий верхней одежды:

mac **←** ***mackintosh*** - макинтош, непромокаемый плащ: A girl in a white ***mac*** was feeding ducks from a paper bag [21, p. 128]; ***camo jacket*** = ***camouflage jacket*** **-** камуфляжная куртка: Despite the heat, he’d worn long trousers and a ***camo jacket***, the latter held tightly closed as he walked inside my office and plopped on the couch [27, p. 263]; ***cammies*** **←** ***camouflage clothing***: Two more soldiers in ***cammies*** came down from the gun emplacement carrying their Soviet-made AK-47s [16, p. 106]; ***hoodie/-y*** ← a ***hood****ied sweatshirt* (as worn by many young people, esp. those involved in rap music, as a semi-uniform) – толстовка с капюшоном, балахон с капюшоном.

Весьма репрезентативна группа сокращенных названий обуви:

compo **←** ***composition (shoes)*** дешевые туфли; ***mocs*** ← ***moccasins*** мокасины (мягкая, без твёрдой подошвы, кожаная обувь североамериканских индейцев, часто украшенная узорами); ***sannies*** **←** ***sand shoes*** – пляжная обувь – парусиновые туфли на резиновой подошве; ***spats*** **←** ***spatterdashes*** – короткие гетры: He took his job rather seriously, and was always dressed as though he were on the verge of rushing off to some important official function, in a black cut-away coat, striped trousers, fawn ***spats*** over brightly polished shoes <…> [18, p. 133]; ***tennies*** **←** ***tennis shoes*** – тенниски: His feet were bare, and a few feet behind him, caught in tall blackberry brambles, I saw a pair of filthy low-topped Keds. For a moment I was puzzled – why was he here and his ***tennies*** there … [23, p. 448]; ***wellies*** **←** ***wellingtons*** (детские) резиновые сапожки, (детские) веллингтоны: Nico and Fred, now in shirtsleeves, are fitted with colorful sashes and black rubber boots (Posy calls the “***wellies***”) and breadknife daggers [25, p. 94]. ‘Tell them to put some ***wellies*** on,’ the Queen said. ‘It’s muddy’ [11, p. 45]. Заслуживает комментария вид веллингтонов зелёного цвета – ***green wellies*** – «зелёные сапожки», которые

считаются атрибутом одежды аристократии и буржуазии, молодых аристократов, называемых «Слоун-Рейнджерами» (Sloane Rangers), так как они проживают в окрестностях Слоун-Сквер (Sloane Square) или Кенсингтона в Лондоне. Эти представители высшего класса (чаще девушки) носят обычную, но дорогую одежду в «деревенском» стиле.: <…> Brian did look very earthy, his fingernails rimmed in brown, his ***green wellies*** streaked with what easily might be manure [33, p. 32].

Сокращение ***vibs* 🡐 *Vibram*** ™ - вибы, альпинистские ботинки на рельефной резине без шипов (Vibram – фирменное название рельефной резины для подошв) [2, с. 440].

Небольшую группу составляют сокращения названий аксессуаров туалета - предметов, дополняющих костюм человека или выполняющих утилитарную функцию: ***hanky* 🡐 *handkerchief*** - носовой платок: She took up her bag from the floor to look for a ***hankie*** [17, p. 53]; ***mit* 🡐 *mitten*** варежка, рукавица, перчатка; ***specs* 🡐 *spectacles*** очки: Well, obviously I need new ***specs*** and he’s going to test me himself [29, p. 299]; ***sunnies* 🡐 *sunglasses*** (*Aus./NZ*) солнцезащитные очки; ***brolly* 🡐 *umbrella* –** зонтик: ‘A black ***brolly*** with malacca handle, a gold band with my grandfather’s name on it. Otho Bengough. I put it over there, I think, or maybe not. <…> [33, p. 67].

Подводя итоги, мы можем констатировать, что названия видов одежды не аббревиируются не одинаково. Наиболее многочисленна группа сокращений, называющих нижнее белье, причем более половины из них – предметы женской и детской одежды. Сокращения, обозначающие детское и женское белье, характерны для речи женщин: ***bra* 🡐 *brassiere, cardie* 🡐 *cardigan, nappy* 🡐 *napkin, nightie* 🡐 *nightgown, panties* 🡐 *pantaloons, pinnie* 🡐 *pinafore, undies* 🡐 *(women’s) underwear, wellies* 🡐 *wellingtons***, и некоторые другие [4, с. 112].

Характеризуя сокращения по основным типам сокращений (усечения, суффигированные сокращения, сложносокращенные слова, аббревиатуры, включая акронимы), отметим, что в большинстве случае, они представлены усечениями и суффигированными сокращениями, которые являются сокращенно-производными словами и осложнены, как правило, уменьшительно-ласкательным суффиксом ***–ie***.

Случаи аббревиатур единичны (***B.V.Ds, PGs***).

Литература

1. Англо-русский словарь американского сленга. М.: "Книжный сад", 1993. 544 с.

2. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. Москва: Рус. яз., 1978. 480 с.

3. Горшунов Ю.В. Структурно-семантические особенности сложносокращенных слов современного английского языка: дис. … канд. филол. наук. Москва, 1983. 153 с.

4. Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры. М.: Прометей, 1999. 219 с.

5. Горшунов Ю.В. Мир птиц и насекомых в сокращениях английского языка // Тенденции развития науки и образования. Научный журнал: материалы XXX международной научной конференции «Тенденции развития науки и образования» 30 сентября 2017 г. Ч. 2. Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2017. С. 39 – 42.

6. Горшунов Ю.В. Дикие и одомашненные животные в сокращениях английского языка // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2021. № 7-8. С. 37 – 48.

7. Горшунов Ю.В. Бытовые сокращения английского языка, отражающие растительный мир // Науч.-практ. конф. «Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация» РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва, 18-20 октября 2021. С. 57 – 64.

8. Торн Т. Словарь современного слэнга / Thorne T. Dictionary of Modern Slang. М.: Вече, Персей, 1996. 593 с.

9. Astley J. Unchained Melanie. A Black Swan Book, 2002. 283 p.

10. Baldacci D. The Whole Truth. Hachette Book group. Inc., 2009. 530 p.

11. Bennett S.J. The Windsor Knot. Zaffre, 2020. 314 p.

12. Cleeves A. Silent Voices. Macmillan. 2011. 372 p.

13. Collins J. Lucky. London: Pan Books, 1986. 640 p.

14. Collins J. Hollywood Wives. Pan Books, 1984. 522 p.

15. Dean E. There'll be Blue Skies. Arrow books, 2011. 454 p.

16. DeMille N. The Quest. NY: Center Street. 613 p.

17. Doyle R. The Snapper. A Minerva Paperback. 1993. 216 p.

18. Durrell G. My Family and other animals. Penguin Books. 1976. 301 p.

19. Fielding H. Bridget Jones's diary. Picador, 1997. 310 p.

20. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. WS Bookwell, 2003. 1326 p.

21. Howard E.J. Getting it Right. Penguin Books, 1983. 286 p.

22. James E.L. Fifty Shades of Grey, Arrow Books, 2012. 524 p.

23. King S. Fall from Innocence. The Body. Warner Books, 2001.

24. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1999. 1568 p.

25. Lurie A. Foreign Affairs. An Abacus Book, 1989. 279 p.

26. McDermid V. The Grave Tattoo. Harper Collins Publishers, 2006. 546 p.

27. Patterson J. Double Cross. Vision: New York, Boston. 2008. 420 p.

28. Room A. An A to Z of British Life: Dictionary of Britain. Oxford University Press, 1990. 480 p.

29. Sallis S. Time of Arrival. Corgi Books. 2002. 399 p.

30. Smith W. Vicious Circle. 2014: Pan Books. 462 p.

31. Stuart M. Touch not the cat. Coronet Books. 1977. 285 p.

32. Wesley M. The Camomile Lawn. A Black Swan Book, 1989. 336 p.

33. Wesley M. Second Fiddle. A Black Swan Book, 1991. 238 p.

References

1. Anglo-russkij slovar' amerikanskogo slenga. M.: "Knizhnyj sad", 1993. 544 s.

2. Velikobritanija: Lingvostranovedcheskij slovar'. Moskva: Rus. jaz., 1978. 480 s.

3. Gorshunov Ju.V. Strukturno-semanticheskie osobennosti slozhnosokrashhennyh slov sovremennogo anglijskogo jazyka: dis. … kand. filol. nauk. Moskva, 1983. 153 s.

4. Gorshunov Ju.V. Pragmatika abbreviatury. M.: Prometej, 1999. 219 s.

5. Gorshunov Ju.V. Mir ptic i nasekomyh v sokrashhenijah anglijskogo jazyka. Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. Nauchnyj zhurnal: materialy XXX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Tendencii razvitija nauki i obrazovanija» 30 sentjabrja 2017 g. Ch.' 2. Izd. NIC «L-Zhurnal», 2017. S. 39 – 42.

6. Gorshunov Ju.V. Dikie i odomashnennye zhivotnye v sokrashhenijah anglijskogo jazyka. Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2021. № 7-8. S. 37 – 48.

7. Gorshunov Ju.V. Bytovye sokrashhenija anglijskogo jazyka, otrazhajushhie rastitel'nyj mir. Nauch.-prakt. konf. «Inostrannyj jazyk v professional'noj sfere: pedagogika, lingvistika, mezhkul'turnaja kommunikacija» RGU im. A.N. Kosygina, Moskva, 18-20 oktjabrja 2021. S. 57 – 64.

8. Torn T. Slovar' sovremennogo sljenga. Thorne T. Dictionary of Modern Slang. M.: Veche, Persej, 1996. 593 s.

9. Astley J. Unchained Melanie. A Black Swan Book, 2002. 283 p.

10. Baldacci D. The Whole Truth. Hachette Book group. Inc., 2009. 530 p.

11. Bennett S.J. The Windsor Knot. Zaffre, 2020. 314 p.

12. Cleeves A. Silent Voices. Macmillan. 2011. 372 p.

13. Collins J. Lucky. London: Pan Books, 1986. 640 p.

14. Collins J. Hollywood Wives. Pan Books, 1984. 522 p.

15. Dean E. There'll be Blue Skies. Arrow books, 2011. 454 p.

16. DeMille N. The Quest. NY: Center Street. 613 p.

17. Doyle R. The Snapper. A Minerva Paperback. 1993. 216 p.

18. Durrell G. My Family and other animals. Penguin Books. 1976. 301 p.

19. Fielding H. Bridget Jones's diary. Picador, 1997. 310 p.

20. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. WS Bookwell, 2003. 1326 p.

21. Howard E.J. Getting it Right. Penguin Books, 1983. 286 p.

22. James E.L. Fifty Shades of Grey, Arrow Books, 2012. 524 p.

23. King S. Fall from Innocence. The Body. Warner Books, 2001.

24. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1999. 1568 p.

25. Lurie A. Foreign Affairs. An Abacus Book, 1989. 279 p.

26. McDermid V. The Grave Tattoo. Harper Collins Publishers, 2006. 546 p.

27. Patterson J. Double Cross. Vision: New York, Boston. 2008. 420 p.

28. Room A. An A to Z of British Life: Dictionary of Britain. Oxford University Press, 1990. 480 p.

29. Sallis S. Time of Arrival. Corgi Books. 2002. 399 p.

30. Smith W. Vicious Circle. 2014: Pan Books. 462 p.
31. Stuart M. Touch not the cat. Coronet Books. 1977. 285 p.
32. Wesley M. The Camomile Lawn. A Black Swan Book, 1989. 336 p.
33. Wesley M. Second Fiddle. A Black Swan Book, 1991. 238 p.

Gorshunov Yu.V., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Bashkir State University (Birsk Branch)

COMMON ENGLISH ABBREVIATIONS FOR CLOTHES AND ACCESSORIES

Abstract: the article aims at providing a linguistic and sociocultural description of typical everyday English abbreviations referring to the “clothes and accessories” sector which has not yet been included in the research field of abbreviation specialists. The focus is on the abbreviations of clothing names (including the names of footwear and related accessories and attributes), systematized and classified according to various grounds, and provided, whenever possible, with socio-cultural and linguistic characteristics. The linguistic characteristic is reduced to finding out the method of forming the abbreviation and its classification in accordance with the main categories of abbreviations (clippings, suffixed clippings, compound clippings, abbreviations, including acronyms) and to describing the related phenomenon of pseudo-abbreviation when a letter is used as a symbol indicating similarity in form.

According to the method of formation, the analyzed abbreviations are mainly represented by clippings and suffixed clippings, framed with the suffix -ie, and to a lesser extent by abbreviations.

The group of shortenings referring to underwear is the most numerous, and more than half of them are items of women's and children's clothing. Abbreviations for children's and women's underwear are typical for women's speech. Examples of everyday abbreviations for the analysis are extracted from dictionaries of abbreviations, those of slang, linguistic-and-cultural dictionaries, and English fiction.

Keywords: abbreviation (process), abbreviation (word), acronym, clipping, everyday abbreviation, creolized abbreviation, SMS-abbreviation, pseudo-abbreviation, suffixed clipping, clothes and accessories

Балута А.А., доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИЧАСТНЫМИ И ДЕЕПРИЧАСТНЫМИ ОБОРОТАМИ В САНСКРИТЕ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДА БХАГАВАДГИТЫ)

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности употребления причастий и деепричастий в тексте Бхагавадгиты на санскрите и закономерности перевода предложений, осложненных причастиями и деепричастиями на русский язык. Для сопоставительного анализа также рассматривается перевод Бхагавадгиты на английский язык. По результатам сопоставительного анализа удалось установить, что в санскрите, как и в большинстве древних индоевропейских языков, паратаксис преобладал над гипотаксисом, поэтому вместо сложноподчиненных предложений чаще употреблялись простые предложения, осложненные причастными оборотами. В классическом санскрите существовала развернутая система причастных форм, которая охватывала всю временную и залоговую парадигму: настоящее, прошедшее и будущее время. При переводе на русский язык аористных и перфективных причастий иногда наблюдается смешение их значений, так как современный русский язык имеет только одну форму прошедшего времени. Причастные обороты в классическом санскрите часто употреблялись в соединении сандхи, иногда в сочетании с деепричастными оборотами в значении добавочного действия. В санскрите существовали также две деепричастные формы, которые по составу формообразующих суффиксов можно соотнести с деепричастиями русского языка. Однако выбор глагольной основы для образования деепричастия, в отличие от русского языка, не зависел о категории вида, так как в санскрите у глагола нет этой категории. Особенности синтаксического употребления деепричастий санскрита также отличаются от их употребления в русском языке, что необходимо учитывать при переводе.

Ключевые слова: причастия, деепричастия, санскрит, русский язык, Бхагавадгита

В санскрите, как и в большинстве древних индоевропейских языков, паратаксис преобладал над гипотаксисом, поэтому вместо сложноподчиненных предложений чаще употреблялись простые предложения, осложненные причастными оборотами. Эти конструкции имели высокую частотность употребления. Вот несколько примеров такого использования причастий в тексте Бхагавадгиты.

1. О Санджая, что сделали мои сыновья и сыновья Панду, когда собрались в священном месте, на Курукшетре, желая сраженья? [1, 1.1.]

धर्मक्षेत्रे कुरुक्षेत्रे dharmakṣetre kerekṣetre

समवेता युयुत्सवः । **samavetā** yuyutsavaḥ

मामकाः पाण्डवाश्चैव māmakāḥ pāṇḍavāś cāiva

किम् अकुर्वत संजय ॥ Kim akuruvata saṁjaya [2, p. 73].

В строке समवेता युयुत्सवः । samavetā yuyutsavaḥ» первое слово представляет собой причастие прошедшего времени (аористное) страдательного залога в форме именительного падежа мужского рода множественного числа, полностью согласованное с рядом стоящим субстантивированным прилагательным в значении «жаждущие сражаться, желающие битвы». Таким образом в санскритском тексте мы имеем полупредикативный причастный оборот, заменяющий придаточное предложение времени, что было довольно частым явлением в санскрите, так как этот древний стремящийся к синтетизму язык в таких случаях демонстрировал преобладание паратксиса над гипотаксисом, как и большинство древних языков. В переводе на русский и английский языки в этом месте придаточная временная конструкция, вводимая подчинительным союзом «когда» “When they were in the field of virtue, in the field of the Kurus, Assembled together, desiring to fight, What did my army and that of the Sons ofPandu do, Sanjaya?” [3, p. 73].

2. «О учитель, посмотри на это великое войско сыновей Панду, искусно выстроенное сыном Друпады, твоим способным учеником!» [1, 1.3.]

पश्यैतां पाण्डुपुत्राणाम् paśyāitāṁ pāṇḍuputrāṇām

आचार्य महतीं चमूम् । ācarya mahatīṁ camūm

व्यूढां द्रुपदपुत्रेण **vyūḍhāṁ** rdupadaputreṇa

तव शिष्येण धीमता ॥ tava śiṣyeṇa dhīmatā [2, p.75]

В примере на санскрите в третьей строке в функции согласованного определения употреблено причастие прошедшего времени (аористное) страдательного залога в форме винительного падежа единственного числа женского рода, что почти полностью (кроме рода) соответствует форме русского перевода. Аористные причастия в санскрите были одними из самых распространенных причастных форм и характеризовались синтаксической и семантической полифункциональностью, как и аналогичные причастия прошедшего времени в русском языке.

3. Затем Арджуна, на флаге которого изображен Хануман, взглянул на сыновей Дхритараштры, выстроенных в боевом порядке, и поднял свой лук, готовясь к перестрелке [1, 1.20]

अथ व्यवस्थितान् दृष्ट्वा atha vyavasthitān dr̥ṣṭvā

धार्तराष्ट्रान् कपिध्वजः । dhārtarāṣṭrān kapidhajaḥ

प्रवृत्ते शस्त्रसंपाते pravr̥tte śastrasaṁpāte

धनुर् उद्यम्य पाण्डवः ॥ dhanur udyamya pāṇḍavaḥ [2, p. 58]

Причастные обороты в санскрите, как правило, не обособлялись в отдельные конструкции. Так как порядок слов был свободным, как и в большинстве языков синтетического типа, данная конструкция демонстрирует наложение причастного и деепричастного оборотов. Причастный оборот включает в себя компоненты, которые находятся в разных строках: व्यवस्थितान् "vyavasthitān" + धार्तराष्ट्रान! "dhārtarāṣṭrān" «выстроившихся в боевом порядке сыновей Дхритараштры» и деепричастный оборот अथ दृष्ट्वा "atha dr̥ṣṭvā" «Затем увидев».

4. Из-за смешения сословий весь род и губители рода ввергаются в ад; их предки падут, лишившись поминальных приношений пищи и воды [1, 1.42]

संकरो नरकायैव saṁkaro narakāyāiva

कुलघ्नानां कुलस्य च । kulaghānāṁ kulasya ca

पतन्ति पितरो ह्येषां patanti pitaro hyeṣāṁ

लुप्तपिण्डोदकक्रियाः ॥ luptapiṇḍodakakriyāḥ [2, p. 80]

Причастие прошедшего времени страдательного залога लुप्त "lupta" «лишенные» в составе сандхи लुप्तपिण्डोदकक्रियाः "luptapiṇḍodakakriyāḥ" представляет собой классический случай распространенного определения, выраженного причастным оборотом.

5. А мы слышали из писаний, о Джанардана, что люди, поправшие родовые законы, надолго ввергаются в ад [1, 1.44]

उत्सन्नकुलधर्माणां utsannakuladharmāṇāṁ

मनुष्याणां जनार्दन । manuṣyāṇāṁ janārdana

नरके ऽनियतं वासो नाराके 'niyataṁ vaso

भवतीत्यनुशुश्रुम ॥ bhavatītyanuśuśruma [2, p. 82]

В данном случае причастный оборот представлен одним большим соединением उत्सन्नकुलधर्माणां "utsannakuladharmāṇāṁ" «поправшие родовые законы», где само причастие прошедшего времени उत्सन्न.

6. Тогда Мадхава и Арджуна, **стоя** в величественной колеснице, запряженной белыми конями, затрубили в свои божественные раковины [1, 1.14].

ततः श्वेतैर् हयैर् युक्ते tataḥ śvetāir yukte

महति स्यन्दने स्थितौ , mahati syanane sthitāu

माधवः पाण्डवश्चैव mādhavaḥ pāṇḍaścāiva

दिव्यौ श ौ प्रदध्मतुः ॥ Divyāu śaṇkhāu pradadhmatuḥ [2, p. 52]

Здесь мы видим причастие прошедшего времени страдательного залога युक्ते “yukte” «запряженной» в форме местного падежа в составе распространенного определения, выраженного причастным оборотом. Это хорошо отражено и в русском, и в английском переводах:

“Then, standing in the great chariot Yoked with white horses, Krishna and Arjuna Sounded forth their divine conch horns” [2, p. 52].

7. Когда Арджуна увидел сошедшихся вместе родных, он преисполнился сострадания и сказал, сокрушаясь [1, 1.27.]

श्वशुरान् सुहृदश्चैव ṣvaṣurān suhr̥daṣcāiva

सेनयोर् उभयोर् अपि । senayor ubhayor api

तान् समी स कौन्तेयः tān samīkṣya sa kāunteyaḥ

सर्वान् बन्धून् अवस्थितान् ॥ Sarvān bandhūn avasthitān [2, p. 65]

Здесь причастный оборот с причастием прошедшего времени страдательного залога अवस्थितान् “avasthitān” вместе с зависимыми словами образует причастный оборот «выстроенных вместе в ряд». На наш взгляд, английский перевод данного отрывка несколько ближе к оригиналу, чем русский:

“Arjuna saw fathers-in-law, companions, In the two armies, And contemplated All his kinsmen, arrayed” [2, p. 65]

8. Я хочу увидеть тех, кто собрался здесь для сражения, желая угодить злоумному сыну Дхритараштры [1, 1. 23]

योत्स्यमानान् अवेक्षे ऽहं yotsyamānān averṣe ’haṁ

य एते ऽत्र समागताः। ya ete ’tra samāgatāḥ

धार्तराष्ट्रस्य दुर्बुद्धेर् dhārtāṣṭraya durbuddher

युद्धे प्रियचिकीर्षवः ॥ yuddhe priyacikīṣavaḥ [2, p. 83]

В этом отрывке можно увидеть пример употребления причастия будущего времени действительного залога, которое передавало намерение совершить действие योत्स्यमानान् “yotsyamānān” «собирающихся сражаться.

Такая форма не употреблялась широко в текстах санскрита. Причастие будущего времени со значением намерения совершить действие не имеет широкого распространения в языках индоевропейской семьи, хотя в некоторых древних языках, например, в латыни, аналогичные формы встречаются. В русском языке эта форма не имеет синтетически выраженного аналога, поэтому в переводе часто заменяется придаточной атрибутивной конструкцией.

Далее рассмотрим несколько примеров употребления деепричастных конструкций.

1. О Санджая, что сделали мои сыновья и сыновья Панду, когда собрались в священном месте, на Курукшетре, желая сраженья? [1, 1.1.]

धर्मक्षेत्रे कुरुक्षेत्रे dharmakṣetre kerekṣetre

समवेता युयुत्सवः। samavetā yuyutsavaḥ

मामकाः पाण्डवाश्चैव māmakāḥ pāṇḍavāś cāiva

किम् अकुर्वत संजय ॥ Kim akuruvata saṁjaya [2, p. 73]

В тексте на санскрите smveta युयुत्सवः। samavetā **yuyutsavaḥ** употребляется сложное субстантивированное прилагательное в значении «жаждущий битвы», которое на русский язык передается деепричастным оборотом «желая сражения».

2. Если те, ради кого мы ищем царства, услады и счастья, выстроились к битве, рискуя жизнью и богатством? [1, 1.32-33]

किं नो राज्येन गोविन्द kiṁ no rājyena govinda

किं भोगैर् जीवितेन वा ॥ kiṁ bhogāir jīvitena vā

येषाम् अर्थे काङ्क्षितं नो yeṣām arthe kāñkṣitaṁ no

राज्यं भोगाः सुखानि च। rājyaṁ bhogāḥ sukhāni ca

ता इमे ऽवस्थिता युद्धे ta ime ’vasthitā yuddhe

प्राणांस् त्यक्त्वा धनानि च ॥ prāṇāṅs **tyaktvā** dhanāni ca [2, p. 104]

В тексте на санскрите употреблен герундив от глагола tyaj в значении «рисковать», что вполне соответствует русскому деепричастию «рискуя».

3. О Джанардана, какую радость мы обретем, убив сыновей Дхритараштры? [1, 1, 36]

निहत्य धार्तराष्ट ान् नः nihatya dhārtarāṣṭrān naḥ

का प्रीतिः स्याज् जनार्दन kā prītiḥ syāj janārdana [2, p. 74]

В тексте на санскрите деепричастие (герундив) निहत्य “nihatya” с суффиксом “ya” соответствует русскому деепричастию совершенного вида «убив», что еще раз подтверждает отсутствие дифференциации форм деепричастий по виду в санскрите. Аналогичное явление можно встретить в старославянском и древнерусском языке, когда семантические видовые формы глагола вступали в резонанс при образовании деепричастных форм от разветвленной глагольной системы старославянского и древнерусского языков, унаследованной из византийского греческого. Это можно считать следами первого южнославянского влияния. Остаточные явления этого процесса сохранились в части русских устойчивых сочетаний с нехарактерными типами образования деепричастных форм совершенного вида от глаголов несовершенного вида и наоборот, например, «бежать **сломя** голову». От глагола совершенного вида «сломить» должно было образоваться деепричастие «сломив». В данном случае форму «сломя» можно рассматривать как грамматический архаизм.

4. Как мы можем, о Мадхава, быть счастливыми, убив наших близких? [1, 1.37]

स्वजनं हि कथं हत्वा svajanaṁ hi kathaṁ hatvā

सुखिनः स्याम माधव ॥ Sukhinaḥ syāma mādhava [2, p. 75]

Еще один пример аналогичного употребления деепричастия (герундива) हत्वा “hatvā”, но уже с суффиксом “tva”, что вполне соответствует русскому деепричастию совершенного вида от глагола «убить» – «убив». В санскрите глагол “han”, от которого образована данная форма, бесприставочный, поэтому деепричастие образуется с суффиксом “tva”, а не “ya”, однако видовая дифференциация деепричастных форм, аналогичная старославянской и русской, отсутствует. Если учитывать то обстоятельство, что в древнейших языках становление видовых форм предшествовало становлению форм времени, а деепричастия как глагольные имена являются более древними образованиями, чем спрягаемые глагольные формы, сохранение в русском языке временной дифференциации деепричастий может свидетельствовать о более древней структуре праславянского языкового субстрата по отношению к субстрату праиндийскому.

5. **Увидев** армию Пандавов, выстроенную в боевом порядке, царь Дурьодхана **приблизился** к своему учителю (Дроне) и **сказал** такие слова: [1, 1.2.]

दृष ा तु पाण्डवानीक< dr̥ṣṭvā tu pāṇḍavānīkaṁ

व्यढं दुर्योधनस् त्दा vyūḍhaṁ duryodhanas tadā

आचार्यमुपसंगम्य ācāryamupasaṁgamya

राजा वचनमब्रवीत् ॥ rājā vacanam abravīt [2, p. 74]

В этом примере деепричастие दृष्ट्वा “ dr̥ṣṭvā” «увидев» от глагола दृष् “dr̥ṣ” «видеть, смотреть» вполне соответствует русской форме и переводу.

6. Сказав это Хришикеше, Арджуна, победитель врагов, промолвил: "Говинда, я не буду сражаться" - и погрузился в молчание [1, 2.9]

एवम् उक्त्वा हृषीकेशं evam uktvā hṛṣīkeśaṁ

गुडाकेशः परंतप । guḍākeśaḥ paraṁtapa

न योत्स्य इति गोविन्दम् na yotsya iti govindam

उक्त्वा तूष्णीं बभूव ह ॥ uktvā tūṣṇīṁ babhūva ha [2, p. 94]

В данном примере дважды употребляется деепричастие उक्त्वा “ uktvā” с суффиксом त्वा «сказав» от глагола со значением «говорить» – “vac”. Этот суффикс здесь совпадает с суффиксом деепричастия совершенного вида в русском языке.

7. Тогда Мадхава и Арджуна, **стоя** в величественной колеснице, запряженной белыми конями, затрубили в свои божественные раковины [1, 1.14].

ततः श्वेतैर् हयैर् युक्ते tataḥ śvetāir yukte

महति स्यन्दने स्थितौ । mahati syanane sthitāu

माधवः पाण्डवश्चैव mādhavaḥ pāṇḍaśćāiva

दिव्यौ श ौ प्रदध्मतुः ॥ divyāu śaṅkhāu pradadhmatuḥ [2, p. 51]

Деепричастный оборот в данном примере на санскрите по сути таковым не является, так как представлен соединением полупредикативного оборота Locativus absolutus (Местный самостоятельный) с отглагольным прилагательным в именительном падеже स्थितौ "sthitāu" «стоящий», «стоя».

8. Когда Арджуна увидел сошедшихся вместе родных, он преисполнился сострадания и сказал, сокрушаясь [1, 1.27.]

श्वशुरान् सुहृदश्चैव ṣvaṣurān suhr̥daṣcāiva

सेनयोर् उभयोर् अपि । senayor ubhayor api

तान् समी स कौन्तेयः tān samīkṣya sa kāunteyaḥ

सर्वान् बन्धून् अवस्थितान् ॥ Sarvān bandhūn avasthitān [2, p. 65]

В этом примере герундив समी “tān samīkṣya” «сокрушаясь» употребляется как одиночное деепричастие в значении добавочного действия.

9. Тогда Мадхава и Арджуна, **стоя** в величественной колеснице, запряженной белыми конями, затрубили в свои божественные раковины [1, 1.14].

ततः श्वेतैर् हयैर् युक्ते tataḥ śvetāir yukte

महति स्यन्दने स्थितौ । mahati syanane sthitāu

माधवः पाण्डवश्चैव mādhavaḥ pāṇḍaścāiva

दिव्यौ श ौ प्रदध्मतुः ॥ Divyāu śaṇkhāu pradadhmatuḥ [2, p. 52]

Деепричастный оборот в данном примере на санскрите по сути таковым не является, так как представлен соединением полупредикативного оборота Locativus absolutus (Местный самостоятельный) с отглагольным прилагательным в именительном падеже स्थितौ “sthitāu” «стоящий», «стоя».

По результатам сопоставительного анализа удалось установить, что в санскрите, как и в большинстве древних индоевропейских языков, паратаксис преобладал над гипотаксисом, поэтому вместо сложноподчиненных предложений чаще употреблялись простые предложения, осложненные причастными оборотами. В классическом санскрите существовала развернутая система причастных форм, которая охватывала всю временную и залоговую парадигму: настоящее, прошедшее и будущее время. Наибольшую частотность употребления имели причастия прошедшего времени, которые были представлены в виде четырех форм: аористное (активное и пассивное) и перфективное (активное и медиальное). При переводе на русский язык аористных и перфективных причастий иногда наблюдается смешение их значений, так как современный русский язык имеет только одну форму прошедшего времени. Причастные обороты в классическом санскрите часто употреблялись в соединении сандхи, иногда в сочетании с деепричастными оборотами в значении добавочного действия. В санскрите существовали также две деепричастные формы, которые по составу формообразующих суффиксов можно соотнести с деепричастиями русского языка. Одну из форм в индоевропейских грамматиках часто называют герундивом, так как она отчасти имела похожие функции. Однако выбор глагольной основы для образования деепричастия, в отличие от русского языка, не зависел о категории вида, так как в санскрите у глагола нет этой категории. Особенности синтаксического употребления деепричастий санскрита также отличаются от их употребления в русском языке, что необходимо учитывать при переводе.

Литература

1. Бхагавадгита. Санскритский текст. Перевод Б.Л. Смирнова. М.: Сиринъ садхана», 2000. 352 с.

2. The Bhagavad Gıta / translated by Winthrop Sargeant; edited and with a preface by Christopher Key Chapple; foreword by Huston Smith. Excelsior Editions is an imprint of State University of New York Press, 2009. 799 s.

References

1. Bhagavadgita. Sanskritskij tekst. Perevod B.L. Smirnova. M.: Sirin# sadhana», 2000. 352 s.

2. The Bhagavad Gıta. translated by Winthrop Sargeant; edited and with a preface by Christopher Key Chapple; foreword by Huston Smith. Excelsior Editions is an imprint of State University of New York Press, 2009. 799 s.

Baluta A.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Moscow Region State University

SENTENCES WITH PARTICIPIAL AND ADVERBIAL TURNS IN SANSKRIT AND RUSSIAN (BASED ON THE TEXT AND TRANSLATION OF THE BHAGAVAD GITA)

Abstract: this article discusses the features of the use of participles and adverbs in the text of the Bhagavad Gita in Sanskrit and the patterns of translation of sentences complicated by participles and adverbs into Russian. For comparative analysis, the translation of the Bhagavad Gita into English is also considered. According to the results of a comparative analysis, it was possible to establish that in Sanskrit, as in most ancient Indo-European languages, parataxis prevailed over hypotaxis, therefore, instead of complex sentences, simple sentences complicated by participial turns were more often used. In classical Sanskrit, there was a detailed system of participial forms that covered the entire temporal and collateral paradigm: present, past and future tense. Russian translation of aoristic and perfective participles sometimes has a mixture of their meanings, since modern Russian has only one form of the past tense. Participial turns in classical Sanskrit were often used in conjunction with sandhi, sometimes in combination with adverbial turns in the meaning of an additional action. In Sanskrit there were also two adverbial forms, which, according to the composition of the formative suffixes, can be correlated with the adverbial parts of the Russian language. However, the choice of the verb basis for the formation of the adverbial participle, unlike the Russian language, did not depend on the category of the species, since in Sanskrit the verb does not have this category. The features of the syntactic use of Sanskrit adverbs also differ from their use in Russian, which must be taken into account when translating.

Keywords: participles, adverbs, Sanskrit, Russian, Bhagavad Gita

Лупанова Е.В., кандидат филологических наук,
Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

КИНЕМАТОГРАФ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: статья посвящена исследованию фразеологизмов из произведений кинематографа в английском языке. С целью выявления источников пополнения фразеологического фонда современного английского языка, анализа путей их семантического развития и специфики функционирования в языке и речи, проводится исследование идиом, получивших популярность в англо-американской культуре благодаря кинофильмам. Отмечается, что популяризация фразеологизмов из кино связана с отличающим современный этап развития общества стремительным ростом информационных технологий и нарастающей информатизацией общества. Идиомы из кинофильмов свидетельствуют о закреплении на уровне языковой системы лингвокреативности – оригинального использования языка, позволяющего различать случаи прагматически ориентированного нарушения языковой нормы. Фразеологизмы, берущие свое начало в кинематографе, входят в общеязыковой узус, получают фиксацию в словарях и не только широко употребляются в речи представителями лингвокультурного сообщества, но и активно используются для описания событий общественно-политической жизни в средствах массовой информации. Яркая образность фразеологизмов и их эмоционально-оценочное коннотативное значение, усиленные апелляцией к значимым в пространстве культуры сюжетам кинолент, способствуют реализации прагматического потенциала текстов медиадискурса с присущей им направленностью на воздействие на сознание массового адресата.

Ключевые слова: фразеологизм, кинематограф, медиадискурс, семантика, образ

Аспекты фразеологии как науки о наиболее образных, символически значимых и национально и культурно маркированных единицах языка неизменно вызывают интерес научного сообщества к данной области лингвистического знания как в России, так и за рубежом.

Представителями антропоцентрического подхода, предполагающего изучение языковых сущностей в их взаимосвязи с различными сторонами бытия человека – культурой, социумом, сознанием и ментальностью, постулируется положение о фразеологизме как знаке, наиболее наглядно транслирующем специфику мировоззрения народа-носителя языка и отражающем его культурно-историческое развитие.

Так, крепостное прошлое русских находит отражение в многочисленных фразеологизмах, описывающих реалии быта крестьянина: *будто корова языком слизала, взваливать на свои плечи, засучив рукава, как ломовая лошадь, куры не клюют, прийтись ко двору* и т.д. Прошлое Великобритании в статусе «владычицы морей» заключено в семантике фразеологизмов английского языка: *batten down the hatches* 'готовиться к трудным временам', *deep waters* 'большое беспокойство или горе; тяжёлое, затруднительное или опасное положение', *all at sea* 'в полном недоумении', *left high and dry* 'один-одинёшенек (всеми покинутый, абсолютно одинокий)', *sail close to the wind* 'быть на грани преступления, рассказывать рискованный анекдот,

ходить по краю пропасти, вести себя на грани дозволенного’, *sink or swim* ‘будь что будет!, была не была!; (либо) пан либо пропал’.

Совокупность представлений, заложенных в образном основании фразеологических и паремиологических единиц языка, имеет непосредственную связь с материальной и духовной культурой лингвокультурной общности и может свидетельствовать о ее национально-культурном опыте и традициях [7, с. 215].

Как справедливо отмечает О.И. Корнилов, тяжело представить пожилого китайца, делящегося с потомками крупицами народной мудрости в стилистике русских выражений типа «баба с возу – кобыле легче; ни кожи ни рожи; хоть плюнь в глаза – все божья роса» и т.п. Зато вполне органично в его исполнении будут звучать суждения о том, что «не стоит людям княжества Ци тревожиться о том, что небо может обрушиться» и что «стоит лодке, плы-вущей против течения, остановиться, как ее понесет назад» [4, с. 275].

Важная роль фразеологии в трансляции культурно-значимых смыслов обусловливает актуальность изучения устойчивых оборотов для развития теории языка, межкультурной коммуникации и сравнительно-сопоставительной лингвистики.

Употребление фразеологизмов носителями языка в речи не требует от них полного понимания этимологии устойчивого выражения. Мы называем непреодолимое препятствие «камнем преткновения», неодобрительно описываем невнятную речь собеседника выражением «говорит сквозь зубы», а растерянный и глуповатый вид человека, не способного разобраться в происходящих вокруг него событиях, – «смотрит как баран на новые ворота», указываем на ничтожно малое количество чего-либо фразеологизмом «кот наплакал», часто не имея ни малейшего представления о библейском происхождении первого, заимствовании из французского языка второго и фольклорных корнях третьего и четвертого.

В лингвистике отмечается невозможность с определенностью выявить истинные причины формирования фразеологизмов в языке. Причины устойчивости, как правило, имеют экстралингвистический характер: значимость в пространстве культуры текста-источника (библеизмы, шекспиризмы и т.д.), культурно-исторический контекст (заимствования), расширение сферы функционирования подъязыков (широкое употребление военных сленгизмов во времена войн и вооруженных конфликтов, популяризация профессиональной медицинской терминологии в период пандемии и т.п.) [1, с. 51].

Язык и фразеология как его неотъемлемая часть представляет собой орудие общения людей, которое создается и развивается в социуме. Современный этап развития общества отличает стремительный рост информационных технологий и связанная с этим нарастающая информатизация с использованием телефонии, радио, телевидения, глобальной сети интернет, традиционых и электронных средств массовой информации. Постоянно растущий объем информации вступает в противоречие с имеющимися в языке средствами, что под действием закона о единстве и борьбе противоположностей приводит к появлению новых языковых средств [6].

В фокусе внимания данного исследования – фразеологизмы, относительно недавно появившиеся в английском языке. Целью ставится выявление источников пополнения фразеологического фонда современного английского языка, анализ путей семантического развития и специфики функционирования новых идиоматических выражений в языке и речи.

Как уже отмечалось ранее, источником пополнения фразеологического фонда языка выступают значимые в пространстве культуры тексты. В лингвистике тексты, и связанные с ними имена, высказывания и ситуации, широко известные практически всем представителям лингвокультурного сообщества, называются прецедентными [5, с. 44].

Важная роль в процессе формирования когнитивной базы – структурированной совокупности знаний и представлений, которой обладают члены национально-культурного сообщества [2, с. 83] – отводится кинематографу. Тяжело представить себе жителя постсоветского пространства, у которого вызовут затруднения в интерпретации выражения «Штирлиц, а вас я попрошу остаться!», «Кто не работает, тот ест», «Я не трус. Но я боюсь», «Птичку жалко!», «Дитям – мороженое, бабе – цветы», «Георгий Иванович. Он же Гога, он же Гоша, он же Юрий, он же Гора, он же Жора», «Все, что нажито непосильным трудом», «Жми на клавиши, композитор!» и многие другие крылатые фразы из наследия советского кинематографа.

Американским институтом киноискусства (The American Film Institute) в 2005 году был составлен рейтинг 100 цитат из кинофильмов, ставших крылатыми в американской культуре [8]. Многие фразы из данного списка хорошо известны представителям других лингвокультурных сообществ, благодаря популярности и влиянию продукции Голливуда на аудиторию за пределами североамериканского континента. Так, к прецедентным можно отнести используемое без перевода в русском и других языках высказывание «I'll be back» («Терминатор»), а также адаптированные варианты цитат из американских кинофильмов: «Хьюстон, у нас проблемы» («Houston, we have a problem», «Апполон 13»), «Да пребудет с тобой сила» («May the force be with you», «Звездные войны»), «У каждого свои недостатки» («Nobody's perfect», «В джазе только девушки, или некоторые любят погорячее»), «Моя прелесть» («My precious», «Властелин колец»), «Взболтать, а не смешивать» («Shaken, not stirred», «Голдфингер» и другие фильмы о Джеймсе Бонде).

Популярность кинолент в западной культуре привела не только к возникновению крылатых выражений, но и к появлению в английском языке ряда новых идиоматических выражений, источником которых выступает кинематограф.

Значимость в культуре США мюзикла «Бродвейская мелодия» (The Broadway Melody, реж. Harry Beaumont, 1929), первого в истории американского кинематографа звукового кино, получившего премию «Оскар» за лучший фильм, проявляется и в пополнении фразеологического фонда английского языка идиомой *all singing, all dancing* (досл. «все поют, все танцуют»). Рекламный постер мюзикла гласил *«All talking all singing all dancing picture»* («Картина, в которой все говорят, поют и танцуют»).

В современном американском варианте английского языка фраза *all singing all dancing* используется для описания развлекательных мероприятий, фильмов, шоу и разного рода представлений, в которых в буквальном смысле «все танцуют и поют»:

«While TikTok is well-established as an ***"all-singing, all-dancing"*** *entertainment platform, it is continuously fighting against "fake news,"...»* [13].

Фраза получила переосмысленное значение в британском английском и используется для описания техники. Идиома *all-singing, all-dancing* характеризует некое современное устройство с продвинутыми характеристиками. При этом, авторы некоторых словарей отмечают заключенную в семантику устойчивого вы-

ражения пейоративную коннотацию, выраженную насмешливым отношением ко всем наворочкам и «прибамбасам» описываемого устройства [15]. Приведем иллюстрации использования идиомы в современном британском английском:

«This entry-level 1.8 -litre A4 is perhaps a more realistic indicator of product excellence than the ***all-singing, all-dancing*** *3.2 quattro model reviewed in last month's issue by Dr Winston Lee»* [19].

Еще одним примером идиоматизации выражения средствами кинематографа служит название широко известной в США и мире комедийной драмы «Пока не сыграл в ящик» («The Bucket List», реж. Rob Reiner, 2007). Авторство названия киноленты принадлежит сценаристу Джастину Закхэму, который, на основании популярного в англо-американской культуре эвфемизма *kick the bucket* (досл. «пнуть ведро») ‘протянуть ноги, дать дуба, сыграть в ящик’ создал выражение *bucket list* (досл. «список для ведра»), обозначающее список дел или желаний, которые человек хочет сделать перед смертью [12].

В современном английском языке идиома находит широкое применение в различных областях общественной жизни. Так, устойчивый оборот используется в названиях книг (Bucket List of an Idiot, Dom Harvey, 2013), к нему апеллируют авторы новостных публикаций в интернете и политические деятели США:

«Common ***bucket list*** *items: see the Eiffel Tower, ride in a helicopter, run a marathon. Not so common bucket list item? Get arrested* [10].

Вышедший на экраны кинотеатров в 1987 году триллер «Роковое влечение» (Fatal Attraction, реж. Эдриан Лайн, 1987) выступает источником возникновения в английском языке сленговой идиомы *bunny boiler* (досл. «убийца кролика»). В основе сюжета киноленты – кратковременная интрижка женатого адвоката, в результате которой брошенная любовница мстит его семье путем убийства их домашнего питомца. Идиома *bunny boiler* в английском языке используется для обозначения непредсказуемого и потенциально опасного партнера или эмоционально неуравновешенной и мстительной женщины [11]:

«Not the ***bunny boiler*** *anymore – why women are finally allowed to show the power of female rage in art»* [14].

Идиоматическим выражением активно спекулируют средства массовой информации при описании агрессивного поведения бывших партнёров, что объясняется присущей медиадискурсу направленностью на воздействие на сознание реципиента, которое достигается апелляцией к эмоционально-оценочной лексике и фразеологии.

В образном основании еще одной новой идиомы в английском языке – традиционный для американской и канадской культуры народный праздник и одноименный фильм «День сурка» (Groundhog Day, реж. Гарольд Рамис, 1993). Согласно поверьям, ежегодно 2 февраля необходимо наблюдать за поведением сурка, вылезающего из норы, чтобы определить, как скоро наступит весна. Переосмысление значения выражения *groundhog day* привело к появлению идиоматического выражения, обозначающего замкнутый круг постоянно повторяющихся событий:

«This is ***Groundhog Day*** *for the bailout saga, with yet another short-term extension to the existing deal»* [9].

Следующим примером пополнения фразеологического фонда английского языка из кинематографических источников выступает идиома *know where the bodies are buried.* Фраза берет свое начало в драматическом фильме «Гражданин Кейн» (Citizen Kane, реж. Орсон Уэллс, 1941). Действие драмы разворачивается

на фоне журналистского расследования репортёра Джерри Томпсона, получившего задание выяснить историю предсмертного слова медиамагната Чарльза Фостера Кейна «rosebud» («розовый бутон»). Для выяснения обстоятельств дела репортер проводит интервью с родственниками и друзьями Кейна, в том числе и с его второй женой, которая рекомендует побеседовать с дворецким бывшего мужа, так как он *«knows where all the bodies are buried»* («знает, где похоронены тела»), что подразумевает, что именно этот человек знает все пикантные подробности из жизни Кейна.

Переосмысление фразы в значении «знать нелицеприятные подробности о жизни человека или делах организации» привело к употреблению выражения в современном английском языке в качестве метафоры. Так, в статье американского журнала Vanity Fair находим следующую иллюстрацию употребления устойчивого выражения:

«That's not to say that Flynn might not ***know where the bodies are buried****, if there were bodies to be found»* [20].

Автором статьи, опубликованной через месяц после отставки советника по делам национальной безопасности Дональда Трампа Майкла Флинна на фоне скандала о возможном российском вмешательстве в выборы в США, фразеологизм используется для характеристики политика, как человека, посвященного во все самые тайные дела бывшего президента США.

Романтическая драма Sliding Doors (реж. Питер Хауитт, 1998), получившая в русском дубляже название «Осторожно, двери закрываются», выступает источником появления устойчивого выражения *sliding doors moment* (досл. «момент раздвигающихся дверей»). В основе сюжета киноленты – ситуация из жизни молодой женщины, которая спешит домой после увольнения с работы. Главная героиня спускается в метро и зрителю демонстрируют два возможных варианта развития событий: она успевает заскочить в вагон и, добравшись до дома, обнаруживает там возлюбленного с другой женщиной, что вынуждает ее положить конец отношениям, или двери вагона закрываются прямо перед ней, она пропускает поезд, возвращается домой слишком поздно, когда пассия бойфренда уже покинула их дом, и продолжает отношения в неведении. Представление о «закрывающихся дверях» в основе образности идиомы *sliding doors moment*, обозначающей 'поворотный момент в жизни человека, когда принятое решение повлияло на весь последующий ход событий', прочно закрепилось в англо-американской популярной культуре, чему свидетельствует широкое употребление устойчивого выражения в прессе:

The Guardian: *«Instead* ***a sliding doors moment*** *sent his life in another direction»* [17].

Вошедшие в общеязыковой узус и получившие фиксацию в словарях фразеологизмы из кинофильмов свидетельствуют о закреплении на уровне языковой системы лингвокреативности – оригинального использования языка, позволяющего различать случаи прагматически ориентированного нарушения языковой нормы, универсальные средства выразительности и случаи интерференции языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов [3, с. 109].

Научно-фантастический боевик «Матрица» (The Matrix, реж. братья Вачовски, 1999), вызвавшый многочисленными аллегорическими смыслами значительный резонанс в сфере философской мысли, служит источником возникновения фразеологизма *take the red pill* (досл. «принять красную таблетку»). Название

фильма – матрица – обозначает порожденный искусственным интеллектом компьютера мир, в котором люди порабощены машинами и производят необходимую для их работы энергию. По сюжету главному герою киноленты Нео, чье предназначение – спасти человечество от порабощения, предлагается на выбор две таблетки: проглотив синюю, он продолжит жить в неведении в иллюзорном мире, а красную – узнает, что на самом деле представляет из себя матрица. Сделанный молодым человеком выбор в пользу красной таблетки позволяет ему постичь все ужасы разрушенного машинизированного мира и начать повстанческую борьбу против машин.

Представление о принятии красной таблетки в символическом значении выбора человека узнать неприятную правду о сложившейся ситуации, а не игнорировать ее, активно используется в англо-американской культуре при описании событий общественно-политической жизни:

«"Wake up Canada! You are being lied to. ***Take the red pill*** *and roll on!" reads a sign attached to the front grille of a parked semi»* [18].

Появление и развитие в западном обществе движения за права мужчин (Men's Rights Movement) привело к распространению фразеологизма take the red pill в значении «придерживаться и продвигать крайне консервативные политические убеждения, в частности, концепцию доминирующей мужественности, основанную на женоненавистничестве и противостоянии феминистским идеалам».

«All you know is the BLUE PILL. Until you KNOW the ***RED PILL*** *you exist in the world of SHADOWS and LIES. You are a SLAVE to the MATRIARCHY. Break your CHAINS, join the FREEDOM-FIGHTING men LISTENING and SEEING, and you will learn the TRUTH and be FREE."»* [16].

Второе значение фразеологизма берет свое начало в речи представителей возникшего в США в 1970-е годы как реакции на успешные феминистские кампании того времени мужского движения антифеминистской направленности [21, с. 9].

В заключение отметим, что отличающий современный этап развития общества стремительный рост информационных технологий и нарастающая информатизация оказывает влияние на пополнение фразеологического фонда языка. Источником возникновения новейших фразеологических единиц выступают популярные в культуре кинофильмы. Фразеологизмы, берущие свое начало в кинематографе, входят в общеязыковой узус, получают фиксацию в словарях и не только широко употребляются в речи представителями лингвокультурного сообщества, но и активно используются для описания событий общественно-политической жизни в средствах массовой информации. Яркая образность фразеологизмов и их эмоционально-оценочное коннотативное значение, усиленные апелляцией к значимым в пространстве культуры сюжетам кинолент, способствуют реализации прагматического потенциала текстов медиадискурса с присущей им направленностью на воздействие на сознание массового адресата.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

2. Гудков Д.С. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: «Филология», 1998. Вып. 4. С. 82 – 93.

3. Зыкова И.В. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент. 2021. 564 с.

4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

5. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

6. Степанов Ю.С. Законы развития языка // Большая российская энциклопедия. https://bigenc.ru/linguistics/text/1986373.

7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

8. Afi. https://www.afi.com/afis-100-years-100-movie-quotes/.

9. BBC. https://www.bbc.com/news/uk-england-london-62151656

10. CNN. https://edition.cnn.com/2017/03/01/europe/dutch-woman-arrested-bucket-list-trnd/index.html

11. Collins English Dictionary. https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/bunny-boiler

12. Farlex Dictionary of Idioms. https://idioms.thefreedictionary.com/bucket+list

13. Forbes. https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2022/07/14/where-will-gen-z-go-after-tiktok/?sh=b53ee7b747a8

14. Independent. https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/lisa-taddeo-animals-female-rage-b1872050.html

15. Longman Idioms Dictionary. Longman, Harlow, 1998.

16. Ordinary times. https://ordinary-times.com/2013/10/20/take-two-red-pills-call-me-in-the-morning-the-sudden-and-surprising-rise-of-the-mens-rights-movement/

17. The Guardian. Bronze warrior Matthew Hudson Smith outruns demons in 400m final. https://www.theguardian.com/sport/2022/jul/23/bronze-warrior-matthew-hudson-smith-outruns-demons-in-400m-final

18. The Guardian. Ottawa truckers protest COVID vaccine mandates. https://www.theguardian.com/world/2022/feb/11/canada-ottawa-truckers-protest-covid-vaccine-mandates]

19. Torque. July 2008. P. 20.

20. Vanity fair. www.vanityfair.com/news/2017/03/mike-flynn-immunity

21. Women's Movements and Countermovements: The Quest for Gender Equality in Southeast Asia and the Middle East / Derichs, Claudia, and Dana Fennert (eds.). Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 9 – 26.

References

1. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Aspekty teorii frazeologii. M.: Znak, 2008. 656 s.

2. Gudkov D.S. Precedentnoe imja v kognitivnoj baze sovremennogo russkogo (rezul'taty jeksperimenta). Jazyk, soznanie, kommunikacija: Sb. Statej. Red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: «Filologija», 1998. Vyp. 4. S. 82 – 93.

3. Zykova I.V. Lingvokreativnost' v kinodiskurse. Lingvokreativnost' v diskursah raznyh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaja monografija. Otv. red. I.V. Zykova. M.: R. Valent. 2021. 564 s.

4. Kornilov O.A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: CheRo, 2003. 349 s.

5. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcij. M.: Gnozis, 2002. 284 s.

6. Stepanov Ju.S. Zakony razvitija jazyka. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. https://bigenc.ru/linguistics/text/1986373.

7. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 s.

8. Afi. https://www.afi.com/afis-100-years-100-movie-quotes/.

9. BBC. https://www.bbc.com/news/uk-england-london-62151656

10. CNN. https://edition.cnn.com/2017/03/01/europe/dutch-woman-arrested-bucket-list-trnd/index.html

11. Collins English Dictionary. https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/bunny-boiler

12. Farlex Dictionary of Idioms. https://idioms.thefreedictionary.com/bucket+list

13. Forbes. https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2022/07/14/where-will-gen-z-go-after-tiktok/?sh=b53ee7b747a8

14. Independent. https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/lisa-taddeo-animals-female-rage-b1872050.html

15. Longman Idioms Dictionary. Longman, Harlow, 1998.

16. Ordinary times. https://ordinary-times.com/2013/10/20/take-two-red-pills-call-me-in-the-morning-the-sudden-and-surprising-rise-of-the-mens-rights-movement/

17. The Guardian. Bronze warrior Matthew Hudson Smith outruns demons in 400m final. https://www.theguardian.com/sport/2022/jul/23/bronze-warrior-matthew-hudson-smith-outruns-demons-in-400m-final

18. The Guardian. Ottawa truckers protest COVID vaccine mandates. https://www.theguardian.com/world/2022/feb/11/canada-ottawa-truckers-protest-covid-vaccine-mandates]

19. Torque. July 2008. P. 20.

20. Vanity fair. www.vanityfair.com/news/2017/03/mike-flynn-immunity

21. Women's Movements and Countermovements: The Quest for Gender Equality in Southeast Asia and the Middle East / Derichs, Claudia, and Dana Fennert (eds.). Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 9 – 26.

Lupanova E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

CINEMATOGRAPHY AS A SOURCE OF CONTEMPORARY ENGLISH PHRASEOLOGY

Abstract: the article is devoted to the study of phraseological expressions from cinema in English. The aim of the article is to identify the sources of contemporary English phraseological stock, to analyze the ways of their semantic development and the specifics of their use in speech and language. The study of idioms, which gained popularity in the Anglo-American culture thanks to movies, is carried out. The author notes that the popularization of idioms from movies is connected with the rapid growth of information technologies and increasing informatization of the society, which distinguishes the modern stage of development of the society. Film idioms testify to the consolidation of linguocreativity – original use of language, allowing to distinguish the cases of pragmatically oriented violation of the linguistic norm at the level of the language system. Phraseological expressions originating in the cinema enter the common language usage, get fixed in dictionaries and are not only widely used in speech by representatives of the linguocultural community, but are also actively used to describe the events of social and political life in the media. The vivid imagery of phraseological expressions and their emotional and evaluative connotative meaning, reinforced by the appeal to the significant in the space of culture subjects of films, contribute to the implementation of the pragmatic potential of media discourse texts with their inherent focus on the impact on the consciousness of the mass recipient.

Keywords: idiom, cinematography, media discourse, semantics, image

Щербак Т.И.,
Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

КОМПРЕССИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НОВОСТНЫХ ТЕКСТАХ МЕДИАДИСКУРСА

Аннотация: в статье исследуются компрессирующие возможности заимствований в новостных текстах медиадискурса США и Великобритании. Актуальность определена ролью средств массовой информации в жизни современного общества, специфика языка которых, учитывая масштаб аудитории, неизменно оказывает влияние не только на литературный язык, но и на сознание и поведение представителей этноса. Отмечается различная степень ассимиляции иноязычной единицы в языке-получателе, определяющаяся комплексом факторов, среди которых выделяется достаточно постепенный ход процесса адаптации к новым фонетическим, грамматическим и семантическим реалиям, подчинение действующему внутреннему закону развития языка. В статье делается вывод о том, что заимствования выступают одним из эффективных средств языковой компрессии лексического уровня. Компрессирующая функция иноязычных лексических единиц имеет важное значение в заимствующем языке ввиду компактности и удобства детерминации понятий и явлений посредством минимальных физических усилий при полном сохранении семантического наполнения. Субституция исконной лексики иноязычными аналогами в новостных медиатекстах позволяет добиться большего эффекта экспрессивности, в ряде случаев «повышая в ранге» контекст информационного послания.

Ключевые слова: компрессия, заимствование, медиадискурс, новостной текст, речевая экономия

В каждой точке временного пространства мир находится в постоянной динамике. Исторический путь любого народа невозможен без контактов с другими государствами, что способствует формированию общего культурно-исторического наследия. Свидетельством явления взаимопроникновения культур в языке выступают заимствования.

К основным причинам появления заимствований в языке относится потребность в номинации реалии, существование интернациональной терминологии, желание подчеркнуть не выделенный ресурсами собственного языка оттенок значения, стремление к языковой экономии, проявляющееся в обозначении нескольких слов и компонентов одним словом [2, с. 147].

Принцип экономии в языке реализуется в заимствовании не только за счет количественного сокращения буквенного состава номинативной единицы, но и в более организованном характере словаря языка: заимствование позволяет одной самостоятельной единицей выразить значение другой самостоятельной единицы без привлечения описательных лексем [3, с. 32].

В данной статье рассмотрим заимствования, используемые в новостных текстах медиадискурса США и Великобритании. Исследование направлено на выявление компрессирующих возможностей заимствований, позволяющих им выступать в качестве средства языковой компрессии лексического уровня.

Актуальность исследования определена ролью средств массовой информации в жизни современного общества, специфика языка которых, учитывая масштаб аудитории, неизменно оказывает влияние не только на литературный язык, но и на сознание и поведение представителей этноса [5, с. 50].

Чтобы информационное сообщение в полной мере реализовало заданные отправителем цели и вызвало искомую реакцию у реципиента, оно должно отвечать определенным критериям: лаконичности, достаточности, аргументированности, экспрессивности. Принцип речевой компрессии направлен на усиление лаконизма и компактности плана содержания при одновременном подчеркивании субъективно-оценочного компонента в рамках высказывания. Приведем пример новостной публикации британского таблоида:

The Sun: *«HOME TRUTHS* ***Homesick*** *Prince Harry 'calling UK pals for advice & wants to admit mistakes' after fury over Prince Charles comments»* [17].

Лингвистами выделяются три основных способа заимствования в языке: прямое заимствование лексической единицы, калькирование (перевод путем копирования морфемной или словесной структуры лексемы языка-источника) и семантическое калькирование (использование уже существующего в языке слова с дополнительным новым значением [1].

В вышеприведенной новостной публикации авторами сообщения используется слово *homesick* 'чувство тоски по родине', выступающее примером словообразовательного калькирования. В данной лексеме осуществлено последовательное копирование морфологической структуры немецкого слова *das Heimweh* (*Heim* 'дом, очаг', *weh* 'болезненный, скорбный')

Приведем еще один пример использования заимствований в новостных публикациях интернет-СМИ:

Independent: «*Five teen girls rescued in* ***blitz*** *capturing 17 suspected sex offenders*» [12].

Употребляемое авторами новостной публикации немецкое слово *blitz* представляет собой пример семантического калькирования. Немецкое существительное *der Blitz* 'вспышка, молния' ассимилировалось в английском языке в качестве прилагательного *blitz* 'молниеносный, стремительный', стало обиходным и проникло в различные сферы употребления, получив ряд других значений:

The Sun: «*BRITAIN can DOUBLE its exports and show off the best of business with a groundbreaking post Brexit trade* ***blitz****, ministers vow today»* [18].

Приведенный пример свидетельствует о компрессирующей функции немецкого заимствования: в сфере маркетинга *blitz* имеет значение 'a short period of time during which a company, government, etc. makes a special effort in a particular area of business or economic activity' [16].

Немецкое заимствование *blitz* служит также компонентом устойчивого словосочетания, выступающего примером фразеологического калькирования:

«President Donald Trump reeled Monday on the eve of his first televised debate against challenger Joe Biden after a ***bolt-from-the-blue*** *report showed he has been avoiding paying almost any federal income tax for years*» [14].

Приведенный пример новостной публикации служит яркой иллюстрацией фразеологического калькирования немецкого идиоматического выражения *Blitz aus blauem Himmel – a bolt from the blue* 'полная неожиданность'.

Заимствования, ассимилируясь в языке-получателе, становятся частью его лексико-грамматической системы и нередко утрачивают характер чужеродности. По характеру адаптации слова в языке-получателе различают фонетическую (изменение звуковой оболочки), грамматическую (преобразование грамматической структуры) и семантическую ассимиляцию (добавление или утрата значений).

Примером фонетической и семантической ассимиляции служит немецкое слово *kaputt* 'сломанный, разбитый, разорванный', ассимилировавшееся в английском языке в *kaput* 'уничтоженный; конец' с помощью апокопы – фонетического явления, обозначающего выпадение одного или нескольких звуков в конце слова, приводящее к сокращению слова [4]:

Forbes*: «President Trump says TikTok is* ***kaput*** *in America. He has vowed to ban the app as soon as today»* [11].

В новостной публикации британской медиакорпорации The BBC заимствования обнаруживают свою компрессирующую функцию и сокращают примерно на треть объем высказывания без потери передаваемого смысла:

BBC*: «In a two-star review for The Independent, Nick Hilton said: "For fans who have devoted themselves to the preceding 72 episodes with a fervour that rivals the biggest* ***franchises*** *in cinema and literary history, it doesn't deliver that crucial* ***coup de grâce*** *of making you feel, making you care»* [6].

Сравним объем семантического наполнения французских заимствований, используемых авторами новостного сообщения:

franchise *'the right or license granted to an individual or group to market a company's goods or services in a particular territory'*;

coup de grâce *'a death blow or death shot administered to end the suffering of one mortally wounded'* [13].

Использование заимствований в новостных публикациях интернет-СМИ свидетельствует о компрессирующей функции иноязычных слов:

BBC: *«Excavation work for a new metro line in Rome has unearthed a huge Roman* ***barracks*** *from the 2nd Century AD when Emperor Hadrian was in power»* [7];

Economist: *«A bidding war between employers could yet cause an inflationary spiral. And shortages* ***ricochet*** *around the economy»* [10];

NY Times: *«Two men were arrested after a* ***skirmish*** *with police officers, which was caught on video, at Miami International Airport on Monday»* [15].

В вышеприведенных примерах наглядно демонстрируется закон языковой экономии: громоздкие определения ***barrack*** *'a building or group of buildings for lodging soldiers, esp. in garrison'* [9], ***ricochet*** *'a ball or bullet that hits a surface and moves away from it at an angle, or an occasion when this happens'* [8], ***skirmish*** *'a minor fight in war usually incidental to larger movements'* [13] заменяются заимствованными словами, что существенно сокращает объем новостной публикации и свидетельствует о компрессирующей функции иностранных слов в языке интернет-СМИ.

Заимствования, таким образом, выступают одним из эффективных средств языковой компрессии лексического уровня. Компрессирующая функция иноязычных лексических единиц имеет важное значение в за-

имствующем языке ввиду компактности и удобства детерминации понятий и явлений посредством минимальных физических усилий при полном сохранении семантического наполнения. Субституция исконной лексики иноязычными аналогами в новостных медиатекстах позволяет добиться большего эффекта экспрессивности, в ряде случаев «повышая в ранге» контекст информационного послания.

Литература

1. Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.

2. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 142 – 161.

3. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры. 2004. 888 с.

4. Литературная энциклопедия. https://rus-literature-enc.slovaronline.com/5634

5. Лупанова Е.В., Щербак Т.И. Фразеология как средство языковой компрессии в современном медиадискурсе // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 3. С. 47 – 51.

6. BBC. Entertainment arts. https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-48333709

7. BBC. World-Europe. https://www.bbc.com/news/av/world-europe-36317135

8. Cambridge dictionary. https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ricochet

9. Collins dictionary. https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/barrack

10. Economist. https://www.economist.com/leaders/2021/05/22/what-to-do-about-a-labour-crunch

11. Forbes. https://www.forbes.com/sites/abrambrown/2020/08/01/is-this-the-real-reason-why-trump-wants-to-ban-tiktok/?sh=4b17a1c54aed

12. Independent. https://www.independent.co.uk/news/world/americas/crime/sex-trafficking-new-orleans-louisiana-b1985939.html

13. Merriam-webster.com. https://www.merriam-webster.com/

14. News.yahoo.com. https://news.yahoo.com/tax-bombshell-throws-trump-defensive-160425103.html

15. NY Times. https://www.nytimes.com/2021/12/21/us/miami-airport-fight-brawl-video.html

16. Slovaronline.com. https://1726.slovaronline.com/10937-blitz

17. The Sun. Home truths. https://www.thesun.co.uk/news/15403147/homesick-prince-harry-uk-pals-advice/

18. The Sun. Sunny side up. https://www.thesun.co.uk/news/politics/16738498/export-post-brexit-trade-blitz-business/

References

1. Zaliznjak A.A. Russkaja semantika v tipologicheskoj perspektive. M: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. 640 s.

2. Krysin L.P. Inojazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshhestvennoj zhizni. Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995). M., 1996. S. 142 – 161.

3. Krysin L.P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2004. 888 s.

4. Literaturnaja jenciklopedija. https://rus-literature-enc.slovaronline.com/5634

5. Lupanova E.V., Shherbak T.I. Frazeologija kak sredstvo jazykovoj kompressii v sovremennom mediadiskurse. Vestnik Moskovskogo informacionno-tehnologicheskogo universiteta – Moskovskogo arhitekturno-stroitel'nogo instituta. 2022. № 3. S. 47 – 51.

6. BBC. Entertainment arts. https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-48333709

7. BBC. World-Europe. https://www.bbc.com/news/av/world-europe-36317135

8. Cambridge dictionary. https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ricochet

9. Collins dictionary. https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/barrack

10. Economist. https://www.economist.com/leaders/2021/05/22/what-to-do-about-a-labour-crunch

11. Forbes. https://www.forbes.com/sites/abrambrown/2020/08/01/is-this-the-real-reason-why-trump-wants-to-ban-tiktok/?sh=4b17a1c54aed

12. Independent. https://www.independent.co.uk/news/world/americas/crime/sex-trafficking-new-orleans-louisiana-b1985939.html

13. Merriam-webster.com. https://www.merriam-webster.com/

14. News.yahoo.com. https://news.yahoo.com/tax-bombshell-throws-trump-defensive-160425103.html

15. NY Times. https://www.nytimes.com/2021/12/21/us/miami-airport-fight-brawl-video.html

16. Slovaronline.com. https://1726.slovaronline.com/10937-blitz

17. The Sun. Home truths. https://www.thesun.co.uk/news/15403147/homesick-prince-harry-uk-pals-advice/

18. The Sun. Sunny side up. https://www.thesun.co.uk/news/politics/16738498/export-post-brexit-trade-blitz-business/

Shcherbak T.I.,
Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

COMPRESSIVE FUNCTION OF BORROWING IN MEDIA DISCOURSE NEWS TEXTS

Abstract: the article investigates the compression possibilities of borrowings in the news texts of media discourse of the USA and Great Britain. The relevance is determined by the role of mass media in the life of modern society, the specifics of the language of which, given the scale of the audience, invariably affect not only the literary language, but also the consciousness and behavior of ethnicity. The article notes different degrees of assimilation of a foreign language unit in the target language, determined by a complex of factors, among which the rather gradual course of adaptation to new phonetic, grammatical and semantic realities, subordination to the effective internal law of language development are highlighted. The article concludes that borrowings act as one of the effective means of language compression of the lexical level. The compression function of foreign lexical units is important in the borrowing language because of compactness and convenience of determining concepts and phenomena through minimal physical effort with full preservation of semantic content. Substitution of the native vocabulary with foreign analogues in the news media texts allows to achieve a greater effect of expressiveness, in some cases "raising in rank" the context of the information message.

Keywords: compression, borrowing, media discourse, news text, speech economy

Птаховская В.В.,
Попова Е.О., кандидат филологических наук, ассистент,
Российский университет дружбы народов

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ ОРИГИНАЛЬНЫХ ТРАНСМЕДИА ПРОЕКТОВ

Аннотация: в статье выясняются особенности разработки, производства и публикации трансмедиа проектов в эпоху дигитализации и практически повсеместной доступности необходимых для этого инструментов. В работе исследуются характерные признаки как обычных, так и конкретно трансмедийных нарративов, их взаимосвязь и отличия. В статье авторы приводят обобщенную характеристику построения стандартного нарратива, видов современных медиа проектов, а также основных путей передачи конечного продукта массовой аудитории. Значительное внимание уделяется классификации трансмедиа проектов по типам и моделям их построения. Отдельно описываются отличия полноценных трансмедиа проектов от простых адаптаций. Авторами анализируются самые частые способы связи разных фрагментов одного трансмедиа проекта друг с другом. В качестве ключевых литературных источников используются книги и научные публикации таких авторов как *Мэри-Лор Райан и Филлипа Джейкоба.* В качестве основных примеров используются реальные истории успешных трансмедиа проектов таких, как франшизы по книгам Дж. Роулинг и Д. Толкина. На основе их изучения было установлено, что практически все крупные представители рынка медиа перешли на трансмедиа формат работы. Таким образом, можно утверждать, что трансмедийные проекты представляют собой достаточно новое, но вместе с тем популярное явление на российском медиарынке.

Ключевые слова: трансмедиа, мультимедиа, сторителлинг, нарратив, история, текст, медиа, автор

Привлекающие много внимания в последние годы трансмедиа проекты, часто рассматривается как достаточно новое явление. Однако мы вполне можем утверждать, что человечество практиковало подобные техники на протяжении всей истории своего развития. В качестве примера можно привести греческие мифы, распространявшиеся через разные каналы: с помощью скульптуры, архитектуры, устного и письменного творчества. Соответственно, мы можем говорить, что это был своеобразный трансмедиапроект времен эпохи античности [8].

Однако в наше время практически каждый пользователь интернета вполне способен самостоятельно создать свою историю, выложить ее на всеобщее обозрение и даже со временем превратить ее в независимый трансмедиа проект. При этом, способы передачи его фрагментов, их взаимосвязь и специфика могут быть совершенно разными по стилю и важности для всего проекта в целом. Соответственно, целью данной работы авторы ставят изучение возможностей создания трансмедиа проектов.

Для того, чтобы лучше понять виды и тонкости построения современных трансмедиа проектов, стоит разобрать процесс создания нарративов. Под нарративом мы понимаем любое повествование, имеющее четко организованную композицию, выстроенную за счет использования логических цепочек и указания причинно-

следственных связей между описываемыми фактами. Кроме того, нарратив отличает наличие эмоциональной и субъективной авторской составляющей. Соответственно, как и любому художественному произведению, нарративу свойственно начинаться с экспозиции. Автор должен представить читателю описание мироустройства, портретов героев и общего конфликта произведения. Другими словами, для нарратива в идеале с самого начала показать аудитории кто герой, какова его цель и что мешает ее достижению. Многие авторы вполне оправдано называют экспозицию одной из, если не самой важной, частью работы над произведением. Ведь история должна «цеплять» читателя с самого начала повествования, так как зачастую он принимает решение о продолжении знакомства с материалом с первых строчек или кадров.

Далее следует развитие сюжета, то есть основная часть произведения. В нем описываются пути героев к достижению их целей, развитие их характеров и отношений, опасности, с которыми они столкнулись и т.п. Таким образом, формируется основной костяк произведения, с которым читатель проведет больше всего времени. Существует опасность потерять внимание публики, если, например, чрезмерно растянуть или скомкать повествование. Особенно это важно учитывать при работе с трансмедиа историями: людям должно быть интересно узнать вашу историю настолько, что им не должно захотеться ограничиваться одним медиаканалом.

Приближение конца повествования ознаменует кульминация – главный переломный момент произведения. Дошедший до кульминации зритель уже вряд ли бросит историю, не дойдя до финала. Однако именно при написании кульминации нужно быть наиболее серьезным. В кульминации необходимо свести воедино все ранее разрозненные сюжетные линии, чтобы избежать появления сюжетных пробелов.

Кульминация сводится к развязке – финальной части произведения. Это итог всех вышеописанных событий, который должен оставить у читателя чувство завершенности или ожидания второй части. Однако, в случае работы с трансмедиа проектами, необходимо добиться обратного эффекта. В идеале финал и сама история в целом должны вызывать желание продолжить знакомство с ними, перейти в другие медиаформаты и, таким образом, попасть в трансмедийную паутину.

Как уже упоминалось выше, каждую историю можно рассказать с помощью множества неповторимых форм и передать по разным каналам. Говоря условно, в зависимости от выбранных медиаканалов историю можно будет, например, прочитать, прослушать, просмотреть или, как в случае с компьютерными играми, даже «пережить». Кроме того, заранее необходимо решить, какими конкретно путями будет распространяться проект. Например, будут ли у него физические копии или это будет исключительно цифровой проект? Будет ли история платной, условно бесплатной, по подписке или полностью бесплатной? Планируется ли самостоятельное распространение проекта или оно будет проходить при поддержке издателя или работодателя, или же распространение будет через страницы сторонних компаний? От выбранных форматов, носителей и площадок распространения во многом будут зависеть доступные стили, механики подачи, а также возможный бюджет создания и продвижения проекта.

Ниже рассмотрим несколько основных форматов оригинальных проектов:

- Текст. В этом случае мы будем говорить о книгах, статьях или постах в социальных сетях. Основная часть содержания представляется в письменном формате, иногда с использованием вспомогательных

изображений. Хорошим примером смешанного преимущественно текстового проекта может стать компьютерная игра в формате новеллы, например, уже ставший своеобразной мировой классикой «Ace Attorney» или популярное в России «Бесконечное лето». Обычно они представляют собой текст, сопровождаемый изменяющимся в зависимости от событий фоном, музыкой и изображениями персонажей на экране. В редких случаях реплики персонажей могут быть озвучены, а их фигуры немного анимированы. Основным отличием новелл от, скажем, аудиокниг с картинками является предоставляемая ими возможность прямого влияния на их финал. Как правило, хотя и не всегда, у каждой новеллы есть несколько путей развития сюжета, которые модифицируются в зависимости от принимаемых игроком решений. Это, вместе с самой историей, является основной мотивацией для людей к знакомству с такими проектами, а также отличной возможностью перенести его часть в другие медиа, например, в видео или комикс.

- Речь. Сюда относятся публичные выступления, вебинары, подкасты в прямом эфире и т.п. Отдельно выделяется именно формат живых выступлений из-за разницы в подаче, лишь условному следованию сценарию, импровизациях, и зачастую прямому взаимодействию с аудиторией. Основная часть будет представлена в устном формате, с возможным использованием вспомогательных средств, обычно в формате презентации или видео. Здесь может отдельно выделяться мимика и подача самого говорящего, так как они достаточно сильно влияют на восприятие. Отличным примером подобного можно назвать выступления и конференции, организуемые американской площадкой TED Talk. Так же сюда можно отнести популярные сейчас оригинальные подкасты в прямом эфире, транслируемые на таких стриминговых площадках как YouTube или Twitch. Однако, большая часть авторов подобных проектов продолжают предпочитать заранее записанный формат из-за его большей простоты в работе. Некоторые авторы записанных подкастов, например, стремительно набирающие популярность в английском сегменте «Trash Taste» и «Distractible», время от времени проговаривают отдельные выпуски в прямом эфире, чтобы усилить ощущение близости к своей аудитории.

- Аудио. Сюда относятся заранее записанные аудио сообщения и подкасты. В этом случае содержание практически всегда ограничивается одним аудио, в очень редких случаях сопровождаясь серией изображений. Иногда слушателям подкастов предлагается отдельная версия проекта, часто на другой интернет площадке, в формате видео. В этом случае такую опцию вполне можно назвать признаком трансмедийности.

- Мультимедиа. Случай, когда история преподносится с помощью сразу нескольких медиаформатов. В отличие от вариантов выше, в мультимедиа каждый из используемых в проекте форматов по-своему важен, и представить подобный проект без одного из них кажется невозможным – теряется его целостность. К этому типу можно отнести видео, игры, а также трансмедиа проекты, в разной степени разделенные на несколько дополняющих друг друга частей. Вполне ожидаемо то, что данный метод считается самым всеобъемлющим и эффективным в сторителлинге.

Таким образом, основываясь на рассматриваемых выше примерах, приведем определение понятия «трансмедийное повествование». Это технология рассказывания одной истории с помощью нескольких медиа форматов, в разной степени дополняющих друг друга. Другими словами, трансмедийный сторителинг – это процесс, который относится к нарративу настолько масштабному, что его нельзя

передать только с помощью одного медиаканала. Следует уточнить, что в данной статье в дальнейшем под словом «история» будет пониматься конкретно сюжет целого проекта или одной его части, а «миром» будет считаться все оставшееся за границами истории мироустройство, его детали, цельная построенная авторами «вселенная». В таком случае один мир может поддержать несколько по-разному связанных историй.

Мэри-Лор Райан, независимый литературовед и критик, автор нескольких книг по нарратологии, художественной литературе и киберкультуре, описывает два основных случая, при которых в современных реалиях может возникнуть трансмедийный сторителлинг [9, с. 89]:

1) *Эффект «снежного кома». В этом случае трансмедиа начинает по-настоящему проявляться после определенного уровня развития проекта. Например, когда конкретная история достигает такого уровня культурного признания, что начинает порождать различные* приквелы, сиквелы, адаптации в других форматах, фанатские произведения и т.п. Временами авторы в буквальном смысле начинают придумывать продолжения «на лету», не ожидая от своего проекта подобного резонанса. Другими словами, здесь трансмедиа не является изначальной целью авторов.

2) Направленность на трансмедиа концепцию с самого начала создания проекта. В этом случае повествование изначально разрабатывается с расчетом на его публикацию в разных форматах. Как правило, весь мир истории заранее делится авторами на определенные отрезки, каждый из которых в дальнейшем будет стилизоваться для конкретно предназначенного ему медиа. Подобные проекты изначально настроены на охват большей и разносторонней, но при этом не менее преданной аудитории. Однако они требуют куда больших временных и денежных затрат.

Соответственно, второй случай требует от авторов четкой структурной взаимосвязи разделенных по разным площадкам фрагментов одной истории.

Все трансмедиа истории в целом можно разделить на две основные модели [9, с. 91]:

1) *Нерушимое целое. Фрагменты напрямую продолжают друг друга, вместе составляя единую историю, которая при объединении будет представлять собой нечто большее, чем просто сумма ее частей. При этой модели человеку предстоит собрать все разрозненные части истории, проследить всю ее сюжетную линию от арки до арки, чтобы полностью прочувствовать данный трансмедиа проект. Его отдельные части не могут существовать друг без друга, по одиночке не представляя собой целой картины.*

2) *Один мир, разные истории. В таких проектах все фрагменты истории являются относительно самостоятельными единицами, при этом скрепляясь общей рамкой одного «мира». При такой модели часто встречается деление фрагментов по их масштабу и степени важности для изучения. Как правило, более крупные элементы следует изучать раньше мелких, даже независимо от даты их публикации, потому что они способны предоставить более полное понимание мироустройства данного проекта в целом. Такие особенно важные элементы принято называть «ядрами» проекта. С этой моделью, человеку необязательно искать и изучать все существующие фрагменты, чтобы получить удовольствие от знакомства с проектом. Однако несмотря на то, что здесь каждая отдельная часть может являться*

самостоятельной небольшой историей, пропорция зависимости понимания мира истории от количества изученных фрагментов сохраняется. То есть, чем больше отдельных элементов потребит человек, тем больше он узнает о связи всех фрагментов.

Суммируя все вышесказанное, первая модель больше похожа на головоломку, где потребитель контента собирает все части мозаики, при этом расставив их в правильном порядке. Вторую модель можно описать как некую анталогию, сборник историй из одного и того же мира, либо про тех же героев, либо на одну тематику. В таком случае человеку следует сначала ознакомиться с несколькими основными «ядрами», а уже затем начинать изучать другие фрагменты проекта, интересующие конкретно его. Так, например, если человек следит за историей одного конкретного персонажа из команды героев, и авторы проекта выпускают приквел комикс про прошлое его друга, никак не связанный с будущими основными событиями, то тот самый человек, решив проигнорировать этот комикс, потому что, например, не любит данного персонажа или конкретно формат комиксов, по большей части не потеряет никакой критично важной информации для продолжения его комфортного знакомства с основной историей. Тогда как с проектами первой модели можно быть уверенным, что в этой предыстории авторы обязательно раскроют некий условный «секрет», без знания которого потребитель имеет все шансы запутаться в продолжении основной истории.

Использование второго случая и второй модели вместе считается наиболее практико-ориентированным способом профессионального трансмедийного повествования. Таким образом, технологии трансмедиа принимаются создателями проекта во внимание не только в процессе демонстрации финального проекта публике, но и во время написания первоначального мира истории, выбора форматов и платформ, учитывается необходимость более тщательной проработки истории и примерного «графика» выхода ее частей в самом начале ее разработки.

Эту модель и ее вариации можно проследить в крупнейших франшизах, например, во «Властелине колец» и «Хоббите» Д. Толкина или «Гарри Поттере» и «Фантастических тварях» Дж. Роулинг. По каждой из этих франшиз написаны основные книги, дописаны продолжения, сняты фильмы, сделаны игры, нарисованы комиксы и т.д.

Говоря о работах Толкина, человек может, например, посмотреть только фильмы и остановиться на этом, а может погрузиться глубже в созданную реальность и прочитать книги, если же мир окончательно его очарует – этот человек может рассмотреть возможность знакомства с компьютерными играми, комиксами, настольным играм и с другими проектами, связанными с историей этого мира. Так, в 2014 году была выпушена компьютерная игра «Средиземье: Тени Мордора», сюжет которой разворачивается между событиями «Властелина колец» и его приквела «Хоббит». История игры проливает свет на судьбы персонажей, упомянутых во «Властелине колец», но не получивших там должного раскрытия. Таким образом, игра, можно сказать, расширяет уже и без того полный мир «Властелина колец».

В случае с работами Дж. Роулинг, ее цикл историй о «Фантастических тварях» сам по себе является опциональным дополнением к миру «Гарри Поттера». Обе истории, хоть и косвенно связанные, происходят в совершенно разных местах, времени и с другими персонажами. Незнание содержания «Фантастических

тварей» никак не скажется на качестве знакомства конкретно с книгами или фильмами о «Гарри Потере». Но, этот цикл даст возможность узнать больше, например, о молодости некоторых персонажей, истории изменения отношений между людьми и магами разных стран, а также жизни популярного в их мире автора книг. Это и есть трансмедийный сторителлинг, расширение истории одного мира за счет различных медиа.

Кроме того, очень важно понимать разницу между полноценным трансмедиа проектом и простой адаптацией. В обоих случаях может создаваться мост между различными видами медиа, например, при точной экранизации книги. Однако такие адаптации обычно заново представляют уже существующую историю, при этом не расширяя и дополняя ее мир, как это происходит при трансмедийном повествовании. Таким образом, большая часть адаптаций – это не трансмедиа в полном смысле этого слова, потому как они создают именно замену уже существующему сюжету, порождая не выбор для изучения разных сторон мира, а ситуацию формата «или-или» – «Посмотрю фильм или прочитаю книгу, но вряд ли я сделаю и то, и то». Здесь хорошим примером станет экранизация книги Н. Геймана и Т. Пратчетта «Благие знамения». Сериал, в создании которого Н. Гейман принимал активное участие, практически в точности повторяет оригинал – это адаптация. Однако анонсированный авторами второй сезон продолжит уже законченную историю книги, став ее оригинальным и эксклюзивным дополнением – это трансмедиа проект.

Далее отметим основные способы совмещения трансмедиа фрагментов одного мира друг с другом. Как правило выделяется 3 основные операции:

1) Расширение. Дополнение мира путем создания новых историй о существующих или новых персонажах, выпуска приквелов и сиквелов. В качестве примера мы можем привести вышеупомянутые случаи развития работ Д. Толкина и Дж. Роулинг. Это является самой популярной техникой в профессиональной индустрии.

2) Модификация или смещение. Сюжет оригинального произведение в чем-то меняется, например, добавляются новые концовки, изменяются отношения или способности персонажей. В качестве примера можно привести практику превращения оригинальных комиксов в игровые новеллы. Так, ставшая хитом новелла «Зайчик» написана по мотивам одноименного рассказа Дмитрия Мордаса. Во время адаптации истории из одного формата в другой обязательно будут добавлены новые взаимодействия с персонажами, изображения и концовки, которые станут эксклюзивными конкретно для этой новеллы. Существует и обратная ситуация, когда часть новеллы экранизируется в виде фильма или сериала, например, такие аниме как «Steins; Gate» и «Fate».

3) Перемещение. Перенос уже существующего сюжета в другие обстоятельства, временное или пространственное окружение. Например, выпущенный в 2010 году сериал BBC о герое детективов Артура Конан Дойля – Шерлоке Холмсе, который не полностью адаптирует, но изменяет уже классическую историю, при этом представив ее события в нашей современности.

Из всего вышеизложенного можно сделать несколько выводов. Во-первых, истории, выходящие за грани одного канала передачи информации, практикуются людьми на протяжении практически всей нашей истории. Во-вторых, для того, чтобы проект считался по-настоящему трансмедийным, его история за счет использования возможностей других медиа должна не просто пересказываться, но меняться и дополняться. В-

третьих, существует множество способов композиционного построения мультимедиа проекта, соответственно, можно выбрать необходимую модель и стилизовать ее под специфику конкретного проекта. В качестве успешных примеров применения подобных техник выступают самые крупные и финансово-успешные франшизы нашего времени – большая часть из них уже давно использует возможности различных медиаканалов, увеличивая свое влияние во всех связанных сферах и получая возможность увеличивать аудиторию.

Литература

1. Андерсон К. TED TALKS. Слова меняют мир. Первое официальное руководство по публичным выступлениям. 2020. 400 с.

2. Брэдбери Р. Дзен в искусстве написания книг. 2017. 192 с.

3. Джейкоб Ф. Трансмедийный сторителлинг в литературе. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://htwk-leipzig.qucosa.de/api/qucosaA76469/attachment/ATT-0 (дата обращения: 10.12.2021 г.)

4. Качанов Д.Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/multimediynyy-zhurnalistskiy-narrativ-k-opredeleniyu-ponyatiya/viewer (дата обращения: 17.04.2022 г.)

5. Макки Р. История: содержание, структура, стиль и принципы написания сценария. 1997. 490 с.

6. Молони К. Мультимедиа, кроссмедиа, трансмедиа. Что все это значит? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sila.media/trans/ (дата обращения: 10.10.2022 г.)

7. Мушин-Македонский А. Нарративное лидерство. Искусство вдохновлять и убеждать с помощью историй. 2022. 380 с.

8. Национальное географическое общество. Сторителлинг [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nationalgeographic.org/encyclopedia/storytelling/#:~:text=Wedoknowthatall,appeartorepresentvisualstories (дата обращения: 10.02.2022 г.)

9. Райан М.Л. Трансмедийное повествование в эпоху конвергенции медиа. 2013. 277 с.

10. Роуз Ф. Искусство погружения. 2012. 384 с.

11. Уткин А., Покровская Н. Белое зеркало: учебник по интерактивному сторителлингу в кино, VR и иммерсивном театре. 2020. 240с.

12. Филлипс А. Руководство для авторов по трансмедийному сторителлингу. 2012. 288 с.

References

1. Anderson K. TED TALKS. Slova menjajut mir. Pervoe oficial'noe rukovodstvo po publichnym vystuplenijam. 2020. 400 s.

2. Brjedberi R. Dzen v iskusstve napisanija knig. 2017. 192 s.

3. Dzhejkob F. Transmedijnyj storitelling v literature. 2021. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://htwk-leipzig.qucosa.de/api/qucosaA76469/attachment/ATT-0 (data obrashhenija: 10.12.2021 g.)

4. Kachanov D.G. Mul'timedijnyj zhurnalistskij narrativ: k opredeleniju ponjatija [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/multimediynyy-zhurnalistskiy-narrativ-k-opredeleniyu-ponyatiya/viewer (data obrashhenija: 17.04.2022 g.)

5. Makki R. Istorija: soderzhanie, struktura, stil' i principy napisanija scenarija. 1997. 490 s.

6. Moloni K. Mul'timedia, krossmedia, transmedia. Chto vse jeto znachit? [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://sila.media/trans/ (data obrashhenija: 10.10.2022 g.)

7. Mushin-Makedonskij A. Narrativnoe liderstvo. Iskusstvo vdohnovljat' i ubezhdat' s pomoshh'ju istorij. 2022. 380 s.

8. Nacional'noe geograficheskoe obshhestvo. Storitelling [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.nationalgeographic.org/encyclopedia/storytelling/#:~:text=Wedoknowthatall,appeartorepresentvisualstories (data obrashhenija: 10.02.2022 g.)

9. Rajan M.L. Transmedijnoe povestvovanie v jepohu konvergencii media. 2013. 277 c.

10. Rouz F. Iskusstvo pogruzhenija. 2012. 384 s.

11. Utkin A., Pokrovskaja N. Beloe zerkalo: uchebnik po interaktivnomu storitellingu v kino, VR i immersivnom teatre. 2020. 240s.

12. Fillips A. Rukovodstvo dlja avtorov po transmedijnomu storitellingu. 2012. 288 s.

Ptakhovskaya V.V.,

Popova E.O., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Assistant Professor,

Peoples' Friendship University of Russia

DIFFERENCES IN THE TECHNIQUES FOR CREATING ORIGINAL TRANSMEDIA PROJECTS

Abstract: the article clarifies the features of the writing, production and publication of transmedia projects in the era of digitalization and the almost universal availability of the tools necessary for this task. The paper explores the characteristic features of both ordinary and specifically transmedia narratives, their interrelationships and differences. In the article, the authors give a generalized description of the composition of a standard narrative, types of modern media projects, as well as the main ways of transferring the final product to a mass audience. Close attention is paid to the classification of transmedia projects by types and models of their development. Separately, the differences between full-fledged transmedia projects and simple adaptations are described. The authors analyze the most frequent ways of connecting different fragments of one transmedia project with another. Books and scientific publications by authors such as Mary-Laure Ryan and Phillip Jacob are used as key literary sources. The main examples are real stories of successful transmedia projects such as franchises based on the books of J. Rowling and D. Tolkien. Based on their study, it was found that almost all major players of the media market have switched to the transmedia format of work. Thus, it can be argued that transmedia projects are a fairly new, but at the same time, a popular phenomenon in the Russian media market.

Keywords: transmedia, multimedia, storytelling, narrative, story, text, media, author

Смородина В.А., кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации им. Главного маршала авиации А.А. Новикова

ЦИФРОВАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЙ

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема становления и развития цифровой журналистики в современном медиапространстве. Цель исследования заключается в уточнении определения и выявлении основных видов цифровой журналистики. В статье представлены основные теоретико-методологические подходы к изучению цифровой журналистики, а также обзор научной литературы, посвященной видам и сущности этого относительно нового медиа-явления. Методология исследования основана на системном подходе и выключает в себя группу общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования; сопоставительный анализ, метод исторической ретроспекции. В результате проведенного исследования автор статьи пришел к выводу о том, что в настоящее время цифровая журналистика включает в себя традиционные направления, которые постепенно адаптируются к цифровому формату, а также новые направления, которые основаны на применении цифровых технологий. Дальнейшее развитие цифровой журналистики сложно прогнозировать по причине все большего разнообразия новых технологий. Однако автор статьи полагает, что традиционные направления не исчезнут полностью, успешно преодолев адаптацию к цифровому формату.

Ключевые слова: цифровая журналистика, медиапространство, новые технологии, традиционная журналистика, цифровая адаптация

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях стремительной цифровизации практически всех сфер жизни общества журналистика вынуждена адаптироваться к новым форматам сбора, анализа и подачи информации. В научной среде все более возрастает интерес к цифровой журналистике как к новому медиа-явлению. При этом, если традиционная (аналоговая) модель журналистской деятельности была основана на том, что именно журналист являлся источником информации, то в цифровой модели практически каждый, кто имеет доступ к Интернету, может распространять различного рода информационный контент.

Более того, профессиональные журналисты в эпоху цифровых технологий вынуждены работать в мире, где новостной цикл движется в несколько раз быстрее, чем прежде. В результате найти баланс между оперативной и проверенной информацией часто бывает весьма непросто.

Несмотря на перечисленные минусы, цифровая информационная среда предоставляет журналистам множество новых инструментов для освещения событий и фактов. Анализ научной литературы показал, что для оперативных и точных репортажей современные журналисты используют следующие технологии:

1. *Интернет.* До эпохи цифровых технологий журналистам приходилось либо звонить по телефону, либо ехать в редакцию, чтобы напечатать новость, а затем отправить ее своим редакторам; после этого информация должна была попасть в типографию и появится в печатном виде, как правило, только на следующий день после события. Теперь Интернет позволяет журналистам записывать информацию на месте с телефона или ноутбука, что позволяет редакциям получать последние новости на своих веб-сайтах в течение нескольких минут после их появления [4, с. 45].

2. *Специальное программное обеспечение.* Современные программы и приложения позволяют журналистам делать все, от редактирования видео до работы с графикой, исследованиями и расшифровкой, не выходя из дома. Программное обеспечение для видеоконференций (например, Zoom и Google Meet) позволяет журналистам удаленно проводить интервью и участвовать в совещаниях и собраниях трудового коллектива [6, с. 139].

3. *Смартфоны.* Пожалуй, самым важным инструментом в современной журналистике являются смартфоны, чаще всего iPhone и Android-устройства. Имея возможность снимать изображения и видео, записывать звук, доступ в Интернет и т.д., журналисты могут вести профессиональную работу, используя только свои смартфоны [11, с. 1299].

4. *Социальные сети.* Журналисты могут использовать социальные сети, чтобы продвигать свою работу, быть в курсе последних новостей, искать источники информации и взаимодействовать с общественностью [8, с. 27].

5. *Цифровые записывающие устройства и службы транскрипции*. На заре современной журналистики репортерам приходилось полагаться на стенографию, чтобы точно цитировать тему, что было непростой задачей при прослушивании выступления политика или послематчевого интервью звездного игрока. Теперь рекордеры могут легко записывать, хранить, сортировать и воспроизводить десятки часов аудио без подзарядки, а передовое программное обеспечение для распознавания голоса может генерировать расшифровки аудиофайлов с высокой точностью [5, с. 551].

6. *Цифровые камеры* (двойного назначения): когда камеры были только пленочными, журналистская фотография была дорогостоящей и трудоемкой практикой, распространенной почти исключительно только среди профессионалов. Теперь, с распространением цифровых камер и камер для смартфонов, почти у каждого есть устройство двойного назначения, которое может снимать как фотографии высокой четкости, так и видео.

Большинство профессионалов по-прежнему полагаются на более совершенные цифровые однообъективные зеркальные камеры (DSLR) и на беззеркальные цифровые камеры, которые поставляются со сменными системами объективов, что позволяет камерам снимать все, от крупных планов, макросъемки до панорамы футбольного поля. Таким образом, в современных условиях журналистика оснащена огромным количеством новых технологий. Однако следует понимать, что цифровая журналистика не состоит только из применяемых технических средств [6, с. 138].

В современной научной литературе под цифровой журналистикой принято понимать «современную форму журналистики, в которой редакционные материалы распространяется через Интернет, в отличие от публикации на печатных носителях или путем радио и телетрансляции» [12, с. 168].

Между тем, единой трактовки данного понятия до сих пор нет, хотя ясно, что основной продукт журналистики новости в цифровую эпоху может быть представлен либо отдельно, либо в комбинированном виде: текст, аудио, видео и некоторые интерактивные формы [8, с. 26].

Историография темы довольно обширна и состоит из работ как отечественных, так и зарубежных авторов. В частности, теоретические основы цифровой журналистики рассмотрены в работах таких авторов, как Н.С. Авдонина, В.Н. Богатырева [1], Е.Л. Вартанова [2, 3], А.А. Градюшко [4], М.С. Корнев [5], А.А. Тимофеев [6], А.С. Чернавский [7].

Эмпирические исследования цифровой журналистики, новых форматов подачи новостей и технологий размещения новостного контента представлены в работах таких авторов, как С.К. Баншал, М.К. Верма, М. Юварадж [8], С.Р. Эдскорн [9], К. Хесс, А. Скотт, Эдсон Э., К. Тандок, О. Вестлунд [10], Г. Перро, П. Феруччи [11], Д.М. Райф [12].

Тем не менее, несмотря на обширную историографию, в настоящее время в научной литературе нет исследований, в которых была бы проведена некоторая систематизация проблемы цифровой журналистики в современном медиапространстве. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел, поскольку в ней представлены обзор научных подходов и классификация цифровой журналистики.

Методы

При проведении исследования были использованы методы контент-анализа, сопоставительного анализа, ретроспективного исторического метода, а также методы научного обобщения и классификации.

Результаты

Проведенный анализ научной литературы показал, что на современном этапе развития область цифровой журналистики состоит как из традиционных, так из принципиально новых направлений. При этом традиционные направления довольно успешно пытаются адаптироваться к цифровому формату работы. Основные направления цифровой трансформации журналистики могут быть представлены следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Основные направления цифровой журналистики на современном этапе (составлено автором на основе анализа научной литературы)

Рассмотрим названные направления несколько подробнее.

В так называемой традиционной журналистике газетные репортеры и редакторы работают в местной официальной газете, главной газете в городе или районе. Независимо от местоположения, газеты имеют устоявшуюся традицию профессиональной подачи новостей, занимают нейтральную политическую позицию и ведут тщательное освещение новостей в своих регионах [10, с. 550]. Исследователи отмечают, что скорость адаптации к цифровому формату работы очень важна для выживаемости традиционных средств массовой информации. Большинство традиционных журналистских изданий слишком медленно реагировали на цифровую эпоху и пострадали от этого. Снижение доходов от рекламы, потеря раздела объявлений в пользу Интернета и увеличение затрат вынудили многие новостные агентства сократить свой штат или уменьшить масштабы публикаций [10, с. 557].

Телерадиовещание и кабельная журналистика по-прежнему актуальны, но переход на цифровые технологии также повлиял на вещательную журналистику. Однако в общем объеме вещания телевизионные новости сильно уступают информационно-развлекательным программам, поскольку телекомпании вынуждены конкурировать между собой за привлечение зрительской аудитории. Возникновение независимых вещательных компаний также бросило вызов тележурналистике. Например, для постоянного мониторинга медиапространства и размещения видеоматериалов большого размера и высокой четкости современный журналист может использовать потоковые цифровые приложения (например, «Facebook Live» и «Twitch»), с помощью которых можно довольно быстро привлечь огромную аудиторию. Также в цифровой журналистике активно используются технологии многофункциональной потоковой передача мультимедиа, которые позволяют сразу добавлять видеоматериалы в единый цифровой поток [9, с. 78].

В области аналитической журналистики в эпоху цифровых технологий также появились новые инструменты и форматы сбора и подачи информации. Для журналистских расследований технология больших данных стала, пожалуй, ключевой в процессе адаптации данного направления к цифровому формату рабо-

ты. Доступ к огромному потоку данных дает журналисту практически бесконечное количество информации для расследования по любой социально-значимой проблематике.

В сфере спортивной журналистики активно используются сайты спортивных обозрений, информацию на которые можно добавлять прямо во время спортивного события. Спортивные хроники ведутся журналистами более оперативно, при добавлении видео и фотоматериалов, а цифровые устройства позволяют запечатлеть самые острые моменты матчей или любых других спортивных мероприятий [7, с. 20].

Особенно остро стоит вопрос об эффективности цифровой адаптации в сфере печатных средств массовой информации. Помимо газет, журналисты работают в таблоидах и других печатных изданиях. Как полагают исследователи, «печатная отрасль является одной из самых пострадавших, с высокими затратами на печать цветных страниц и фотографий без полей, а также с высокими затратами на качественных авторов, которые предлагают длинные статьи, на выполнение которых уходят недели или месяцы» [9, с. 77].

В цифровую эпоху появился совершенно новый вид социально-сетевой журналистики, котопая связана с использованием социальных сетей в качестве площадок для обмена и распространения информационного контента. Более того, такие сети, как «ВКонтакте», «Facebook» и «Twitter» позволяют журналистам не только размещать информацию, но и собирать о ней мнение подписанной на страницу журналиста аудитории с помощью различных форм мини-опросов и обратной связи [9, с. 78]. По мнению большинства исследователей, среди всех направлений именно журналисты социальных сетей быстрее всего идут в ногу со временем, успешно адаптируясь к появлению новых платформ и сервисов (Patrion, Boosty и т.п.).

Таковы на сегодняшний день основные направления цифровой журналистики. При этом с каждым годом все возрастает количество новых технологий и цифровых площадок для размещения информационного контента, поэтому следует ожидать не только развития существующих, но и появления принципиально новых направлений в сфере цифровой журналистики.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующий вывод о том, что в настоящее время цифровая журналистика включает в себя традиционные направления, которые постепенно адаптируются к цифровому формату, а также новые направления, которые основаны на применении цифровых технологий. Традиционные направления, несомненно, сохранят свои позиции на медиарынке только в случае успешной цифровой адаптации, а дальнейшее развитие цифровой журналистики можно характеризовать как все большее разнообразие новых технологий в медиапространстве.

Литература

1. Авдонина Н.С., Богатырева В.Н. Актуальные тенденции цифровой журналистики и новых медиа // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2020. № 2. С. 9 – 19.

2. Вартанова Е.Л. Развивая понимание медиа: от технологий к социальному пространству // Меди@льманах. 2020. № 5. С. 12 – 25.

3. Вартанова Е.Л. Цифровая журналистика как новое поле академических исследований // Меди@льманах. 2021. № 6. С. 8 – 14.

4. Градюшко А.А. Современные тенденции развития региональных СМИ в многоплатформенной среде // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. 2021. № 1. С. 44 – 51.

5. Корнев М.С. Понятие «Журналистика» в современной цифровой среде // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 5. С. 2 – 9.

6. Тимофеев А.А. Журналистика в цифровой век: от утрат к новым приобретениям // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 5. С. 137 – 143.

7. Чернавский А.С. «Новые медиа» и развитие журналистики цифровой эры // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 5. С. 18 – 24.

8. Banshal S.K., Verma M.K., Yuvaraj M. Quantifying global digital journalism research: a bibliometric landscape. Library Hi Tech. 2022. Vol. 4. P. 22 Ц 45.

9. Edscorn S.R. Book Review: The Routledge Companion to Digital Journalism Studies. Reference and User Services Quarterly. 2020. Vol. 57 (1). P. 70 – 89.

10. Hess K., Scott A., Edson E., C. Tandoc, Westlund O. Editorial: Diversity in Digital Journalism. Digital Journalism. 2019. Vol. 7 (5). P. 549 – 553.

11. Perreault G., Ferrucci P. What Is Digital Journalism? Defining the Practice and Role of the Digital Journalist. Digital Journalism. 2020. Vol. 8 (10). P. 1298 – 1316.

12. Ryfe D.M. Actor-Network Theory and Digital Journalism // Digital Journalism. 2022. Vol. 10 (2). P. 267 – 283.

References

1. Avdonina N.S., Bogatyreva V.N. Aktual'nye tendencii cifrovoj zhurnalistiki i novyh media. Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejhema. 2020. № 2. S. 9 – 19.

2. Vartanova E.L. Razvivaja ponimanie media: ot tehnologij k social'nomu prostranstvu. Medi@l'manah. 2020. № 5. S. 12 – 25.

3. Vartanova E.L. Cifrovaja zhurnalistika kak novoe pole akademicheskih issledovanij. Medi@l'manah. 2021. № 6. S. 8 – 14.

4. Gradjushko A.A. Sovremennye tendencii razvitija regional'nyh SMI v mnogoplatformennoj srede. Trudy BGTU. Serija 4, Print- i mediatehnologii. 2021. № 1. S. 44 – 51.

5. Kornev M.S. Ponjatie «Zhurnalistika» v sovremennoj cifrovoj srede. Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2015. № 5. S. 2 – 9.

6. Timofeev A.A. Zhurnalistika v cifrovoj vek: ot utrat k novym priobretenijam. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika. 2018. № 5. S. 137 – 143.

7. Chernavskij A.S. «Novye media» i razvitie zhurnalistiki cifrovoj jery. Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 2015. № 5. S. 18 – 24.

8. Banshal S.K., Verma M.K., Yuvaraj M. Quantifying global digital journalism research: a bibliometric landscape. Library Hi Tech. 2022. Vol. 4. P. 22 C 45.

9. Edscorn S.R. Book Review: The Routledge Companion to Digital Journalism Studies. Reference and User Services Quarterly. 2020. Vol. 57 (1). P. 70 – 89.

10. Hess K., Scott A., Edson E., C. Tandoc, Westlund O. Editorial: Diversity in Digital Journalism. Digital Journalism. 2019. Vol. 7 (5). P. 549 – 553.

11. Perreault G., Ferrucci P. What Is Digital Journalism? Defining the Practice and Role of the Digital Journalist. Digital Journalism. 2020. Vol. 8 (10). P. 1298 – 1316.

12. Ryfe D.M. Actor-Network Theory and Digital Journalism. Digital Journalism. 2022. Vol. 10 (2). P. 267 – 283.

Smorodina V.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg State University of Civil
Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov

DIGITAL JOURNALISM: ESSENCE AND CLASSIFICATION OF DIRECTIONS

Abstract: the article deals with the actual problem of the digital journalism formation and its development in the modern media space. The research goal is to clarify the definition and identify the main types of digital journalism. The article presents the main theoretical and methodological approaches to the study of digital journalism, as well as a scientific literature review on the types and essence of this relatively new media phenomenon.

The research methodology is based on a systematic approach and includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic; comparative analysis and historical retrospection. As a result of the study, the author of the article concluded that at present digital journalism includes traditional areas that are gradually adapting to the digital format, as well as new areas that are based on the use of digital technologies. The further development of digital journalism is difficult to predict due to the increasing variety of new technologies. However, the author of the article believes that traditional trends will not disappear completely, having successfully overcome the adaptation to the digital format.

Keywords: digital journalism, media space, new technologies, traditional journalism, digital adaptation